Y8 6/138

У8 б/138

ЧЕГО ДОСТИГЛИ

И ЧЕГО ДОМОГАЮТСЯ

ВПЕРЕДЪ ДОСТИГНУТЬ ФИНЛЯНДЦЫ

ПО ПУТИ ОТПАДЕНІЯ ИХЪ ОТЪ

РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

Ѳ. Еленева.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1898.

ГОСУД. Р. СС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 40471
1-VII-1925.
БИБЛ

МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Отъ сочинителя 3

Порядокъ законодательства въ Финляндіи отъ ея завоеванія въ 1809 году до Гельсингфорскаго сейма 1863 года 3

Обособленность Финляндскаго управленія отъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій имперіи 9

Мѣры принимавшіяся въ прежнее время для кодификаціи Финляндскихъ законовъ 18

Неприкосновенность державныхъ правъ Монарха надъ Финляндіей до 1863 года 20

Пропаганда ученія о Финляндскомъ государствѣ 22

Форма правленія 1772 г. и Актъ соединенія и охраненія 1789 года. 23

Продолженіе пропаганды о Финляндскомъ государствѣ 25

Первый Гельсингфорскій сеймъ 1863 года 27

Учрежденіе перваго комитета (Норденстама) для кодификаціи такъ-называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи 33

Сеймовый Уставъ 1869 года 36

Уставъ о воинской повинности 1878 года 44

Дарованіе сейму права непосредственнаго предложенія законовъ. 59

Учрежденіе второго комитета (Вейсенберга) для кодификаціи такъ-называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи и подробный разборъ составленнаго имъ проекта 61

Начало коренного измѣненія въ порядкѣ изданія узаконеній для Финляндіи 97

Проектъ Финляндскаго Сената 99

Мнѣніе Финляндскаго генералъ-губернатора 102

Заключеніе 107

Дозволено цензурою. Москва, 4 Іюля 1898 года.

ЧЕГО ДОСТИГЛИ И ЧЕГО ДОМОГАЮТСЯ ВПЕРЕДЪ ДОСТИГНУТЬ ФИНЛЯНДЦЫ ПО ПУТИ ОТПАДЕНІЯ ИХЪ ОТЪ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

Отъ сочинителя.

Въ этомъ изслѣдованіи излагается какъ то, чего уже успѣли достигнуть Финляндцы для отстраненія Русской государственной власти отъ внутренняго управленія ихъ страною, такъ и то, чего они домогаются достигнуть далѣе на томъ же пути. Сочиненіе это исключительно основано на офиціальныхъ документахъ и несомнѣнныхъ историческихъ фактахъ. Съ особою подробностью изложены здѣсь и подвергнуты тщательному разбору домогательства Финляндцевъ на новыя пріобрѣтенія для превращенія этой провинціи Русской монархіи въ самостоятельное государство. Эти домогательства приводятся здѣсь буквально въ томъ самомъ видѣ, какъ они выражены собственными устами и писаніями тамошнихъ правительственныхъ дѣятелей. Для Русскаго, принимающаго къ сердцу будущность своего отечества и не лишеннаго способности видѣть очевидное, сказанныя Финляндскія домогательства должны служить указаніемъ на то, чего слѣдуетъ ожидать Россіи со стороны этой ближайшей къ Петербургу окраины нашего государства въ случаѣ исполненія Финляндскихъ надеждъ и въ случаѣ новой, весьма вѣроятной, противу насъ коалиціи Европейскихъ державъ.

Порядокъ законодательства въ Финляндіи отъ ея завоеванія въ 1809 году до Гельсингфорскаго сейма 1863 года.

Со времени завоеванія Финляндіи въ 1809 году и до Гельсингфорскаго сейма 1863 года изданіе законовъ въ этой провинціи, какъ и во всей Россіи, зависѣло единственно отъ самодержавной власти Императора. Вслѣдъ за покореніемъ Финляндіи и еще до заключенія мира со Швеціею, по повелѣнію императора Александра I-го, были собраны на сеймъ въ городѣ Борго депутаты отъ четырехъ сословій для принесенія присяги на подданство и для представленія своихъ мнѣній по четыремъ вопросамъ, требовавшимъ неотложнаго рѣшенія и переданнымъ на ихъ предварительное обсужденіе. Вопросы эти касались: будущаго устройства и способовъ содержанія Финскаго поселеннаго войска, упрощенія и болѣе правильнаго распредѣленія податей, переложенія Швед-

ской монетной системы на Русскіе рубли и наконецъ — нѣкоторыхъ частныхъ подробностей учрежденія Правительствующаго Совѣта, регламентъ котораго былъ составленъ особою комиссіею по назначенію Императора. Русское правительство, мало знакомое съ устройствомъ и законами этой только что завоеванной области, само собою разумѣется, не могло рѣшить этихъ вопросовъ безъ совѣщанія со свѣдущими людьми изъ числа самихъ жителей; но участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ было чисто-совѣщательное, такъ что одни изъ ходатайствъ сейма были приняты Русскимъ правительствомъ во вниманіе, другія подверглись при исполненіи болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ, третьи оставлены вовсе безъ послѣдствій, какъ, напримѣръ, ходатайства, относившіяся къ монетной системѣ и къ учрежденію банка земскихъ чиновъ. Важнѣйшее изъ переданныхъ на обсужденіе сейма узаконеній, регламентъ Правительствующаго Совѣта, подвергся передѣлкѣ уже по распущеніи сейма. Затѣмъ, въ теченіе 54 лѣтъ, сеймы вовсе не были собираемы. Законы издавались, измѣнялись и отмѣнялись властью императоровъ, по представленіямъ Правительствующаго Совѣта (переименованнаго потомъ въ Сенатъ) или по непосредственному усмотрѣнію верховной власти. Впрочемъ сеймъ, какъ совѣщательное собраніе, не былъ уничтоженъ въ принципѣ: такъ, въ царствованіе императора Николая I-го, при изданіи нѣкоторыхъ узаконеній дѣлалась оговорка о невозможности созвать въ то время земскіе чины, чтобы передать эти узаконенія на ихъ обсужденіе (см. высочайшее повелѣніе 21 Апрѣля 1826 г. объ уничтоженіи смертной казни и высочайшее постановленіе 2 Августа 1827 г. о принятіи на службу Финляндскихъ гражданъ православнаго исповѣданія). Въ тѣхъ случаяхъ, когда какой нибудь законъ относился къ предметамъ общимъ для Имперіи и Великаго Княжества, онъ восходилъ на высочайшее утвержденіе въ общемъ законодательномъ порядкѣ чрезъ Государственный Совѣтъ или же по совокупному заключенію подлежащихъ министровъ и Финляндскаго генералъ-губернатора (Второе Полн. Собр. Законовъ №№ 210, 417, 8241, 33926).

Наканунѣ сейма въ Борго, именно 15 Марта 1809 г., т. е. почти за полгода до подписанія Фридрихсгамскаго мира со Швеціею, императоръ Александръ обратился къ населенію Финляндіи со слѣдующею привѣтственною грамотою: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали мы за благо симъ вновь *) утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы,

*) При самомъ началѣ войны императоръ Александръ, въ манифестѣ къ жителямъ Финляндіи отъ 5 Іюня 1808 г., обѣщалъ имъ сохраненіе „*древнихъ* установленій, странѣ ихъ свойственныхъ“. Къ этому обѣщанію и относится выраженіе „вновь“, употребленное въ грамотѣ 15-го Марта 1809 г.

права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи. Въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ нашимъ утвердить благоволили».

Вслѣдъ за завоеваніемъ западной Финляндіи императоръ Александръ I-й утвердилъ для нея, какъ остающіеся въ силѣ и на будущее время, «Общее Уложеніе Швеціи, принятое на сеймѣ 1734 г.» и «Церковный Уставъ 1686 г.». Въ первомъ изъ этихъ кодексовъ соединены издавна дѣйствовавшіе въ Шведскомъ королевствѣ законы гражданскіе, уголовные, судопроизводственные, о торговлѣ и о хозяйственномъ благоустройствѣ. Такимъ образомъ законы, утвержденные Александромъ I-мъ для Финляндіи, обнимали весь церковный, юридическій, административный и экономическій бытъ этой провинціи и были именно тѣ «древнія установленія, странѣ этой свойственныя», или иначе тѣ «коренные законы», сохраненіе которыхъ было обѣщано императоромъ Александромъ въ манифестѣ его къ жителямъ Финляндіи отъ 5 Іюня 1808 г. и въ грамотѣ отъ 15 Марта 1809 г. Общее завѣдываніе административными и судебными дѣлами Финляндіи было сосредоточено въ Правительствующемъ Совѣтѣ, поставленномъ въ независимость отъ всѣхъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій Имперіи. Въ §§ 15—18 учрежденія или регламента Правительствующаго Совѣта указаны тѣ предметы и дѣла, которые изъемлются изъ вѣдѣнія Совѣта и рѣшеніе которыхъ должно принадлежать непосредственно власти Императора. Къ числу такихъ предметовъ отнесены между прочимъ: «изъятіе изъ законоположеній, наложеніе новыхъ податей или какихъ либо другихъ сборовъ, чрезвычайные расходы, не опредѣленные годичнымъ росписаніемъ доходовъ и расходовъ, всякія законодательныя мѣры, пожалованіе казенныхъ имѣній и доходовъ и дозволеніе обмѣна казенныхъ гейматовъ, и вообще все, что по существующимъ узаконеніямъ отъ особеннаго и непосредственнаго повелѣнія монаршей власти зависитъ». «Дѣйствія Совѣта, говорится въ § 17, ограничиваются существующими узаконеніями, безъ всякой власти перемѣнять, пояснять или, еще менѣе, уничтожать оныя». «Совѣтъ можетъ однакожъ (сказано въ § 18) представлять на высочайшее Его Величества усмотрѣніе мнѣніе свое о признаваемыхъ онымъ нужными поясненіяхъ въ постановленіяхъ или въ узаконеніяхъ. Таковыя представленія не будутъ дѣйствительны, доколѣ не удостоятся высочайшаго утвержденія». Въ главѣ II-й § 42-го сказано, что «проектъ росписанія годовыхъ доходовъ и расходовъ представляется Сенатомъ ежегодно Его Императорскому Величеству». На-

добно замѣтить, что первоначальный проектъ регламента составлялся самими Финляндцами, которые держались конституціонной точки зрѣнія и пытались, конечно, провести ее и въ регламентѣ. Но это имъ не удалось, потому что, вслѣдствіе положительнаго запрещенія императоромъ Александромъ I упоминать о Шведской конституціи 1772 года, Сперанскій, на котораго было возложено Императоромъ веденіе Финляндскаго дѣла, сдѣлалъ въ проектѣ регламента соотвѣтственныя волѣ монарха измѣненія (Ординъ, Покореніе Ф. II, 353, 390—392). Слѣды этой двойной редакціи выразились въ нѣкоторой недоговоренности и недостаточной категоричности вышеприведенныхъ параграфовъ регламента. Сперанскій, очевидно, старался и угодить Финляндцамъ, и въ тоже время боялся отвѣтственности предъ Императоромъ.

Такимъ образомъ, при всей поспѣшности, съ какою, вслѣдствіе тогдашнихъ тревожныхъ политическихъ обстоятельствъ, велось Финляндское дѣло, дарованныя Финляндіи права и главнѣйшія основанія для ея управленія были указаны довольно опредѣлительно: въ Общемъ Уложеніи Швеціи 1734 г. соединены всѣ тѣ Шведскіе общіе законы, относившіеся къ суду, администраціи и экономическимъ дѣламъ, которые оставлялись въ силѣ и по присоединеніи Финляндіи къ Россіи; а въ учрежденіи Правительствующаго Совѣта указано, какіе предметы относятся непосредственно къ власти монарха и какіе вѣдаются, отъ его имени, Совѣтомъ. Всѣ мѣры законодательныя, разъясненіе законовъ, наложеніе новыхъ податей и сборовъ, какъ постоянныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, наконецъ назначеніе расходовъ, отнесены къ самодержавной власти Монарха. О сеймѣ не упомянуто ни слова: ясное доказательство, что императоръ Александръ I-й не признавалъ его непремѣннымъ органомъ законодательства, а разсматривалъ только какъ установленіе совѣщательное и случайное, содѣйствующее верховной власти, когда сія послѣдняя признаетъ нужнымъ спросить его мнѣніе. Въ противномъ случаѣ въ учрежденіи Правительствующаго Совѣта непремѣнно были бы указаны обязанности Совѣта по отношенію къ законодательнымъ проектамъ, вносимымъ на рѣшеніе сейма: ибо возбужденіе такихъ проектовъ и предварительная ихъ разработка не могли бы лежать ни на комъ другомъ, какъ только на Правительствующемъ Совѣтѣ, какъ высшемъ судебно-административномъ учрежденіи Финляндіи. Эти основныя начала въ управленіи Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ подтверждены и въ царствованіе императора Николая I-го, въ манифестѣ отъ 17 Марта 1826 г. объ упраздненіи Комиссіи Финляндскихъ дѣлъ и объ учрежденіи Финляндскаго Статсъ-Секретаріата. Въ этомъ манифестѣ къ числу предметовъ, подлежащихъ непосредствен-

ному разсмотрѣнію и утвержденію Императора, отнесены: «общее расписаніе доходовъ и расходовъ, всѣ учредительныя постановленія, назначеніе суммъ къ отпуску по ординарному штату или въ видѣ временныхъ выдачъ и всѣ дѣла большой важности» (отдѣленіе II, §§ 8 и 10). О сеймѣ опять ни малѣйшаго упоминанія.

Изъ приведенныхъ здѣсь параграфовъ учрежденія Правительствующаго Совѣта и манифеста 17 Марта 1826 года съ полною ясностію усматривается, что дѣйствовавшіе въ Шведскомъ королевствѣ въ эпоху завоеванія западной Финляндіи основные государственные законы, извѣстные подъ именемъ «Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и безопасности 1789 г.», вполнѣ были упразднены въ Финляндіи съ момента присоединенія ея къ Россіи: ибо, на основаніи этихъ законовъ, наложеніе податей (§ 45 Формы правленія и § 5 Акта соед. и безоп.), изданіе новыхъ законовъ (§§ 40 и 41 Формы правл.) и поясненіе существующихъ законовъ (§§ 43 и 57 Формы правл.) не предоставлялись единоличной власти короля, а зависѣли отъ совокупнаго рѣшенія короля и сейма; правила же о пріобрѣтеніи крестьянами казенныхъ гейматовъ и шкатовыхъ имѣній и о владѣніи оными включены въ Актъ соединенія и безопасности 1789 г. (§ 3) и слѣдовательно также не могли подлежать никакимъ отступленіямъ безъ согласія сейма. Поэтому о сказанныхъ Шведскихъ законахъ, какъ окончательно упраздненныхъ, нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія ни въ регламентѣ Правительствующаго Совѣта (этомъ основномъ законодательномъ актѣ того времени), ни въ какихъ-либо другихъ законахъ или правительственныхъ постановленіяхъ временъ Александра I и Николая I, тогда какъ оставленное въ силѣ Общее Уложеніе 1734 года было принято во вниманіе при составленіи регламента, и на него находятся прямыя указанія какъ въ регламентѣ, такъ и въ отзывѣ на оный депутатовъ Боргоскаго сейма. Напротивъ того, о Шведскихъ конституціонныхъ законахъ 1772 и 1789 г. депутаты не дозволили себѣ обмолвиться ни единымъ словомъ въ представленныхъ ими мнѣніяхъ. Самая терминологія регламента Правительствующаго Совѣта, не сохранившая никакихъ слѣдовъ терминологіи сказанныхъ Шведскихъ узаконеній, указываетъ на то, что узаконенія эти вполнѣ и безслѣдно были упразднены въ Финляндіи. Въ противномъ случаѣ они непремѣнно были бы переизданы для Финляндіи, какъ было переиздано и даже, по высочайшему повелѣнію, переведено на Русскій языкъ Общее Уложеніе Швеціи 1734 г., оставленное въ силѣ и по завоеваніи Финляндіи. Если бы была хотя тѣнь справедливости въ основномъ положеніи нынѣшняго Финляндскаго политическаго ученія, что императоръ Александръ I-й на Боргоскомъ сеймѣ

торжественно призналъ и утвердилъ для Финляндіи Форму правленія 1772 г. и Актъ соединенія и охраненія 1789 г.: то слѣдовало бы признать, что тотчасъ же за такимъ утвержденіемъ императоръ Александръ нарушилъ его при изданіи учрежденія Правительствующаго Совѣта и что потомъ, какъ этотъ императоръ, такъ и его преемники, постоянно и систематически нарушали торжественно признанную конституцію Финляндіи, издавая законы своею единоличною властью и не созывая сеймовъ въ теченіе 54 лѣтъ.

Грамота Александра I-го 15 Марта 1809 г., обѣщавшая Финляндцамъ сохраненіе ихъ религіи, коренныхъ законовъ и правъ каждаго сословія, и созваніе Боргоскаго сейма послѣдовали тогда, когда западная Финляндія, въ силу завоеванія, была уже фактически во власти Русскихъ, но еще до заключенія мира со Швеціей. Окончательно политическое положеніе Финляндіи было установлено Фридрихсгамскимъ мирнымъ трактатомъ, подписаннымъ лицами уполномоченными со стороны Россіи и Швеціи 5 Сентября 1809 г. и ратификованнымъ Русскимъ императоромъ 1 Октября. Въ статьѣ 4-й этого трактата сказано: «Губерніи сіи, со всѣми жителями, городами, портами и т. д., а равно ихъ принадлежности, *преимущества, права и выгоды* будутъ отнынѣ состоять *въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются*». Въ статьѣ 6-й говорится: «Поелику его величество императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей, обезпечивъ, *по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества*, то его Шведское величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія». Эти постановленія Фридрихсгамскаго трактата еще разъ подтверждаютъ самымъ непререкаемымъ образомъ, что императоръ Александръ I-й, подъ именемъ *«коренныхъ законовъ* или *древнихъ установленій, странъ этой свойственныхъ»*, сохранилъ для Финляндіи ея старинныя общегражданскія узаконенія, но отнюдь не политическіе или конституціонные законы Швеціи, и что Боргоскій сеймъ вовсе не имѣлъ значенія конституціоннаго Шведскаго риксдага. Если же держаться взгляда нынѣшнихъ Финляндскихъ законовѣдовъ и историковъ, то слѣдовало бы допустить, что императоръ Александръ, подтвердивъ Финляндіи, въ Мартѣ 1809 г., конституцію Швеціи, въ Сентябрѣ того же года объявилъ предъ лицомъ всей Европы, что онъ беретъ свое слово назадъ и включаетъ Финляндію,

со всѣми правами ея жителей, въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской. Изъ тѣхъ же статей Фридрихсгамскаго трактата всякій можетъ усмотрѣть, что сохраненіе Финляндіи ея прежняго судебно-административнаго устройства послѣдовало «по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго соизволенія» императора Александра I-го, а не на основаніи какого-то договора, будто бы заключеннаго въ Борго между нимъ и Финляндцами, какъ стали впослѣдствіи проповѣдывать Финляндскіе законовѣды наперекоръ общеизвѣстнымъ историческимъ фактамъ.

Обособленность Финляндскаго управленія отъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій Имперіи.

Императоръ Александръ I-й не ограничился однако оставленіемъ Финляндіи ея прежнихъ общегражданскихъ узаконеній и прежняго административно-судебнаго устройства, но допустилъ изъять ея управленіе отъ всякаго надзора и вліянія центральныхъ государственныхъ учрежденій, такъ что эта бывшая Шведская провинція, находившаяся дотолѣ въ полномъ подчиненіи Шведскимъ властямъ, пребывавшимъ въ Стокгольмѣ, оказалась, послѣ завоеванія ея Русскими, совершенно автономною въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ. Чрезъ это устанавливалось полное административное разъединеніе Финляндіи отъ остальной Россіи. Это разъединеніе выразилось главнымъ образомъ въ учрежденіи Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ однихъ Финляндцевъ и имѣющаго пребываніе въ самой Финляндіи, въ учрежденіи въ Петербургѣ (въ 1811 г.) Финляндской Комиссіи, преобразованной впослѣдствіи въ Финляндскій Статсъ-Секретаріатъ, и въ оставленіи Шведскаго языка официальнымъ языкомъ въ законодательствѣ и въ управленіи.

Правительствующій Совѣтъ, на скорую руку учрежденный въ 1809 г., еще во время продолжавшихся военныхъ дѣйствій со Шведами, по плану Шведскаго перебѣжчика Спренгпортена, пользовавшагося особымъ довѣріемъ императора Александра I-го, сдѣлался потомъ, подъ именемъ Финляндскаго Сената, какъ бы верховнымъ правительствомъ этой провинціи. Вмѣсто того, чтобы оставить въ Финляндіи только мѣстныя учрежденія, какъ было при Шведскомъ господствѣ, верховное же завѣдываніе дѣлами сосредоточить въ Петербургѣ, подобно тому, какъ было нѣкогда сдѣлано относительно трехъ Балтійскихъ губерній (изъ которыхъ двѣ, Эстляндія и Лифляндія, также состояли прежде подъ Шведскимъ владычествомъ), наше правительство допустило перенести центръ правительственной власти въ только-что

завоеванную провинцію, хотя враждебное противъ Россіи настроеніе ея жителей, особенно ея высшаго класса, вполнѣ было извѣстно императору Александру I-му и его министрамъ. Барклай-де-Толли, занявшій постъ Финляндскаго генералъ-губернатора послѣ увольненія отъ него Спренгпортена, писалъ въ Петербургъ, что Правительствующему Совѣту слѣдовало имѣть пребываніе въ Русской столицѣ, а не въ Финляндіи, а предсѣдателемъ его долженъ быть одинъ изъ высшихъ Русскихъ сановниковъ. Онъ предсказывалъ, что если Совѣтъ останется въ Финляндіи, то долго еще будутъ держаться тамъ прежніе порядки, т. е. преобладаніе Шведскаго дворянства и враждебность противъ Россіи. Въ случаѣ же оставленія Совѣта въ Финляндіи, онъ требовалъ себѣ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ полиціи, безусловнаго начальства, независимаго отъ Совѣта; финансовыя же и таможенныя дѣла онъ предлагалъ сосредоточить въ Министерствѣ Финансовъ. Ничего этого не было однако исполнено, и все осталось такъ, какъ желали того Финляндскіе совѣтчики императора Александра, во главѣ которыхъ стоялъ Спренгпортенъ.

Старанія Финляндскихъ патріотовъ о совершенномъ отстраненіи Русскихъ государственныхъ властей отъ вліянія на управленіе Финляндіей не остановилось на учрежденіи Правительствующаго Совѣта. Сперва Александръ I-й поручилъ вести переговоры съ Финляндцами и докладывать ему Финляндскія дѣла Сперанскому; но такъ какъ Сперанскій не зналъ Шведскаго языка, то явилась надобность имѣть при немъ чиновника изъ Шведовъ. Спренгпортенъ и Маннергеймъ указали на нѣкоего барона Ребиндера, который и былъ опредѣленъ «состоящимъ при Государѣ для производства дѣлъ новоприсоединенной Финляндіи». Впрочемъ, самъ Спренгпортенъ, когда занималъ должность Финляндскаго генералъ-губернатора, полагалъ, что Финляндскія дѣла должны докладываться Государю подлежащими министрами и чрезъ нихъ же должны идти всѣ высочайшія повелѣнія, адресуемыя на имя генералъ-губернатора. Предположеніе Спренгпортена было принято военнымъ министромъ Аракчеевымъ и командовавшимъ послѣ Буксгевдена Русскими войсками въ Финляндіи генераломъ Кнорринговъ. Но именно въ это время, въ 1811 году, когда Спренгпортенъ сошелъ уже со сцены, довѣріемъ императора Александра I-го овладѣлъ другой Шведскій перебѣжчикъ, извѣстный Густавъ-Морицъ Армфельтъ, который, пользовавшись довѣріемъ и даже дружбой Шведскаго короля Густава III, измѣнилъ его сыну Густаву-Адольфу IV и былъ, подобно Спренгпортену, заочно приговоренъ къ смертной казни. Армфельтъ оттѣснилъ Сперанскаго отъ Финляндскихъ дѣлъ и, какъ выяснилось теперь, игралъ

главную роль въ погубленіи его, въ слѣдующемъ 1812 году, во мнѣніи Императора. По плану, составленному Армфельтомъ, для доклада Финляндскихъ дѣлъ Императору учреждена была въ Петербургѣ, въ 1811 г., Комиссія Финляндскихъ дѣлъ, составленная изъ однихъ Финляндцевъ. Армфельтъ занялъ въ ней постъ предсѣдателя, а Ребиндеръ явился въ роли докладчика, докладывавшаго дѣла Императору въ присутствіи Армфельта. Армфельтомъ же была составлена инструкція для Финляндской Комиссіи.

Въ 1826 году, стало-быть уже при императорѣ Николаѣ, Комиссія Финляндскихъ дѣлъ была преобразована въ Финляндскій Статсъ-Секретаріатъ, а статсъ-секретаремъ оставленъ былъ тотъ же Ребиндеръ, занимавшій этотъ постъ до самой своей смерти въ 1841 г. Въ 1834 г. Ребиндеру дано было названіе министра-статсъ-секретаря по дѣламъ Великаго Княжества Финляндіи. Армфельтъ, по словамъ его біографа, Шведскаго писателя Тегнѣра, втайнѣ ненавидѣлъ Россію и постоянно старался вредить ей. По его внушенію, Выборгская губернія, пріобрѣтенная для Россіи еще Петромъ Великимъ и Елисаветою, была въ 1811 году присоединена къ западной Финляндіи и такимъ образомъ сдѣлалась аванпостомъ враждебныхъ Россіи Финляндскихъ чувствъ у самыхъ воротъ нашей столицы. За то Финляндцы возвели Армфельта и Ребиндера въ національные герои, справедливо почитая ихъ основателями нынѣшняго, безпримѣрнаго въ исторіи, политическаго положенія Финляндіи, которая изъ завоеванной Русскимъ оружіемъ Шведской провинціи, коренные жители которой были въ загонѣ и пренебреженіи въ Шведскомъ королевствѣ, мало-по-малу достигла того, что стала вступать въ договорныя условія съ Русскими монархами, какъ бы государство, добровольно соединившееся съ Россіей на началахъ реальной уніи. Финляндскій писатель Эдв. Бергъ, въ изданной имъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ книжкѣ «Развитіе государственнаго права Финляндіи съ 1808 года», говоритъ: «Учрежденіе Комиссіи Финляндскихъ дѣлъ (впослѣдствіи названной Статсъ-Секретаріатомъ) было для того времени и полезно, и необходимо, въ особенности для того, чтобы снести съ дороги основанный въ Октябрѣ 1809 г. Финляндскій Комитетъ, большинство членовъ котораго были Русскіе». Достойно замѣчанія, что упоминаемый Ребиндеръ, начавшій собою рядъ Финляндскихъ министровъ-статсъ-секретарей и болѣе 30 лѣтъ бывшій докладчикомъ и совѣтодателемъ по Финляндскимъ дѣламъ у двухъ императоровъ, былъ однимъ изъ главныхъ противниковъ Русской власти въ эпоху завоеванія западной Финляндіи. Отецъ этого Ребиндера писалъ слѣдующее въ своемъ наставленіи депутатамъ отъ Абовской губерніи, посылав-

шимся въ Петербургъ въ 1808 году въ числѣ другихъ Финляндскихъ депутатовъ: «Сдѣлаемъ заявленія, но уклонимся отъ выраженія истинныхъ причинъ нашего образа дѣйствій. Будемъ резонировать, худо-ли, хорошо-ли; наши новые господа еще не освоились съ нашими конституціонными таинствами. Безразлично, хромаетъ ли немного наше заявленіе или нѣтъ; нужно только одно, чтобы оно не разрушало основнаго правила, играющаго у насъ столь важную роль: principiis obstat—противорѣчитъ принципамъ». Съ тѣхъ поръ этотъ завѣтъ Ребиндера-отца сдѣлался руководящимъ правиломъ для всѣхъ Финляндскихъ политическихъ дѣятелей. Резонировать, худо-ли, хорошо-ли, скрывая только истинныя цѣли этого резонированія, и на всѣ мѣры Русскаго правительства, несогласныя съ принципомъ полнаго разъединенія Финляндіи отъ Россіи, отвѣчать «нельзя, противорѣчитъ нашимъ законамъ, которые вы обѣщали сохранить»: таково основное правило Финляндской тактики съ тѣхъ поръ и до настоящей минуты. Такимъ образомъ Финляндскія дѣла были вовсе изъяты изъ вѣдѣнія и контроля высшихъ правительственныхъ учрежденій Имперіи, и единственнымъ докладчикомъ, или, вѣрнѣе сказать, руководителемъ Государя въ этихъ дѣлахъ явился министръ-статсъ-секретарь Великаго Княжества, на каковую должность, начиная съ Ребиндера, исключительно избирались одни Финляндцы. Исторія не представляетъ другаго примѣра, чтобы завоеванная оружіемъ инородческая провинція была завоевателемъ предоставлена столь полному и безконтрольному управленію самихъ же инородцевъ.

Не одному, однако, вліянію на Александра I-го его Финляндскихъ совѣтчиковъ обязана была Финляндія тѣми необычайными милостями и привилегіями, которыя дарованы были ей этимъ императоромъ. Въ эпоху завоеванія западной Финляндіи Александръ I считалъ необходимымъ дѣлать многія уступки Финляндскимъ домогательствамъ, дабы обезпечить себѣ вѣрность двухъ тамошнихъ всевластныхъ сословій, дворянства и духовенства, въ виду тучъ, скоплявшихся надъ Россіей со стороны Наполеона. Съ тою же цѣлью онъ, въ своихъ рѣчахъ и манифестахъ къ Финляндцамъ, употреблялъ нерѣдко выраженія, поддерживавшія въ нихъ смутныя надежды на дарованіе ихъ странѣ конституціоннаго представительства. Поощреніе этихъ надеждъ соотвѣтствовало и тогдашнему настроенію Императора, который, подъ вліяніемъ окружавшихъ его лицъ, съ молоду мечталъ о дарованіи своимъ народамъ свободныхъ учрежденій. Наиболѣе яркими фразами, поддерживавшими у Финляндцевъ сказанныя надежды, отличался манифестъ Императора отъ 9 Февраля 1816 г. объ именованіи Правительствующаго Совѣта Финляндскимъ Сенатомъ. На этотъ манифестъ чаще всего ссылаются Финляндцы

для доказательства того, что подъ утвержденными императоромъ Александромъ I для Финляндіи законами слѣдуетъ именно разумѣть Шведскіе конституціонные законы 1772 и 1789 гг. Въ началѣ этого манифеста говорится: «Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу Финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе *гражданской* его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы безъ нарушенія оныхъ, мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи, съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому Финляндскому гражданину особенными правами и преимуществами, но, по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися земскими чинами, и учредили особенное правительство подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта» и т. д. Послѣ такого громкаго вступленія слѣдовало ожидать, что въ этомъ манифестѣ Финляндіи даруются какія-нибудь весьма важныя права, осуществляющія надежды Финляндцевъ на конституцію. Вмѣсто того все дѣло ограничилось только тѣмъ, что Правительствующій Совѣтъ повелѣно называть впредь Финляндскимъ Императорскимъ Сенатомъ. Мы уже видѣли, какъ мало регламентъ этого учрежденія отвѣчалъ требованіямъ конституціонной формы правленія. Для квалификаціи же сохраненныхъ Финляндіи законовъ и конституціи въ приведенномъ здѣсь манифестѣ употреблено выраженіе, что они положили основаніе *гражданской* свободѣ Финляндцевъ, но не сказано *политической* свободѣ, каковое выраженіе вездѣ принято терминомъ, означающимъ совокупность тѣхъ народныхъ правъ, которыя слѣдуютъ изъ конституцій, понимаемыхъ въ смыслѣ особой формы правленія. Изъ этого видно, что подъ громкимъ именемъ конституціи Александръ I-й разумѣлъ въ своихъ Финляндскихъ рѣчахъ и манифестахъ отнюдь не конституцію въ смыслѣ существовавшихъ тогда конституцій Англійской, Голландской и Шведской, а лишь совокупность тѣхъ особыхъ привилегій, которыми Финляндія отличалась отъ другихъ областей Россіи, и прежде всего свободу отъ крѣпостного права помѣщиковъ, которое болѣе всего должно было пугать Финновъ. По терминологіи, бывшей тогда въ употребленіи, слово конституція могло прилагаться даже ко всякому уставу или регламенту, опредѣляющему права и устройство какого-нибудь учрежденія: такъ, въ Шведскомъ текстѣ регламента Прав. Совѣта говорится о «*конституціяхъ университета*». Слово «по конституціямъ ихъ», употребленное въ грамотѣ 15 Марта 1809 г., повторено и въ манифестѣ императора Николая къ жителямъ Финляндіи при восшествіи его на престолъ; но за тѣмъ, въ таковыхъ же манифестахъ императоровъ Александра II и Александра III-го оно,

для избѣжанія ложнаго толкованія, замѣнено однозначащимъ съ нимъ Русскимъ выраженіемъ: «по прежнимъ установленіямъ этого края». Слѣдовательно, ссылки Финляндцевъ на подобнаго рода фразы не имѣютъ никакой доказательной силы. Всѣмъ извѣстно, что императоръ Александръ I-й любилъ употреблять громкія фразы и пользовался ими для своихъ цѣлей, какъ тонкій политикъ; но какъ скоро, при заключеніи Фридрихсгамскаго мира, дѣло дошло до акта международнаго и строго-обязательнаго, то тотъ же Императоръ выражается вполнѣ автократически, и при томъ въ такой рѣшительной и ясной формѣ, которая не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Финляндія безусловно подчиняется самодержавной власти Русскаго монарха. Фридрихсгамскій трактатъ не ограничился заявленіемъ, что Шведскій король навсегда уступаетъ императору Всероссійскому завоеванныя Русскимъ оружіемъ Финляндскія губерніи, но съ особою пунктальностью настаиваетъ на томъ, что «губерніи сіи, со всѣми жителями, городами и т. д., а равно ихъ принадлежности, права и выгоды, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской». А чтобъ не оставалось никакого недоразумѣнія относительно происхожденія и объема тѣхъ привилегій, которыя Русскій императоръ вознамѣрился даровать жителямъ вновь пріобрѣтенной области, въ томъ же трактатѣ, съ такою же особою пунктуальностью, добавлено, что «Его Величество, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, обезпечиваетъ имъ свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества». Послѣ столь категорическаго и яснаго опредѣленія положенія Финляндіи въ ряду другихъ областей Русской Имперіи, не могло бы, казалось, быть и рѣчи о какомъ-либо договорѣ между Финляндцами и императоромъ Александромъ I, или о какихъ-либо конституціонныхъ ограниченіяхъ власти Русскаго монарха въ этой провинціи. Сверхъ того, какъ скоро во все царствованіе этого Императора не издано ни одного законоположенія, устанавливающаго въ чемъ-либо конституціонныя права Финляндцевъ, или даже имѣющаго только связь съ таковыми правами, это служитъ еще новымъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что правъ этихъ не существовало. Во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ Александръ I-й поступалъ съ Финляндцами какъ монархъ вполнѣ самодержавный.

Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе полнаго обособленія мѣстнаго Финляндскаго управленія отъ законовъ и центральныхъ властей Имперіи, область эта оказалась ничѣмъ несвязанною съ ея метрополіей, кромѣ занятія ея Русскимъ войскомъ. Матеріальныя благодѣянія, щедрою рукою излитыя на Финляндцевъ Александромъ I-мъ на счетъ Россіи, нисколь-

ко не привязали къ ней высшаго и средняго класса Финляндіи. Всѣ симпатіи ихъ остались на сторонѣ Швеціи и даже усилились противу прежняго времени. Простой Финскій народъ, хотя сразу облегченный отъ тягостей и поборовъ Шведскаго господства и успокоенный прекращеніемъ столь частыхъ войнъ между Россіею и Швеціею, театромъ которыхъ всегда была Финляндія, простой Финскій народъ хотя не любилъ Шведовъ по прежнимъ воспоминаніямъ, но не могъ почувствовать расположенія и къ Русскимъ, ибо смотрѣлъ на все глазами своихъ пасторовъ, ленсмановъ и коронныхъ фохтовъ, которые естественнымъ образомъ должны были опасаться умаленія своего значенія и своихъ доходовъ отъ усиленія Русской власти. При преемникѣ Александра, императорѣ Николаѣ, также ничего не было сдѣлано для установленія Русскаго контроля надъ дѣлами Финляндіи и для административнаго ея сближенія съ остальною Россіею. По заведенному порядку, докладчикомъ и совѣтодателемъ по всѣмъ дѣламъ Финляндіи былъ при Императорѣ тотъ же Ребиндеръ, а послѣ его смерти—графъ Армфельтъ, сынъ упомянутаго Шведскаго перебѣжчика, возведеннаго императоромъ Александромъ I-мъ въ графское достоинство. Отъ такихъ людей, какъ отъ прирожденныхъ Шведо-финляндцевъ, менѣе всего можно было ожидать раскрытія истиннаго положенія дѣлъ въ этой странѣ и совѣтовъ въ интересахъ Русской власти. Они, дѣйствуя заодно съ мѣстнымъ Сенатомъ, сумѣли парализовать даже тѣ мѣры, которыя были предпринимаемы по почину самихъ императоровъ Александра I-го и Николая I-го.

Одинъ изъ самыхъ поучительныхъ примѣровъ этого рода представляютъ мѣры, предпринимавшіяся для распространенія въ Финляндіи государственнаго Русскаго языка. Въ эпоху завоеванія западной Финляндіи, Финляндцы, писавшіе для своей страны уставы, не рѣшались затрогивать вопроса о томъ, на какомъ языкѣ должно вестись дѣлопроизводство въ ихъ странѣ: до такой степени казалось имъ дерзкимъ предлагать Русскому Монарху, чтобы государственный Русскій языкъ не былъ допускаемъ въ дѣлахъ Финляндскаго управленія и чтобы офиціальнымъ языкомъ былъ оставленъ Шведскій, не только никому въ Россіи неизвѣстный, но и совершенно чуждый коренному населенію самой Финляндіи. Шведскій языкъ былъ дотолѣ офиціальнымъ языкомъ въ Финляндіи потому именно, что онъ былъ языкомъ государственнымъ, ибо Финляндія принадлежала Швеціи. Самъ Спренгпортенъ, главный внушитель всѣхъ тогдашнихъ мѣропріятій относительно Финляндіи, въ представленномъ имъ императору Александру докладѣ объ управленіи Финляндіей, говорилъ: «Дѣла будутъ производиться, за не-

возможностью поступить иначе, на нынѣ господствующемъ въ краѣ языкѣ; но когда попеченіемъ правительства будутъ учреждены школы Русскаго языка, этотъ языкъ, въ качествѣ главнаго, будетъ введенъ вообще въ дѣлопроизводство, вмѣстѣ съ Финскимъ, какъ языкомъ народнымъ». Еще въ 1812 году знаніе Русскаго языка было объявлено обязательнымъ для всѣхъ лицъ, поступающихъ въ Финляндіи на службу, и назначенъ для этого шестилѣтній срокъ. Тогда же было введено обязательное преподаваніе Русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ. Съ 1818 году сказанное постановленіе вошло въ силу, такъ что, при поступленіи на духовную, гражданскую и военную службу, отъ всѣхъ требовалось представленіе свидѣтельства объ удовлетворительномъ знаніи Русскаго языка. Но затѣмъ начинается рядъ отступленій отъ этого правила. Въ 1824 году отъ представленія сказанныхъ свидѣтельствъ освобождены были «впредъ до времени» лица, поступающія на духовныя должности, на томъ основаніи (какъ сказано въ этомъ распоряженіи), «дабы бѣдные студенты теологіи не вынуждены были проводить время въ такихъ занятіяхъ, которыя не имѣютъ собственно какой-либо связи съ ихъ будущимъ призваніемъ». Въ 1831 году освобождены были отъ этой обязанности, также «впредъ до усмотрѣнія», но уже безъ объясненія поводовъ, поступающіе на учительскія должности въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Потомъ постепенно отмѣнялось требованіе знать Русскій языкъ и для другихъ должностныхъ лицъ, и наконецъ оно осталось только для чиновниковъ Финляндскаго Статсъ-Секретаріата и канцеляріи генералъ-губернатора. Когда такимъ образомъ было уничтожено всякое побужденіе у Финляндцевъ къ изученію Русскаго языка, то не было и цѣли преподавать его въ тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ; но при императорѣ Николаѣ Сенатъ и статсъ-секретари, зная желаніе Императора, чтобы государственный языкъ преподавался во всѣхъ краяхъ его государства, не смѣли ему противорѣчить, будучи увѣрены, что, съ уничтоженіемъ требованія отъ поступающихъ на службу знанія Русскаго языка, обученіе ему будетъ вестись только для формы. Между тѣмъ Императоръ, не проникая тактики Финляндскихъ властей, продолжалъ принимать мѣры къ упроченію преподаванія Русскаго языка въ Финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ. По его волѣ были предоставлены особыя преимущества Русскимъ уроженцамъ, поступавшимъ на учительскія должности въ Финляндіи. Въ высочайшемъ объявленіи 21 Іюня 1841 года постановлено, чтобы въ каждой епархіи былъ опредѣляемъ для Русскаго языка особый экзаменаторъ изъ Русскихъ уроженцевъ. На обязанности этихъ экзаменаторовъ лежало ежегодное посѣщеніе всѣхъ элементарныхъ учебныхъ заведеній епархіи для производства испытаній. Въ высочай-

шемъ объявленіи 4 Марта 1846 г. о преимуществахъ, предоставляемыхъ учителямъ Русскаго языка въ нѣкоторыхъ элементарныхъ учебныхъ заведеніяхъ Финляндіи, постановлено, чтобы упомянутыя учительскія должности замѣщались безусловно или Русскими уроженцами, имѣющими аттестаты отъ университетовъ или гимназій Имперіи, или Финляндскими уроженцами, прошедшими курсъ Русскаго языка въ какомъ-либо изъ Русскихъ университетовъ, или же воспитанниками Выборгской гимназіи, съ полнымъ успѣхомъ окончившими въ ней курсъ по Русскому отдѣленію. Вслѣдствіе этихъ высочайшихъ распоряженій, въ сороковыхъ годахъ и позднѣе, въ Петербургскій и Московскій университеты были присылаемы для усовершенствованія въ Русскомъ языкѣ и исторіи молодые Финляндцы, прошедшіе уже курсъ Гельсингфорскаго университета. Съ кончиною императора Николая эти мѣры были брошены, а въ 1863 году, т.-е. въ годъ перваго Гельсингфорскаго сейма, обязательное преподаваніе Русскаго языка было совершенно отмѣнено, но потомъ, въ 1872 году, вновь возобновлено, по крайней мѣрѣ на бумагѣ. Въ 1891 году было высочайше постановлено, чтобы впредь отъ лицъ, поступающихъ на государственную службу по гражданскому вѣдомству, постепенно требовалось знаніе Русскаго языка. Но и это, столь неопредѣленное по своему сроку, требованіе въ томъ же самомъ постановленіи стѣснено еще такимъ ограниченіемъ, что оно «относится *преимущественно* къ лицамъ, поступающимъ на службу при правительственныхъ желѣзныхъ дорогахъ и по вѣдомствамъ таможенному и административно-полицейскому, *особенно же* въ приморскихъ городахъ и мѣстахъ расположенія Русскихъ войскъ». Выполненіе и этихъ, столь скромныхъ, требованій относительно Русскаго языка будетъ попрежнему въ рукахъ Сената, который доказалъ уже прежними опытами, въ какой мѣрѣ онъ сочувствуетъ распространенію знанія Русскаго языка въ Финляндіи. Вигель въ своихъ Запискахъ говоритъ, что въ 1810 г., бывши въ Выборгѣ, онъ на улицахъ не слыхалъ другаго языка, кромѣ Русскаго; а въ шестидесятыхъ годахъ даже въ этомъ городѣ, пріобрѣтенномъ для Россіи еще славной памяти императоромъ Петромъ Великимъ, Русскій языкъ сталъ совершенно чужимъ и неизвѣстнымъ для мѣстныхъ Финляндскихъ жителей. Таковы были успѣхи Русской государственной политики въ Финляндіи въ теченіе этого полустолѣтія. Финляндскія власти всегда хорошо понимали, что Шведскій языкъ, никому въ Россіи неизвѣстный, не исключая и посылаемыхъ въ Финляндію генералъ-губернаторовъ, есть тотъ крѣпкій панцырь, подъ защитою котораго Финляндское управленіе всегда будетъ находиться внѣ надзора и контроля Русскаго правительства; потому-то онѣ и прилагали всѣ мѣры, чтобы не допустить распространенія въ Финляндіи

знанія Русскаго языка и тѣмъ сдѣлать практически-невозможнымъ введеніе его, въ качествѣ языка государственнаго, въ законодательство и управленіе этой области.

Мѣры, принимавшіяся въ прежнее время для кодификаціи Финляндскихъ законовъ.

Со времени присоединенія къ Россіи западной Финляндіи и по настоящее время дѣйствующіе въ этой области законы остаются безъ приведенія ихъ въ систематическую кодификацію, а до 1860 г. многіе изъ вновь издаваемыхъ законовъ печатались даже безъ перевода ихъ на Русскій языкъ въ Сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго. Въ 1819 г. Финляндскій статсъ-секретарь Ребиндеръ пытался было уловить согласіе императора Александра I-го на составленіе «конституціи Финляндіи». По его предложенію, Комиссія Финляндскихъ дѣлъ испрашивала у Императора разрѣшенія составить проектъ такой конституціи, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ потомъ переданъ на обсужденіе сейма. За образецъ предполагалось принять Шведскую Форму правленія 1772 г.; но Императоръ проникъ виды Финляндцевъ, и представленіе Комиссіи оставлено было имъ безъ послѣдствій. Финляндскій историкъ Кастренъ, говоря объ этой попыткѣ, прибавляетъ, что одинъ «измѣнникъ» изъ Финляндскихъ чиновниковъ, почтъ-директоръ Ладау, написалъ въ Петербургъ кому слѣдуетъ объ этомъ проектѣ, выставивъ его въ неблагопріятномъ свѣтѣ.

Въ 1835 году, по повелѣнію императора Николая, учреждена была въ Гельсингфорсѣ комиссія для составленія систематическаго свода всѣхъ дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній, изданныхъ какъ при Шведской власти, такъ и при Русскомъ правительствѣ. Комиссія была составлена изъ однихъ Финляндцевъ, подъ предсѣдательствомъ Финляндца же Валлена; но, относительно содержанія и системы свода, ей вмѣнено было въ обязанность руководствовать указаніями Сперанскаго, вслѣдствіе чего, при жизни сего послѣдняго, комиссія находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ со II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Сводъ предполагалось, по его окончаніи, объявить къ руководству по высочайшему повелѣнію, разумѣется, безъ всякаго участія сейма, про который ни слова не упомянуто въ повелѣніи Императора о составленіи сего свода. Сводъ, составляемый при такихъ условіяхъ, не могъ конечно соотвѣтствовать видамъ Финляндцевъ; поэтому они подъ разными предлогами затягивали его окончаніе. Смерть Сперанскаго, послѣдовавшая въ 1839 году, облегчила имъ откла-

дываніе этого непріятнаго для нихъ дѣла въ долгій ящикъ. Только въ 1858 г., слѣдовательно уже въ новое царствованіе, печатный проектъ свода, съ тою же цѣлію затягиванія, былъ разосланъ на заключеніе различныхъ Финляндскихъ учрежденій. Въ это время у Финляндцевъ созрѣлъ уже планъ о созваніи сейма на конституціонныхъ началахъ; оттого сказанному своду, находившемуся съ этими началами въ полномъ противорѣчіи, не было дано дальнѣйшаго хода, и сдѣланныя на него Сперанскимъ замѣчанія остались неизвѣстными Русскому правительству, такъ какъ Финляндскіе архивы, и въ особенности архивъ Статсъ-Секретаріата, недоступны ни для какой Русской власти. Для лучшаго сохраненія тайны Финляндскихъ дѣлъ, архивъ Статсъ-Секретаріата даже увезенъ былъ въ восьмидесятыхъ годахъ изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ, вмѣстѣ съ хранящимися въ немъ бумагами Сперанскаго еще за время 1808 и 1809 годовъ *).

Несомнѣнно, что, кромѣ подтвержденнаго Александромъ I-мъ, Общаго Уложенія Швеціи 1734 г., въ Финляндіи, послѣ 1809 года, остались въ дѣйствіи и нѣкоторыя другія Шведскія постановленія, вполнѣ впрочемъ согласующіяся съ этимъ Уложеніемъ и часто служащія ему дополненіемъ. Одни изъ этихъ постановленій составляли особыя узаконенія, какъ напр. законы 1723 и 1789 годовъ о шкатовомъ выкупѣ и шкатовыхъ земляхъ и инструкція ландсгевдингамъ (переименованнымъ при

*) Финляндскій ученый и бывшій сенаторъ Мехелинъ, говоря о трудѣ комиссіи Валлена, главнымъ его недостаткомъ считаетъ то, что въ немъ „не были разграничены двѣ различныя области законодательства (т. е. законодательство сеймовое, зависящее отъ сейма и правительства, и законодательство административное, зависящее только отъ правительства)". „Такъ напр., продолжаетъ онъ, въ отдѣлѣ о назначеніи чиновниковъ и о принадлежащихъ имъ преимуществахъ, основныя законоположенія и административныя предписанія слиты вмѣстѣ; равнымъ образомъ въ финансовомъ отдѣлѣ податные законы, принятые земскими чинами, смѣшаны съ постановленіями, изданными однимъ правительствомъ. По напечатаніи всей работы въ 1858 г., она была разослана на заключеніе судовъ и присутственныхъ мѣстъ, которые должны были представить свои замѣчанія къ 1861 году. Однако, еще до истеченія этого срока, для всѣхъ понимающихъ дѣло стало ясно, что проэкты комиссіи законовъ не могутъ быть утверждены къ руководству (подразумѣвается, утверждены сеймомъ, о предположенномъ созваніи котораго было уже официально объявлено въ 1861 г.). Они остались проектами, не поведшими къ дальнѣйшимъ мѣрамъ". Далѣе г. Мехелинъ старается доказать, что такіе кодификаціонные своды нельзя издавать безъ согласія земскихъ чиновъ и что повелѣніе императора Николая I, въ которомъ говорилось, что своды, выработанные комиссіею, будутъ изданы къ руководству (подразумѣвалось, высочайшею властію) противорѣчило основнымъ законамъ. (Изъ статьи г. Мехелина подъ заглавіемъ „О кодификаціи законовъ въ Финляндіи", въ журналѣ Finsk Tidskrift, Ноябрь 1892 г.).

императорѣ Николаѣ въ губернаторовъ). Привилегіи сословій, подтвержденныя въ общихъ выраженіяхъ императоромъ Александромъ I, также помѣщены въ различныхъ Шведскихъ узаконеніяхъ, преимущественно въ привилегіяхъ дворянства и духовенства 1723 года. Нѣкоторыя же изъ сохранившихся отъ Шведскаго времени постановленій заключались въ Формѣ правленія 1772 г. и въ Актѣ соединенія и охраненія 1789 г., напримѣръ тѣ, которыя касаются гофгерихтовъ (изъ которыхъ два были въ Финляндіи), опредѣленія на должности, дѣленія должностныхъ лицъ на смѣняемыхъ и несмѣняемыхъ безъ суда, различныхъ видовъ землевладѣнія. Но всѣ эти узаконенія, сохранившія фактически свою силу въ Финляндіи, хотя и неподтвержденныя поименно высочайшею властію, касаются исключительно предметовъ провинціальнаго управленія, оставленнаго Русскою властію въ его прежнемъ видѣ, или сословныхъ привилегій, а отнюдь не центральныхъ правительственныхъ учрежденій Швеціи и не основныхъ государственныхъ ея законовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе не относились къ Финляндіи непосредственно, а послѣ ея отдѣленія отъ Швеціи не могли самою силою вещей къ ней примѣняться. Если упоминаемые здѣсь Шведскіе законы, фактически сохранившіеся въ Финляндіи, не были переизданы для нея особо по высочайшимъ повелѣніямъ (какъ было переиздано Общее Уложеніе 1734 г.), то это объясняется, во-первыхъ, тою крайнею поспѣшностью, съ какою велось Финляндское дѣло въ эпоху завоеванія этой страны, а потомъ тѣмъ, что сами Финляндскія власти не желали приведенія мѣстныхъ законовъ въ ясность, какъ доказала судьба проекта, составленнаго комиссіею Валлена. Надежда на то, что ранѣ или поздно могутъ осуществиться Финляндскія поползновенія политическаго свойства, и была причиной, что Финляндскія власти всячески затягивали кодификацію дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній; ибо если бы они были кодифицированы какъ слѣдуетъ, то тогда исчезла бы всякая надежда включить въ нихъ заднимъ числомъ политическіе Шведскіе законы 1772 и 1789 годовъ, какъ успѣли потомъ этого достигнуть Финляндскіе законовѣды.

Неприкосновенность державныхъ правъ монарха на Финляндію до 1863 года.

Хотя во внутреннемъ управленіи обособленность Финляндіи отъ Русскихъ государственныхъ учрежденій была доведена до крайнихъ предѣловъ, тѣмъ не менѣе, въ теченіе 54 лѣтъ, оставалось неприкосновеннымъ основное начало ея отношеній къ Россіи—единство и непререкаемый авторитетъ верховной власти въ дѣлахъ законодательства и высшаго управленія. Поэтому, хотя враждебность къ Россіи высшаго

и средняго классовъ Финляндіи не подлежала сомнѣнію и обнаруживалась при каждомъ удобномъ случаѣ (напр. во время нашихъ неудачъ въ войнѣ 1853—1856 гг. съ Европейской коалиціей), однако эта враждебность не могла проявляться активно и властно, пока источникомъ законодательства и высшаго управленія былъ одинъ Русскій монархъ, которому безпрекословно подчинялись всѣ существующія въ Финляндіи правительственныя учрежденія. Во все продолжительное царствованіе императора Николая Финляндцы не смѣли и помышлять объ ограниченіи власти Русскаго монарха. Потому-то царствованіе этого государя Финляндскіе ораторы и писатели сравнивали съ Египетскимъ рабствомъ (такъ выражался одинъ изъ депутатовъ дворянскаго сословія на Гельсингфорскомъ сеймѣ 1863 г.), съ весенними морозами, убившими всходы Финляндской независимости (слова одного изъ современныхъ писателей) и т. п. Между тѣмъ именно въ царствованіе Николая I Финляндія изъ страны съ рѣдкимъ и полуголоднымъ населеніемъ, почти безъ всякихъ признаковъ культуры, каковою она перешла къ Россіи изъ-подъ Шведскаго владычества, обратилась въ страну съ утроившимся населеніемъ, съ возросшимъ до неузнаваемости благосостояніемъ жителей, съ развившейся торговлею и фабрично-заводскою производительностію, со множествомъ школъ, среднихъ и низшихъ, и благотворительныхъ учрежденій. Въ первые годы царствованія императора Александра II въ офиціальныхъ актахъ также не было еще помину ни о какихъ основныхъ законахъ Финляндіи, будто бы признанныхъ для нея императоромъ Александромъ I-мъ. Такъ, напр., не далѣе, какъ 20 Ноября 1857 г., послѣдовало высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ § 9-го учрежденія Сената о сохраненіи за членами его, во время ихъ сенаторства, прежнихъ должностей и окладовъ. Учрежденіе Сената, или по прежнему Правительствующаго Совѣта, было въ то время важнѣйшимъ изъ всѣхъ законодательныхъ актовъ Финляндіи и, по увѣренію нынѣшнихъ Финляндскихъ законовѣдовъ, было принято съ одобренія Боргоскаго сейма, имѣвшаго будто бы права Шведскаго риксдага. Измѣненіе этого закона единоличною высочайшею властію ясно доказываетъ, что императоръ Александръ II-й не признавалъ въ то время за Финляндіей никакихъ отдѣльныхъ основныхъ законовъ и не придавалъ никакого значенія тому, что регламентъ Правительствующаго Совѣта былъ на разсмотрѣніи Боргоскаго сейма. Мало того, даже во время самаго засѣданія перваго Гельсингфорскаго сейма, по высочайшему повелѣнію отъ 3 Февраля 1864 г., нѣкоторая часть Выборгской губерніи была присоединена къ Петербургской. Это дѣйствіе императора Александра II-го составляло бы вопіющее нарушеніе Шведскихъ конституціонныхъ законовъ, если бы онъ признавалъ ихъ тогда имѣющими силу въ Фин-

ляндіи. Упоминанія объ этихъ законахъ подставлены были въ акты, подносившіеся на подписаніе Императора, уже позднѣе, въ видѣ какъ бы частныхъ и побочныхъ ссылокъ на тѣ или другія статьи Шведскихъ конституціонныхъ узаконеній, извѣстныхъ подъ названіемъ Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и безопасности 1789 г. Потомъ, въ Сеймовомъ уставѣ 1869 г., эти побочныя ссылки сведены были уже въ категорическое признаніе нѣкоторыхъ постановленій Шведскаго конституціоннаго законодательства прошедшаго столѣтія.

Пропаганда ученія о Финляндскомъ государствѣ.

Крайняя обособленность Финляндскаго управленія отъ общегосударственныхъ законовъ и учрежденій непремѣнно должна была вызвать у Финляндцевъ стремленіе къ пріобрѣтенію для своей страны полной политической самостоятельности, съ возможно-большимъ ограниченіемъ власти Русскаго императора. Исторія намъ доказываетъ, что административная обособленность провинцій всегда вела къ попыткамъ ихъ жителей пріобрѣсти себѣ и политическую самостоятельность. Царствованіе императора Николая I-го только замедлило пробужденіе этихъ стремленій у Финляндцевъ, но не предотвратило ихъ; ибо при этомъ императорѣ ничего не было сдѣлано для исправленія ошибокъ предыдущаго царствованія, предоставившаго эту провинцію безконтрольному управленію самихъ Финляндцевъ. Чѣмъ шире и безотчетнѣе была власть, предоставленная тамошнему дворянству и чиновничеству, тѣмъ сильнѣе возбуждалась у нихъ жажда играть въ своей странѣ политическую роль и, отстранивъ Русскую монархическую власть, самимъ управлять судьбою двухмилліоннаго Финскаго народа.

Тотчасъ по кончинѣ императора Николая, въ Финляндіи начинается дѣятельная подготовка къ невооруженной и легальной революціи противъ Русской власти. Планъ задуманъ былъ весьма искусно и обѣщалъ вѣрный успѣхъ въ виду той неизвѣстности, какою было прикрыто отъ глазъ Русскаго правительства и общества все, что творилось въ этой странѣ. Начато было съ того, что Финляндскіе профессора и писатели стали пропагандировать въ лекціяхъ и въ печати придуманное ими ученіе о Финляндскомъ государствѣ, соединенномъ съ Россіею только единствомъ царствующаго дома, но имѣющемъ свои собственные основные законы. Этими основными законами должны быть признаваемы, по толкованію сказанныхъ профессоровъ и писателей, Шведскіе конституціонные законы, дѣйствовавшіе въ Шведскомъ королевствѣ въ эпоху завоеванія Русскими западной Финляндіи и извѣстные подъ именемъ Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и охраненія 1789 г.

Государственная самостоятельность и сказанные основные законы были гарантированы Финляндіи, по сказанію упоминаемыхъ профессоровъ и писателей, на основаніи договора, заключеннаго въ 1809 г. въ городѣ Борго между императоромъ Александромъ I-мъ и представителями Финскаго народа, добровольно рѣшившагося отдѣлиться отъ Швеціи и присоединиться къ Россіи, по приглашенію Александра I-го.

Форма правленія 1772 г. и Актъ соединенія и охраненія 1789 года.

Происхожденіе сказанныхъ Шведскихъ законодательствъ было слѣдующее. Послѣ неограниченнаго правленія королей Карла XI и Карла XII, изъ которыхъ первый прямо называлъ себя самодержавнымъ королемъ, а послѣдній, при своемъ вступленіи на престолъ, не принесъ обычной королевской присяги и управлялъ королевствомъ вовсе не обращаясь къ риксдагу, наступилъ въ Швеціи такъ называемый «періодъ вольницы». Собравшійся по смерти Карла XII сеймъ (въ началѣ 1719 г.) согласился признать королевой сестру его Ульрику-Элеонору подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобъ она отказалась отъ неограниченной власти и управляла государствомъ согласно съ новою формою правленія, составленною сеймомъ. Ульрика-Элеонора дала присягу въ этомъ смыслѣ и подписала «Форму правленія» отъ 21 Февраля 1719 г., по которой королевская власть была ограничена въ пользу сейма и Государственнаго Совѣта. Въ слѣдующемъ 1720 году, по желанію королевы, отказавшейся отъ власти, провозглашенъ былъ на сеймѣ королемъ супругъ ея, наслѣдный принцъ Гессенскій Фридрихъ, который при этомъ согласился править государствомъ такъ, какъ ему предпишетъ сеймъ. Тогда была составлена новая форма правленія, отъ 2 Мая 1720 г. По этой формѣ и по данной Фридрихомъ присягѣ (удостовѣренію), королевская власть была еще болѣе ограничена. Законодательная власть предоставлялась исключительно сейму, и для изданія законовъ не требовалось согласія короля. Административныя узаконенія, издаваемыя въ промежутки между засѣданіями сейма, должны были представляться на разсмотрѣніе сейма, который собирался каждый третій годъ по призыву короля или Государственнаго Совѣта. Король управляетъ вмѣстѣ съ Государственнымъ Совѣтомъ, въ которомъ дѣла рѣшаются по большинству голосовъ, при чемъ король имѣетъ только два голоса. Государственные совѣтники отвѣтственны предъ сеймомъ и назначаются королемъ, въ засѣданіи совѣта, изъ трехъ кандидатовъ, предложенныхъ особою сеймовою комиссіей. Сношенія съ иностранными державами подчиняются также сейму; король же можетъ начинать, не обращаясь

къ сейму, только оборонительную войну, но и то не иначе, какъ съ согласія Государственнаго Совѣта. Всякое лицо, получающее какую-либо должность, обязано предварительно приносить присягу въ томъ, что оно не будетъ стремиться къ возстановленію неограниченной королевской власти. Дворянское сословіе при этомъ государственномъ переворотѣ захватило себѣ господствующее положеніе и почти всю власть въ государствѣ. Хотя, по изданному въ 1723 г. новому Сеймовому Уставу, сеймъ состоялъ, какъ и прежде, изъ четырехъ сословій, но въ сеймовыхъ комиссіяхъ, гдѣ подготовлялись всѣ дѣла и окончательно излагались рѣшенія сейма, дворянство имѣло столько же членовъ, сколько всѣ остальныя три сословія совокупно. Эти комиссіи, и въ особенности такъ-называемая секретная комиссія, часто рѣшали дѣла отъ имени всего сейма. Секретная комиссія, въ составъ которой вовсе не входили представители крестьянскаго сословія, вмѣшивалась во всѣ государственныя дѣла, вела сношенія съ иностранными державами, требовала къ своему суду государственныхъ совѣтниковъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ и заставляла отрѣшать ихъ отъ должности, въ случаѣ если ихъ дѣйствія оказывались несоотвѣтствующими желаніямъ господствующей партіи. Швеція въ это время превратилась, по выраженію извѣстнаго историка Шведскаго государственнаго права Наумана, «въ аристократическую республику, въ которой король былъ лишь наслѣдственнымъ президентомъ». Не-дворянскія сословія тяготились самовластіемъ аристократіи, которое сопровождалось корыстью, жестокостями и продажными сношеніями съ иноземцами. Этимъ общимъ недовольствомъ противъ олигархіи воспользовался король Густавъ III. Онъ арестовалъ важнѣйшихъ членовъ аристократической партіи и на сеймѣ 1772 года успѣлъ провести новую форму правленія, возстановившую до нѣкоторой степени равновѣсіе между королевскою властью и сословнымъ представительствомъ. Таково было происхожденіе «Формы правленія 1772 г.», столь часто упоминаемой теперь въ работахъ Финляндскихъ законовѣдовъ и историковъ. Однако и эта новая форма правленія значительно стѣсняла власть короля, какъ во внутреннемъ государственномъ управленіи, вслѣдствіе существованія Государственнаго Совѣта, съ мнѣніями котораго король во многихъ случаяхъ обязательно долженъ былъ соображаться, такъ и въ области внѣшней политики, потому что король не могъ начинать наступательной войны безъ согласія сейма. Въ 1788 г. Густавъ III началъ войну съ Россіей, не спросивъ согласія у сейма. Проявлявшееся уже и раньше сильное неудовольствіе дворянской партіи противъ короля выразилось тогда въ такъ-называемомъ Аньяльскомъ заговорѣ (отъ деревни Аньяла, гдѣ собирались заговорщики), составленномъ офицерами Шведской

арміи, дѣйствовавшей противу Русскихъ въ Финляндіи. Одни изъ заговорщиковъ стремились при этомъ къ возстановленію формы правленія 1720 г., то-есть полнаго господства дворянской партіи; другіе же, именно Финляндскіе Шведы, желали отдѣлить Финляндію отъ Швеціи и образовать изъ нея самостоятельное государство подъ покровительствомъ Россіи. Густавъ III, находившійся тогда также въ Финляндіи, получивъ извѣстіе о заговорѣ, отправился въ Швецію и, успѣвъ заручиться тамъ поддержкою не-дворянскихъ сословій, устрашенныхъ угрожавшею королевству опасностью потерять Финляндію, собралъ въ началѣ слѣдующаго 1789 года сеймъ. Король предложилъ не-дворянскимъ сословіямъ сейма нѣкоторыя новыя права и преимущества, изъ которыхъ важнѣйшимъ было право владѣть фрельсовыми (то-есть свободными отъ налоговъ) землями, подъ условіемъ расширенія королевской власти. Въ этомъ смыслѣ и составленъ былъ тогда такъ-называемый «Актъ соединенія и охраненія». Такъ какъ дворянство противилось принятію этого закона, то Густавъ III велѣлъ арестовать главныхъ предводителей дворянской партіи и затѣмъ въ тронной залѣ предложилъ сейму принять этотъ актъ. Дворянство отвѣчало «нѣтъ»; но такъ какъ со стороны другихъ сословій, и особенно со стороны крестьянъ, послышались громкіе одобрительные крики «да», то тальманы этихъ сословій согласились подписать актъ. Подписалъ также и ландмаршалъ дворянства, но дворянство протестовало противъ этого. Лишь 11 лѣтъ спустя, въ царствованіе Густава IV Адольфа, на сеймѣ 1809 года, Актъ соединенія былъ принятъ и дворянскимъ сословіемъ. На основаніи этого закона Государственный Совѣтъ упразднялся, и власть короля чрезвычайно расширялась, граница въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ самодержавіемъ, по замѣчанію Наумана. Но вообще оба эти законодательства, Форма правленія 1772 года и Актъ соединенія 1789 года, возникшія внезапно и при столь смутныхъ обстоятельствахъ, отличаются такою нестройностію и неясностію, что доселѣ лучшіе Шведскіе юристы не могутъ согласиться, какъ понимать многія ихъ статьи. Законы эти даже и въ то время не могли служить прочнымъ основаніемъ для государственнаго правленія, и потому, тотчасъ послѣ сверженія съ престола Густава IV Адольфа въ 1809 году (еще до заключенія Фридрихсгамскаго трактата), были упразднены и замѣнены новою формой правленія, которая, съ нѣкоторыми измѣненіями, дѣйствуетъ въ Швеціи и до сихъ поръ.

Продолженіе пропаганды ученія о Финляндскомъ государствѣ.

Вотъ эти-то Шведскіе законы 1772 и 1789 гг., и даже нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ узаконеній, какъ, напр., королевскій отдѣлъ земскаго

уложенія 1442 г., признаны были Финляндскими профессорами и публицистами за основные законы Финляндіи, утвержденные будто бы за нею на основаніи договора, заключеннаго въ Борго между императоромъ Александромъ I и представителями Финляндскаго народа. Все это ученіе построено на превратномъ толкованіи документовъ и историческихъ событій, и даже на фактахъ, никогда не существовавшихъ и придуманныхъ только для оправданія желаемой теоріи. Такъ, напр., Финляндскіе ученые выдумали сказанный небывалый договоръ въ Борго и даже рѣшаются утверждать, что Финляндцы добровольно вступили въ подданство къ императору Александру I, послѣ того, какъ онъ далъ имъ удостовѣреніе въ томъ, что Финляндіи будутъ сохранены Шведскіе конституціонные законы. Въ такомъ именно смыслѣ излагаютъ событія того времени всѣ нынѣшніе Финляндскіе законовѣды и историки. Финляндскіе газеты и журналы тотчасъ подхватили это новое ученіе о Финляндскомъ конституціонномъ государствѣ и стали распространять его среди населенія. Успѣхъ пропаганды былъ обезпеченъ тѣмъ, что возраженій ни откуда не могло послѣдовать. Въ Россіи существованіе этой пропаганды никому не было извѣстно; притомъ документы, относящіеся къ подробностямъ Боргоскаго сейма и обличающіе всю ложь Финляндскаго ученія, лежали подъ спудомъ въ нашихъ государственныхъ архивахъ, пока не были извлечены на свѣтъ трудами незабвеннаго Ордина. Но возраженія Русскихъ ученыхъ во всякомъ случаѣ не дошли бы до Финляндскихъ читателей даже и въ переводѣ на мѣстныя нарѣчія, такъ какъ тамошнія власти зорко смотрятъ за тѣмъ, чтобы въ ихъ страну не имѣлъ доступа никакой голосъ съ Русской стороны, могущій повредить успѣху сказанной пропаганды. Происками Финляндскихъ властей даже въ самой Россіи запрещено было, въ концѣ 1861 года, помѣщать въ газетахъ и журналахъ извѣстія изъ Финляндіи, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ разрѣшены Финляндскимъ Статсъ-секретаріатомъ. Финляндское дѣло, отъ котораго съ самаго начала отстранены были всѣ Русскія государственныя власти, не имѣло у насъ никого, кто почиталъ бы своею обязанностью слѣдить за нимъ и могъ бы возвысить голосъ въ защиту Русскихъ государственныхъ интересовъ. Генералъ-губернаторы Финляндскіе, незнакомые ни съ прежнею исторіей Финляндіи, ни съ ея нарѣчіями, весьма мало знакомые даже съ дѣйствующими въ ней законами, окруженные при томъ въ собственномъ своемъ управленіи тѣсною стѣной Финляндцевъ до такой степени, что даже своихъ личныхъ адъютантовъ не могутъ избирать изъ Русскихъ уроженцевъ, генералъ-губернаторы поневолѣ должны были полагаться во всемъ на толкованія сенаторовъ и прокурора и, при самыхъ лучшихъ желаніяхъ, ничего не могли сдѣлать для измѣне-

нія установившихся тамъ порядковъ. Въ случаѣ же, если они рѣшались давать отпоръ незаконнымъ Финляндскимъ притязаніямъ, они встрѣчали могущественное противодѣйствіе въ Финляндскихъ министрахъ статсъ секретаряхъ, которые всегда находили средство представить дѣло Государю Императору въ желаемомъ ими смыслѣ и опровергнуть доводы генералъ-губернатора. Скоро сказанное политическое ученіе стало преподаваться даже въ Финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ, среднихъ и низшихъ, гдѣ были введены тамошнимъ учебнымъ начальствомъ соотвѣтственные учебники. Высшіе правители Финляндіи, члены тамошняго Сената, въ числѣ которыхъ всегда находятся и бывшіе профессора Гельсингфорскаго университета, были дѣятельнѣйшими поддерживателями новаго ученія, а нѣкоторые изъ нихъ (Пальменъ, Коскиненъ, Монгоммери, Мехелинъ) явились потомъ и главными его усовершенствователями и распространителями. Въ 1861 году является уже цѣлый сборникъ (на Шведскомъ языкѣ), подъ названіемъ: «Основные законы Великаго Княжества Финляндіи, съ принадлежащими къ нимъ актами», составленный Гельсингфорскимъ профессоромъ Пальменомъ (впослѣдствіи прокуроръ Сената, затѣмъ сенаторъ, вице-предсѣдатель департамента юстиціи и вице-канцлеръ Александровскаго Гельсингфорскаго университета). Составитель этого сборника не обинуясь называетъ основными законами Финляндіи Шведскую Форму правленія 1772 года и Актъ соединенія 1789 года, никогда Русскими монархами не признанные и рѣшительно нигдѣ дотолѣ не упоминавшіеся въ изданныхъ для Финляндіи узаконеніяхъ. Сборникъ Пальмена былъ признанъ въ Финляндіи какъ бы за офиціальный кодексъ, на который стали ссылаться другіе распространители ученія о Финляндскомъ государствѣ.

Первый Гельсингфорскій сеймъ 1863 года.

Когда почва была такимъ образомъ подготовлена укрѣпленіемъ въ сознаніи Финляндцевъ ученія объ особомъ Финляндскомъ государствѣ со своими собственными основными законами, тогда было приступлено къ практическому осуществленію этого ученія. Въ 1861 году, съ высочайшаго разрѣшенія, было офиціально объявлено въ Финляндіи, что предположено созвать сеймъ по образцу Боргоскаго; но на самомъ дѣлѣ Финляндскіе руководители имѣли въ виду придать предположенному сейму полную конституціонную обрядность и закрѣпить за нимъ соотвѣтственныя права. Одинъ изъ чиновниковъ Финляндскаго Сената былъ отправленъ въ Швецію для изученія въ Шведскихъ архивахъ старыхъ сеймовыхъ актовъ и постановленій, чтобы знать, какъ слѣдуетъ поступать на предполагаемомъ Финляндскомъ сеймѣ, чтобы

сдѣлать изъ него точную копію прежнихъ Шведскихъ риксдаговъ. Въ 1863 году, по распоряженію Сената, былъ обнародованъ въ Сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго составленный на основаніи справокъ упомянутаго чиновника «Сводъ дѣйствующихъ постановленій и принятыхъ обычаевъ, имѣющихъ примѣненіе къ ландтагамъ въ Финляндіи». Въ этомъ сводѣ Форма правленія 1772 г. и Актъ соединенія и охраненія 1789 г. уже офиціально называются дѣйствующими основными законами Финляндіи, и даже прямо были указаны §§ 40—43 и 57 Формы правленія и § 5 Акта соединенія и охраненія, какъ постановленія, примѣнимыя къ Финляндскимъ сеймамъ *). Такимъ образомъ Финляндскій Сенатъ собственною властью предрѣшалъ измѣненіе существовавшаго дотолѣ образа правленія въ Финляндіи. Согласно этому предрѣшенію, созванный въ томъ же 1863 году первый Гельсингфорскій сеймъ явился уже не совѣщательнымъ собраніемъ, какъ Боргоскій сеймъ 1809 г., а настоящимъ законодательнымъ. На его разсмотрѣніе предлагались отъ имени Императора законопроекты, и если онъ дѣлалъ въ нихъ какія-либо измѣненія или дополненія, то узаконенія эти издавались въ такомъ точно видѣ, какъ они были редактированы сеймомъ. Это правило соблюдалось съ тѣхъ поръ и при послѣдующихъ сеймахъ, а многія узаконенія начинались даже словами: «Съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи, признали Мы за благо утвердить» и т. д. Только въ 1889 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе не употреблять этихъ столь неумѣстныхъ словъ во вступленіи къ законамъ, а замѣнить ихъ выраженіемъ: «по всеподданнѣйшему представленію земскихъ чиновъ». Сказанное коренное измѣненіе въ отношеніяхъ верховной власти къ одной изъ областей Русскаго государства явилось какъ бы само собою, не бывъ установлено никакимъ законодательнымъ актомъ, освященнымъ утвержденіемъ Монарха. Даже въ Сеймовомъ Уставѣ 1869 года, явившемся уже послѣ двухъ сеймовъ 1863 и

*) Въ § 40 Формы правленія постановлено, что король не можетъ издать новаго закона, ниже уничтожить стараго, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ. Въ § 41 сказано, что государственные чины не могутъ издать, либо отмѣнить, закона безъ воли и согласія короля. Въ §§ 42 и 43 установленъ порядокъ, которому долженъ слѣдовать король при предложеніи сейму новыхъ законовъ, а также сеймовые чины при предложеніи королю новаго закона (право предложенія было отнято отъ сейма Актомъ соединенія 1789 г., но Финляндскій Сенатъ почелъ болѣе удобнымъ умолчать объ этомъ). Въ § 57 говорится о томъ, что, въ случаѣ какой-нибудь неясности въ законѣ, слѣдуетъ поступать, какъ предписано относительно изданія новаго закона. Въ § 5 Акта соединенія сказано, что относительно назначенія податей на содержаніе государства Шведскій народъ имѣетъ неоспоримое право съ королемъ совѣщаться, уговариваться, отказываться и входить въ соглашеніе.

1867 гг., редакторы его рѣшились примѣнить требованіе о согласіи сословій только къ основнымъ законамъ и сословнымъ привилегіямъ (§ 71 Сеймоваго Устава), и то въ выраженіяхъ весьма уклончивыхъ и двусмысленныхъ, дающихъ поводъ къ двумъ различнымъ толкованіямъ.

Въ рѣчи, произнесенной Императоромъ при открытіи сейма 1863 года и редактированной, по словамъ Финляндскаго историка Берга, Финляндскимъ сенаторомъ Снельманомъ [1]), помѣщены были такія слова: Plusieurs des stipulations *des lois fondamentales* du Grand-Duché ne sont plus applicables à l'état des choses survenu depuis sa réunion à l'Empire; d'autres manquent de clarté et de précision. Désirant remédier à ces imperfections, Mon intention est de faire élaborer un projet de loi qui contiendra des explications et des supplémens à ces stipulations pour être soumis à l'examen des états lors de la prochaine diète, que Je pense convoquer dans trois ans. Et maintenant le principe monarchique constitutionnel inhérant aux moeurs du peuple finlandais et dont toutes ses lois et ses institutions portent le caractère, Je veux faire admettre dans ce projet un droit plus étendu que celui que possèdent déjà les états, quant au règlement de l'assiette des impôts, ainsi que le droit de motion qu'ils ont anciennement possédé, Me réservant toutefois celui de prendre l'initiative dans toutes les questions qui touchent au changement *de la loi fondamentale.* Въ этой рѣчи въ первый разъ отъ лица самой верховной власти признано существованіе *основныхъ законовъ* Финляндіи. Что же это за основные законы, о которыхъ здѣсь говорится? Въ теченіе 54 лѣтъ со времени завоеванія Финляндіи не было упоминанія ни о какихъ основныхъ ея законахъ; ибо Финляндія, какъ область, «состоящая въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской», не можетъ имѣть иныхъ основныхъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые установлены для всей Россіи [2]).

---

[1]) См. книгу Берга „Наше управленіе и наши сеймы", т. II, стр. 15. Для изложенія рѣчи правильнымъ Французскимъ стилемъ, Снельману былъ приданъ Русскій дипломатическій чиновникъ г. Гамбургеръ.

[2]) Для предупрежденія ложныхъ толкованій, слѣдуетъ упомянуть, что въ двухъ законодательныхъ актахъ въ царствованіе императора Николая I употреблено выраженіе „основныя постановленія сего края", именно: въ упомянутомъ выше манифестѣ 17 Марта 1826 г. объ учрежденіи Финляндскаго Статсъ-Секретаріата и въ высочайшемъ постановленіи 2 іюня того же 1826 г. о приносимыхъ на высочайшее имя прошеніяхъ о помилованіи. Но изъ самаго содержанія этихъ актовъ видно, что подъ выраженіемъ „основныя постановленія сего края" разумѣются здѣсь не какіе-либо политическіе основные законы относящіеся къ государственному праву, въ родѣ Шведскихъ узаконеній 1772 и 1789 гг.,

Истина эта одинаково сознавалась какъ Русскимъ правительствомъ, такъ и населеніемъ Финляндіи, не помышлявшимъ въ теченіе двухъ царствованій ни о какихъ ограниченіяхъ правъ Самодержца того государства, въ составъ котораго Финляндія была включена по праву за-

---

а постановленія, изданныя или подтвержденныя для Финляндіи уже при Русскомъ владычествѣ, каковы прежде всего учрежденіе Правительствующаго Совѣта и Общее Уложеніе Швеціи 1734 года. Это видно, вопервыхъ, изъ того, что въ основныхъ Шведскихъ законахъ 1772 и 1789 годовъ власти короля не предоставлялось тѣхъ предметовъ, которые въ манифестѣ 17 Марта 1826 года отнесены къ непосредственному распоряженію Императора, „сообразно съ утвержденными (нами какъ тамъ сказано) коренными законами и основными постановленіями сего края". Было бы противно всякой логикѣ предполагать, что императоръ Николай ссылался на основные Шведскіе законы въ томъ самомъ актѣ, который находится въ полномъ противорѣчіи съ сими законами. Да и все учрежденіе Статсъ-Секретаріата, о которомъ говорится въ этомъ манифестѣ, было учрежденіемъ исходившимъ непосредственно отъ самодержавной воли Русскаго императора и не имѣвшимъ себѣ подобнаго въ Шведскомъ королевствѣ, а потому ссылка на основные Шведскіе законы не имѣла бы здѣсь смысла. Въ высочайшемъ постановленіи 2 Іюня 1826 года выраженіе „законы и основныя постановленія сего края" прямо относится къ учрежденію Правительствующаго Совѣта (тогда уже переименованнаго въ Сенатъ), какъ видно изъ всего содержанія этого постановленія. Одно уже то обстоятельство, что выраженіе „коренные законы и основныя постановленія сего края" употреблено въ актахъ, исходившихъ отъ Императора Николая, достаточно свидѣтельствуетъ, что въ то время это выраженіе не имѣло ни малѣйшаго отношенія къ Шведскимъ конституціоннымъ узаконеніямъ, хотя противное сему силятся теперь доказать Финляндскіе законовѣды. Равнымъ образомъ и въ царствованіе Александра I-го въ нѣкоторыхъ манифестахъ и узаконеніяхъ встрѣчаются слова: „древнія установленія, странѣ сей свойственныя", и „коренные законы Финляндіи", напр., въ манифестѣ къ жителямъ Финляндіи отъ 5 Іюня 1808 года, въ грамотѣ 15 Марта 1809 года, въ высочайшей инструкціи Финляндской Комиссіи отъ 26 Октября 1811 года, и въ высочайшемъ постановленіи 24 Января 1812 года о представленіи кандидатовъ на судейскія должности. Изъ самаго содержанія этихъ документовъ явствуетъ, что подъ „древними установленіями и коренными законами" здѣсь разумѣлись издавна существовавшіе въ Шведскомъ королевствѣ законы церковные, гражданскіе, уголовные и прочіе, вошедшіе въ Общее Шведское Уложеніе 1734 года и въ Церковный Уставъ, а отнюдь не Шведскія политическія узаконенія, извѣстныя подъ именемъ Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія 1789 года. Въ этихъ двухъ законодательствахъ не только не было ничего древняго и кореннаго, но, напротивъ того, они, какъ мы видѣли, были новѣйшимъ и эфемернымъ порожденіемъ борьбы королевской власти со Шведскою олигархіей и испарились изъ Шведскаго законодательства въ самый годъ завоеванія Финляндіи Русскимъ оружіемъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ томъ же значеніи старинныхъ коренныхъ законовъ, а отнюдь не въ смыслѣ Шведскихъ политическихъ узаконеній конца 18-го вѣка, употреблено было и выраженіе „vos lois fondamentales" въ рѣчи императора Александра I-го при открытіи Боргоскаго сейма, что, впрочемъ, подтверждается всѣми дальнѣйшими дѣйствіями этого Государя.

воеванія. Упоминаніе въ императорской рѣчи объ этихъ таинственныхъ основныхъ законахъ, гдѣ-то дотолѣ скрывавшихся въ неизвѣстности и не признававшихся ни императоромъ Александромъ I-мъ, ни императоромъ Николаемъ, было только приготовительнымъ маневромъ со стороны редактора этой рѣчи къ тому, чтобы выдвинуть потомъ на сцену Шведскіе законы 1772 и 1789 гг. подъ видомъ законовъ, будто бы признанныхъ Александромъ I-мъ за основные для Финляндіи, и потомъ сдѣлать ихъ «plus applicables à l'état des choses» и придать имъ «plus de clarté et de précision», отсутствіемъ которыхъ они дѣйствительно страдаютъ въ высокой степени. Съ этого момента начинается уже положительное осуществленіе въ законодательствѣ и управленіи Финляндіи придуманнаго тамошними законовѣдами ученія о Финляндскомъ государствѣ съ его особыми основными законами. Затѣмъ въ рѣчи Императора обращаютъ на себя вниманіе слова: «Я желаю расширить въ этомъ проектѣ *принадлежащее уже сейму право* опредѣлять размѣръ налоговъ». До этого времени въ Финляндіи никакимъ закономъ не было установлено право сейма опредѣлять размѣръ налоговъ, и самое даже существованіе сеймовъ, какъ непремѣнныхъ органовъ законодательства, нигдѣ не узаконялось. Напротивъ того, какъ мы видѣли изъ регламента Правительствующаго Совѣта и изъ высочайшаго манифеста 17 Марта 1826 г., всѣ узаконенія и распоряженія о налогахъ, какъ и всѣ вообще законодательныя постановленія, исходили непосредственно отъ самодержавной власти Императора. Очевидно, это было скрыто отъ Императора, а редакторъ этой рѣчи, приписывая Финляндскому сейму право назначать налоги, выводилъ это право изъ Шведскихъ конституціонныхъ законовъ, какъ бы продолжавшихъ непрерывно дѣйствовать въ Финляндіи и послѣ 1809 г, но назвать прямо эти законы не рѣшался, вѣроятно изъ опасенія, что Императоръ можетъ потребовать для прочтенія самый текстъ ихъ. Что же касается до словъ рѣчи: «Я желаю ввести право предложенія законовъ, которымъ сеймъ пользовался прежде», то слѣдуетъ замѣтить, что въ эпоху присоединенія западной Финляндіи къ Россіи Шведскій сеймъ не пользовался уже правомъ непосредственнаго предложенія законовъ, такъ какъ это право было у него отнято Актомъ соединенія и охраненія (§ 6 Акта). Слѣдовательно, здѣсь редакторомъ рѣчи допущена двойная неправильность: кромѣ ссылки на старые Шведскіе законы, какъ бы на дѣйствующіе въ Финляндіи въ силу никогда несуществовавшаго признанія ихъ императоромъ Александромъ I-мъ, редакторъ ссылается на постановленіе Формы правленія, уничтоженное позднѣйшимъ закономъ—Актомъ соединенія. Во всякомъ случаѣ отождествлять импровизованный Финляндскій областной сеймъ, еще даже

не имѣвшій при произнесеніи этой рѣчи никакого устава, съ риксдагомъ самостоятельнаго Шведскаго королевства и говорить, что Финляндскій сеймъ пользовался когда-то правомъ самостоятельныхъ предложеній—все это было весьма смѣлою перестановкою историческихъ фактовъ и перенесеніемъ правъ одного учрежденія на другое, имѣвшее съ нимъ только наружное сходство. Не менѣе грѣшатъ противъ исторической истины и тѣ слова рѣчи, гдѣ говорится, что принципъ конституціонной монархіи присущъ правамъ Финляндскаго народа. Это можно было бы сказать только о Финляндскихъ Шведахъ, составлявшихъ всегда въ Финляндіи ничтожный процентъ населенія, въ видѣ высшаго класса, и жителей узкой прибрежной полосы вмѣстѣ съ островами. Но простой Финскій народъ не игралъ въ конституціонной жизни Швеціи никакой роли. Хотя Финляндія и пользовалась номинально одинаковыми политическими правами съ прочими частями Шведскаго королевства, но на самомъ дѣлѣ всегда была заднимъ дворомъ Швеціи и содержима, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ, вслѣдствіе рѣзкой племенной разницы обоихъ народовъ, низкаго культурнаго уровня Финновъ, ихъ тогдашней бѣдности, дикости и даже самаго географическаго положенія ихъ страны, оторванной половину года отъ Швеціи непроходимыми льдами и снѣгами. Короли и принцы Шведскіе по цѣлымъ столѣтіямъ не показывались въ Финляндіи. Природные Финны не имѣли участія въ высшемъ управленіи королевствомъ и не получали высшихъ должностей въ войскѣ; они рѣдко даже производились въ офицерскіе чины. Въ самой Финляндіи всѣ сколько-нибудь значительныя должности ввѣрялись исключительно Шведамъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія Финляндцы ходатайствовали предъ Шведскимъ риксдагомъ о томъ, чтобы на должности въ Финляндіи опредѣлялись только природные Финляндцы, въ виду того, что уроженцы собственной Швеціи незнакомы съ Финскимъ языкомъ. Риксдагъ отказалъ въ этомъ ходатайствѣ, а вмѣсто того сеймовая комиссія, обсуждавшая этотъ вопросъ, предложила принять мѣры къ тому, чтобы Финское населеніе отдавало своихъ дѣтей для обученія Шведскому языку въ Шведскія семейства, и раздавать на казенный счетъ Шведскія азбуки, катихизисы и пр. (Коскинепъ, «Исторія Финскаго народа», на Финскомъ языкѣ, стр. 428—429). Финская народность и Финскій языкъ были въ презрѣніи между Шведами. Поэтому сказать, что конституціонный принципъ присущъ правамъ Финляндскаго народа значитъ утверждать фактъ, никогда несуществовавшій въ исторіи. Созваніе перваго Гельсингфорскаго сейма и произнесеніе вышеприведенной рѣчи относятся къ эпохѣ Польскаго мятежа 1863 г., когда Императоръ былъ озабоченъ Польскими дѣлами и враждебными Россіи заявленіями западныхъ державъ. Этимъ момен-

томъ и воспользовался графъ Армфельтъ, чтобы поднести Государю сказанную рѣчь и заложить операціонный базисъ для послѣдующихъ дѣйствій Финляндской тактики.

Учрежденіе перваго комитета (Норденстама) для кодификаціи такъ называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи.

Согласно съ выраженнымъ въ приведенной рѣчи намѣреніемъ Государя о составленіи объясненій и дополненій къ основнымъ законамъ Финляндіи, Императору была представлена программа для руководства тому комитету, которому будетъ поручена эта работа. Программа сія высочайше утверждена 7 Декабря 1864 года. Офиціально она не была обнародована, а напечатана (на Шведскомъ языкѣ) въ частномъ изданіи—въ книгѣ Берга «Наше правительство и наши сеймы». Документъ этотъ поражаетъ смѣлостью пріемовъ его составителей. Здѣсь уже прямо ставится въ обязанность исполнителямъ предположенной кодификаціонной работы, «чтобы не только Форма правленія 1772 года и Актъ соединенія и безопасности 1789 года были соединены въ одинъ актъ или основной законъ подъ названіемъ Уложенія для Великаго Княжества Финляндскаго, но чтобы законоположенія, вносимыя изъ прежнихъ (т. е. Шведскихъ) законовъ въ новый актъ, были съ точностью сохраняемы, сколь это возможно, при необходимомъ уясненіи выраженій». Программа предписываетъ, что «великое княжество управляется согласно съ *его формою правленія* и законами»; что «относительно порядка престолонаслѣдія, срока совершеннолѣтія Наслѣдника, управленія во время несовершеннолѣтія Императора, для Финляндіи должно имѣть силу все, что установлено или впредь будетъ установлено для Россіи, и что отношенія Финляндіи къ иностраннымъ державамъ зависятъ отъ отношеній Россійскаго государства и съ ними одинаковы». Однимъ словомъ, Финляндія, бывшая дотолѣ одною изъ провинцій Россіи, признается здѣсь самостоятельнымъ государствомъ, имѣющимъ собственную форму правленія и соединеннымъ съ Россіею только въ лицѣ общаго государя, на условіяхъ такъ называемой реальной уніи, какъ наприм. Норвегія соединена со Швеціею. Такимъ образомъ превращеніе Русской провинціи въ самостоятельное государство, съ кореннымъ измѣненіемъ существовавшаго въ ней дотолѣ образа правленія, предрѣшалось программою, составленною Финляндскими законовѣдами, въ которой они, подъ видомъ существующихъ узаконеній (на кодификацію которыхъ собственно и дано было согласіе Императора), подставили прежніе Шведскіе законы, завѣдомо для нихъ не только никогда не утверждавшіеся Русскими монархами, но непримѣнимые къ Финляндіи, какъ къ нераздѣльной части Русскаго

государства, и даже въ высшей степени оскорбительные для достоинства Русскаго монарха и для патріотическаго чувства Русскаго народа*). Этою же программою возлагалось на комитетъ, долженствующій кодифицировать такъ называемые основные законы Финляндіи, составленіе Сеймоваго Устава, при чемъ ему вмѣнялось въ обязанность внести въ этотъ уставъ примѣнимыя узаконенія изъ Шведскихъ сеймовыхъ уставовъ 1617 и 1723 гг., для собранія свѣдѣній о которыхъ и былъ, какъ сказано, командированъ въ Стокгольмъ особый чиновникъ (замѣтимъ, что Сеймовый Уставъ 1723 г. составленъ въ періодъ вольницы). Преобразовывая управленіе Финляндіи по Шведскимъ законамъ XVII и XVIII вѣка, составители этой программы вовсе оставили въ сторонѣ, какъ бы несуществующіе, тѣ законы, которыми дѣйствительно управлялась Финляндія съ 1809 года, на томъ основаніи (какъ это потомъ прямо было высказываемо составителями проектовъ Финляндскихъ основныхъ законовъ), что эти законы, какъ неутвержденные сеймомъ, не имѣютъ для Финляндцевъ обязательной силы. Чтобы обезпечить Финляндцамъ и на будущее время возможность проводить свои планы безпрепятственно, составители программы включили въ нее требованіе, чтобы министры статсъ-секретари, докладывающіе Государю дѣла, требующія высочайшаго разрѣшенія, назначались изъ Финляндскихъ уроженцевъ, хотя въ высочайшемъ манифестѣ 17 Марта 1826 г. объ учрежденіи Статсъ-Секретаріата ничего подобнаго не находится.

Для кодификаціи такъ называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи образованъ былъ комитетъ, составленный изъ однихъ Финляндцевъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Норденстама. Комитетомъ симъ составленъ въ 1865 году проектъ, озаглавленный въ Шведскомъ подлинникѣ «Форма правленія Великаго Княжества

*) Въ королевскомъ увѣреніи, сопровождающемъ Форму правленія 1772 г., король обязывался утвердить оную „личною своею присягою“ и при этомъ объявлялъ дословно слѣдующее: „Мы наисильнѣйшимъ образомъ симъ увѣряемъ, что имѣемъ намѣреніе управлять государствомъ по принятому нынѣ основному закону и, отвергая навсегда, какъ то нами уже учинено, *ненавистное королевское самовластіе* (förhateliga Konnugsliga Enwäldet) *или такъ называемое самодержавіе* (Souverainitéten), мы почитаемъ всегда за величайшую для себя честь быть первымъ согражданиномъ среди вѣрнаго и вольнаго народа“. А въ самомъ текстѣ Формы правленія государственные чины, ее утвердившіе, объявляютъ: „Имѣя величайшее отвращеніе къ королевскому самодержавію, или такъ называемому неограниченному правленію, мы почитаемъ за превосходнѣйшее счастіе наше, честь и выгоду, что живемъ вольными, независимыми, законодательными, но законоповинующимися чинами“ и т. д.

Финляндіи», а въ Русскомъ текстѣ, назначенномъ для поднесенія Императору, названный болѣе скромнымъ титуломъ: «Уложеніе Великаго Княжества Финляндіи». Въ этомъ проектѣ образъ правленія Финляндіи преобразовывается на основаніи двухъ главныхъ началъ: вопервыхъ, Финляндія разсматривается какъ самостоятельная часть Россійскаго государства, соединенная съ нимъ лишь единствомъ царствующаго дома, и вовторыхъ, власть Русскаго императора въ Финляндіи ограничивается согласіемъ сейма по всѣмъ предметамъ законодательства. Единоличной власти Императора предоставляется только опредѣленіе количества пошлинъ и вознагражденій за употребленіе принадлежащихъ казнѣ способовъ сообщенія, за пользованіе общественными заведеніями, за исходящія отъ служащихъ лицъ бумаги, за частныя служебныя дѣйствія сихъ лицъ, наконецъ назначеніе таможенныхъ пошлинъ на Русскія издѣлія, ввозимыя въ Финляндію (§ 49). Самыми существенными мѣстами всего проекта являются §§ 39 и 40; они же имѣютъ особенное значеніе и для уясненія важнѣйшихъ параграфовъ будущаго Сеймоваго Устава. Въ § 39 сказано: «Земскіе чины Финляндіи имѣютъ право сообща съ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ постановить основной законъ, а также общія гражданское, уголовное, церковное и морское уложенія и измѣнить или прекратить таковые прежде изданные законы. Слѣдовательно ни Государь Императоръ не можетъ безъ согласія земскихъ чиновъ, ни земскіе чины не могутъ безъ согласія Государя Императора постановить какіе-либо подобные законы или отмѣнить прежніе. Основными законами Финляндіи считаются сіе Уложеніе и Сеймовый Уставъ» (составлявшійся одновременно съ симъ Уложеніемъ). Въ § 40 сказано: «Основной законъ можетъ быть постановленъ, измѣненъ или прекращенъ только по предложенію Государя Императора. Вопросы объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ общаго гражданскаго, уголовнаго, церковнаго и морскаго уложеній могутъ, кромѣ таковаго предложенія, быть возбуждаемы также и чрезъ предложенія сословій. Одинаковое право предложенія предоставлено земскимъ чинамъ также по всѣмъ другимъ вопросамъ, зависящимъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и земскихъ чиновъ». Послѣдній, 67-й, параграфъ проекта гласитъ: «Сіе Уложеніе имѣетъ во всѣхъ его частяхъ силу неизмѣнимаго основнаго закона для Государя Финляндіи и земскихъ чиновъ до тѣхъ поръ, пока оно единогласнымъ ихъ рѣшеніемъ не будетъ измѣнено или отмѣнено». Составители проекта не только надѣялись, примѣняя къ Финляндіи заднимъ числомъ Шведскіе законы прошедшаго столѣтія, вырвать у Русскаго монарха его исконныя права, но и позаботились въ

§ 67 закрѣпить за Финляндіею это пріобрѣтеніе, если оно удачно будетъ достигнуто.

Императоръ Александръ II-й не соизволилъ однако принять этотъ проектъ. По этому случаю, при открытіи слѣдующаго сейма 1867 года, въ тронной рѣчи было указано, въ прямую противоположность упомянутой выше программѣ, «на утратившуюся силою обстоятельствъ совмѣстность коренныхъ законовъ Великаго Княжества съ положеніемъ, возникшимъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Имперіи». При этомъ Императоръ заявлялъ, что работа по необходимымъ поясненіямъ и дополненіямъ сихъ законовъ, «по своей многосложности, въ настоящую минуту еще не созрѣла до того окончательнаго вида, который бы далъ Его Величеству возможность предложить оную на обсужденіе настоящаго сейма». Затѣмъ вопросъ о составленіи свода такъ-называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи не получилъ въ царствованіе императора Александра II-го дальнѣйшаго хода. Посягательства на ограниченіе монархической власти и на созданіе для Финляндіи политической самостоятельности, выразившіяся въ сказанномъ проектѣ, очевидно измѣнили образъ мыслей Императора относительно такъ называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи, тѣмъ болѣе, что уже на первомъ дарованномъ ей конституціонномъ сеймѣ 1863 года обнаружились выходки со стороны депутатовъ, особенно въ средѣ дворянскаго сословія, доказывавшія ихъ враждебное настроеніе противъ Россіи. На эти оппозиціонныя попытки сейма было указано даже въ рѣчи, произнесенной отъ высочайшаго имени генералъ-губернаторомъ при закрытіи сейма 1863 года. «Не могу не сожалѣть о томъ, говорилось въ этой рѣчи, что нѣкоторыя пренія сейма подали поводъ къ недоразумѣніямъ касательно отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи. Ясное пониманіе пользъ Финляндіи должно склонять васъ къ упроченію, а отнюдь не къ ослабленію той тѣсной связи съ Россіею, которая служитъ неизмѣннымъ ручательствомъ благосостоянія вашей родины».

Сеймовый Уставъ 1869 года.

Одновременно съ проектомъ Уложенія былъ составленъ тѣмъ же комитетомъ и проектъ Сеймоваго Устава, опредѣлявшій только внѣшнюю процедуру сеймовыхъ собраній, не касаясь существа основныхъ конституціонныхъ законовъ, которые подробно были изложены въ Уложеніи или въ Формѣ правленія. Соотвѣтственно двумъ приведеннымъ выше параграфамъ (39-му и 40-му) проекта Уложенія, въ Сеймовомъ

Уставѣ, въ §§ 71, 72, 73 и 74, былъ изложенъ порядокъ разсмотрѣнія и рѣшенія на сеймѣ вопросовъ, относящихся какъ къ основнымъ, такъ и къ общимъ законамъ, подлежащимъ совокупному рѣшенію сейма и Императора. Относительно *основныхъ* законовъ § 71-й требовалъ, чтобы «изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона могли послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и съ согласія всѣхъ сословій»; въ параграфахъ же 72—74 говорилось, по какимъ законодательнымъ вопросамъ считается достаточнымъ согласіе только трехъ сословій, чтобъ ихъ рѣшеніе признавалось рѣшеніемъ сейма, и какъ слѣдуетъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда сословія дадутъ столь разногласныя заключенія, что изъ нихъ нельзя составить требуемаго уставомъ большинства. Но какъ скоро §§ 39-й и 40-й Уложенія, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ Уложеніемъ, были отвергнуты Императоромъ, то, очевидно, слѣдовало измѣнить и редакцію § 71-го Сеймоваго Устава въ такомъ смыслѣ, что вопросы, касающіеся основныхъ законовъ, могутъ быть обсуждаемы на сеймѣ только въ томъ случаѣ, если они будутъ предложены Государемъ Императоромъ, а сеймовое по нимъ заключеніе только тогда должно считаться состоявшимся, когда послѣдуетъ согласное рѣшеніе всѣхъ четырехъ сословій сейма. Такая редакція установила бы ясное различіе въ способахъ внесенія и рѣшенія вопросовъ, относящихся къ основнымъ законамъ, и тѣхъ, которые принадлежатъ къ общимъ законамъ, для рѣшенія каковыхъ, по § 73-му Сеймоваго Устава, требуется только согласное рѣшеніе трехъ сословій. Но Финляндскій Сенатъ почелъ болѣе удобнымъ для своихъ цѣлей оставить прежнюю редакцію § 71-го Сеймоваго Устава, именно: «Изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и съ согласія всѣхъ сословій», хотя изъ такой редакціи прямо вытекаетъ заключеніе, что будто бы безъ согласія сейма Русскій Императоръ не въ правѣ издать основного закона собственною самодержавною властью. Такое заключеніе не имѣетъ, конечно, смысла послѣ того, какъ Императоромъ было отвергнуто Уложеніе комитета Норденстама, самые капитальные параграфы котораго, именно §§ 39-й и 40-й, заключали именно сказанное ограниченіе самодержавной власти Русскаго Монарха. Во всякомъ случаѣ подобное коренное измѣненіе образа правленія въ одной изъ областей Русскаго государства не могло быть выражено въ трехъ строкахъ Сеймоваго Устава, имѣющаго чисто-процессуальный характеръ, устава, «устанавливающаго (какъ сказано во вступленіи къ оному) правила касательно собраній и засѣданій земскихъ чиновъ».

Очевидно, § 71-й Сеймоваго Устава могъ въ глазахъ Императора имѣть только тотъ смыслъ, что если Его Величество признаетъ нуж-

нымъ предложить проектъ основнаго закона на предварительное обсужденіе сейма, то заключеніе сейма только тогда должно считаться состоявшимся, когда послѣдуетъ согласное рѣшеніе всѣхъ четырехъ сословій. Одно уже помѣщеніе узаконенія такой первостепенной важности въ столь несоотвѣтственномъ мѣстѣ даетъ понять, что при этомъ имѣлось въ виду ввести въ Бозѣ почившаго Императора въ заблужденіе и скрыть отъ него дѣйствительную цѣль, имѣвшуюся въ виду при помѣщеніи здѣсь этой статьи.

Но Финляндскій Сенатъ и министръ статсъ-секретарь, подносившій этотъ уставъ на утвержденіе Императора, справедливо разсчитывали, что кто не искусился въ законодательной кодификаціи и не предупрежденъ быть насторожѣ, тотъ едва-ли обратитъ вниманіе на эти три строки, втиснутыя и затертыя въ массѣ статей чисто-процессуальнаго характера, не имѣющихъ никакой принципіальной важности. На случай же, если бы Императоръ остановилъ свое вниманіе на сказанныхъ трехъ строкахъ, ему можно бы отвѣтить, что онѣ хотя, быть-можетъ, выражены и не совсѣмъ удачно, по недостаточному знакомству Финляндскихъ законовѣдовъ съ Русскимъ языкомъ *), но тѣмъ не менѣе ни мало не посягаютъ на верховныя законодательныя права Монарха, и даже какъ бы подкрѣпляютъ ихъ требованіемъ, чтобы основные законы обсуждались на сеймѣ не иначе, какъ по предложенію Императора; что вся цѣль этихъ строкъ установить необходимое единогласіе всѣхъ четырехъ сословій при рѣшеніи вопросовъ этого рода. Но какъ только Сеймовый Уставъ былъ утвержденъ и подписанъ Императоромъ, Финляндскія власти не обинуясь стали уже провозглашать, что § 71-й Сеймоваго Устава обязываетъ Императора вносить на рѣшеніе сейма всякій вопросъ, касающійся основныхъ законовъ. Было уже доказано, что эти мнимые основные законы внезапно появились въ Финляндскомъ законодательствѣ съ 1863 года, въ противность государственному праву Россіи и наперекоръ всей исторіи Финляндскаго законодательства въ теченіе 54 лѣтъ. Такое превратное пониманіе этого параграфа стало съ тѣхъ поръ мало-по-малу вводиться въ сеймовую практику и теперь въ глазахъ Финляндцевъ окрѣпло до степени безусловной истины. Такимъ образомъ, посредствомъ хитро придуманной редакціи сказанныхъ трехъ строчекъ и благодаря тому, что до послѣднихъ годовъ минувшаго царствованія (до почтовой реформы 1890 года и высочайшихъ

*) Такой именно предлогъ выставили Финляндскій Сенатъ и министръ статсъ-секретарь, когда были уличены въ тенденціозно-искаженномъ переводѣ на Шведскій языкъ высочайшаго рескрипта Финляндскому генералъ-губернатору отъ 28 Февраля 1891 года (См. мою книгу „Финляндскій современный вопросъ“, стр. 225).

повелѣній о пересмотрѣ Финляндскаго уголовнаго уложенія въ 1890 г. и Устава о воинской повинности въ 1891 году), Финляндцы были полными и безконтрольными хозяевами въ дѣлахъ мѣстнаго законодательства. Они достигли того, что сказанныя три строчки, умышленно запрятанныя въ массу статей чисто-процессуальнаго содержанія, обратились въ основной законъ, ограничивающій власть Русскаго Монарха надъ Финляндіей. По совершенной неизвѣстности у насъ того, что творилось въ Финляндіи, Русское образованное общество, читая въ газетахъ отрывочныя корреспонденціи о тамошней конституціи, недоумѣвало, какимъ законодательнымъ актомъ, какимъ органическимъ уложеніемъ, или хотя бы простымъ манифестомъ, осуществлена была столь великая реформа въ политическомъ быту одной изъ областей Россіи. Образованнымъ Русскимъ извѣстна была, хотя въ общихъ чертахъ, исторія завоеванія Финляндіи въ 1809 году и тотъ порядокъ, который существовалъ въ ней при императорахъ Александрѣ I-мъ и Николаѣ I-мъ, абсолютныхъ самодержцахъ надъ всѣми подвластными Россіи областями. Откуда же вдругъ явилась Финляндская конституція? Конституція, какъ и всякая другая коренная реформа въ политическомъ быту того или другого народа, не прокрадывается въ лазейку, не боится свѣта и не ищетъ укрыться отъ постороннихъ глазъ, прячась за двусмысленныя выраженія и прибѣгая къ завѣдомому обману. Конституція входитъ большими вратами и открыто заявляетъ о себѣ міру, будетъ ли она дарована народу милостію монарха, или будетъ вызвана событіями и въ силу необходимости. Мы, Русскіе, и доселѣ ищемъ и не находимъ этихъ широкихъ вратъ, которыми вошла въ міръ Финляндская конституція, этого органическаго уложенія, гдѣ опредѣлены предѣлы власти и образъ дѣйствій обоихъ верховныхъ факторовъ конституціоннаго правительства, монарха и народнаго представительства.

Проектъ Сеймоваго Устава, по изготовленіи его комитетомъ Норденстама, былъ по высочайшему повелѣнію внесенъ на разсмотрѣніе сейма 1867 года, которымъ былъ окончательно редактированъ въ формѣ договора между земскими чинами и Русскимъ Императоромъ. Въ такомъ видѣ онъ и былъ утвержденъ государемъ Александромъ II-мъ 3 Апрѣля 1869 года. Во вступленіи къ Уставу говорится, что Императоръ призналъ за благо утвердить принятый земскими чинами Сеймовый Уставъ; самый же Уставъ начинается словами: «Мы, нижеподписавшіеся земскіе чины Великаго Княжества Финляндскаго, графы, бароны, епископы, рыцарство и дворянство, духовенство, горожане и крестьяне, объявляемъ чрезъ сіе, что, по высочайшемъ пред-

ложеніи Его Величествомъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ, принимаемъ къ руководству Сеймовый Уставъ слѣдующаго содержанія». Въ концѣ Устава сказано, что ландмаршалъ и тальманы сословій «для вящшаго удостовѣренія засвидѣтельствовали, подкрѣпили и утвердили сіе подписью своихъ именъ и приложеніемъ своихъ печатей». Затѣмъ слѣдуютъ подписи ландмаршала и тальмановъ, и послѣ нихъ подпись Императора и скрѣпа графа Армфельта. Все это слишкомъ рѣзко противорѣчило положенію Финляндіи, какъ провинціи, входящей въ составъ государства, не допускающаго по своимъ основнымъ законамъ подобныхъ отношеній между государемъ и подданными. Исторія Европейскихъ государствъ не представляетъ другаго примѣра, подобнаго этому событію. Тамъ конституціи или являлись древними учрежденіями, сложившимися вѣками, какъ въ Англіи, Голландіи, Швеціи, или же были послѣдствіемъ народныхъ революцій. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ между государемъ и народными представителями составлялся договоръ, на основаніи котораго законодательная власть раздѣлялась между монархомъ и народными представителями. Но не было еще примѣра, чтобы ограниченіе монархической власти являлось, какъ осуществленіе придуманнаго профессорами и публицистами политическаго ученія и какъ выполненіе никогда несуществовавшаго договора, будто бы, назадъ тому 60 лѣтъ, заключеннаго между завоевателемъ и завоеванными.

Въ первыхъ же строкахъ Сеймоваго Устава выражается косвеннымъ образомъ отрицаніе законности того порядка, который дѣйствовалъ въ Финляндіи въ теченіе двухъ предшествовавшихъ царствованій, и признаніе имѣющими въ ней дѣйствующую силу Шведскихъ конституціонныхъ законовъ прошедшаго столѣтія, какъ бы вовсе не существовало факта завоеванія Финляндіи Русскимъ оружіемъ. Уставъ начинается слѣдующими словами: «Принимая во вниманіе, что *дѣйствующія въ Финляндіи*, состоявшіяся въ прежнія времена узаконенія и правила касательно собраній и засѣданій земскихъ чиновъ въ разныхъ частяхъ, не имѣютъ надлежащей полноты, ясности и точности, а также во многихъ отношеніяхъ непримѣнимы къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, Мы признали за благо» и пр. Далѣе: «Мы, нижеподписавшіеся земскіе чины Великаго Княжества Финляндіи, графы, бароны, епископы, рыцарство и т. д., объявляемъ чрезъ сіе, что *съ отмѣною* Сеймоваго Устава отъ 24 Января 1617 года, а также всѣхъ древнихъ и новѣйшихъ законовъ, уставовъ и опредѣленій, изданныхъ касательно сеймовыхъ собраній», и т. д. Такъ какъ Русскими государями никогда не были признаны прежніе сеймовые уставы Швеціи, вслѣдствіе чего и самые

сеймы не были собираемы въ теченіе болѣе полустолѣтія, то наименованіе Шведскихъ сеймовыхъ уставовъ *дѣйствующими въ Финляндіи* есть очевидный подлогъ и отрицаніе законности дѣйствій двухъ монарховъ. А какъ скоро Шведскіе сеймовые уставы не были никогда признаны Русскими монархами, то Финляндскіе графы, бароны, епископы, рыцари и пр. не имѣли никакого основанія и отмѣнять эти уставы.

Въ § 83 сказано, что «Сеймовый Уставъ имѣетъ во всѣхъ своихъ частяхъ пребывать ненарушимымъ *основнымъ* закономъ для Монарха и земскихъ чиновъ Финляндіи, до измѣненія или отмѣны онаго совокупнымъ ихъ рѣшеніемъ». Эти строки составляютъ почти буквальное повтореніе § 67 отвергнутаго проекта Уложенія. Тогда не удалось провести этого Уложенія и придать ему значеніе и неприкосновенность основнаго закона; теперь удалось достигнуть этого, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ, весьма существенныхъ, постановленій несостоявшагося Уложенія, повторенныхъ только въ иной, замаскированной формѣ, въ Сеймовомъ Уставѣ и составляющихъ всю его важность, такъ какъ процессуальныя его подробности не настолько важны въ глазахъ Финляндцевъ, чтобы возводить ихъ на степень «ненарушимаго основнаго закона». Вотъ первый, дѣйствительно признанный для Финляндіи *основной* законъ, не принадлежащій къ основнымъ законамъ Россіи, и о которомъ притомъ положительно сказано, что онъ можетъ быть измѣняемъ или отмѣняемъ не иначе, какъ по совокупному рѣшенію Монарха и земскихъ чиновъ. Замѣчательно, что въ этомъ Уставѣ нигдѣ прямо не сказано, что сеймовыя постановленія только тогда получаютъ силу закона, когда будутъ утверждены Государемъ, а сказано только, что рѣшенія сейма по сообщаемымъ ему высочайшимъ предложеніямъ и сеймовыя представленія на имя Государя (то-есть петиціи) повергаются на высочайшее *обсужденіе* (§ 76), и что сеймовыя рѣшенія издаются особо въ печати и включаются въ собраніе дѣйствующихъ въ краѣ общихъ постановленій (§ 81). Наконецъ, высочайшему утвержденію этого Устава предпосланы такія строки: «Сохраняя за собою принадлежащее намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ правленія отъ 21 Августа 1772 года и въ Актѣ соединенія и охраненія отъ 21 Февраля и 3 Августа 1789 года и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ Сеймовомъ Уставѣ, мы высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей Уставъ, какъ ненарушимый основной законъ». Опять новая загадка и новое широкое поле для толкованій. Никакой законовѣдъ не былъ бы въ состояніи распутать смыслъ этихъ загадочныхъ строкъ. О какомъ это говорится здѣсь правѣ Россійскаго

Монарха, которое онъ сохраняетъ за собою въ томъ именно видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ правленія и Актѣ соединенія? По юридической терминологіи, всякія права нераздѣльны съ соединенными съ ними обязанностями, и именно въ сихъ послѣднихъ получаютъ свое точное опредѣленіе и границы. Признавая первыя, тѣмъ самымъ выражается признаніе и послѣднихъ. Но вѣдь сказанными двумя Шведскими узаконеніями установлено, между прочимъ, что «король долженъ управлять государствомъ по королевскому отдѣлу, земскому уложенію и сей Формѣ правленія (§ 2 Формы правленія), что король не можетъ издавать не только основныхъ, но никакихъ вообще законовъ, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ (ib. § 40), что онъ не можетъ наложить на подданныхъ какіе-либо новые налоги безъ вѣдома и добровольнаго согласія государственныхъ чиновъ (§ 45 Формы правленія и § 5 Акта соединенія), что если король боленъ или находится въ отсутствіи, то управленіе ведется тѣми государственными совѣтниками, которыхъ онъ для того назначитъ (§ 37 Формы правленія), и пр. и пр. Слѣдуетъ-ли изъ приведенныхъ выше выраженій въ высочайшемъ утвержденіи Сеймоваго Устава заключить, что всѣ сказанныя обязательства, относившіяся къ Шведскимъ королямъ, ложатся отнынѣ и на Русскаго Императора? Очевидно, имѣлась въ виду именно такая цѣль. Когда впослѣдствіи успѣхъ, превзошедшій ожиданія Финляндцевъ, придалъ необыкновенную смѣлость Финляндскимъ руководителямъ, они прямо уже стали заявлять, что «все, что постановлено относительно короля въ Шведскихъ основныхъ законахъ, которые въ 1809 году утверждены были для Финляндіи, послѣ 1809 года, разумѣется, примѣняется къ Императору и Великому Князю» (см. брошюру Мехелина «Противорѣчатъ-ли права Финляндіи интересамъ Россіи», стр. 5). Но во время составленія Сеймоваго Устава Финляндскіе руководители не рѣшались еще выразить прямо такое требованіе, помня только-что отвергнутый Государемъ проектъ Уложенія: поэтому придуманы были такія туманныя выраженія, которыя, не выдавая имѣющейся въ виду скрытой цѣли, могли бы быть впослѣдствіи истолкованы въ томъ смыслѣ, что самъ Русскій Монархъ согласился на такое же ограниченіе своихъ правъ, какое примѣнялось въ прошломъ столѣтіи къ Шведскимъ королямъ. Мы увидимъ потомъ, что именно въ этомъ смыслѣ воспользовались сказанными выраженіями въ высочайшемъ утвержденіи Сеймоваго Устава всѣ Финляндскіе законовѣды, составлявшіе проекты основныхъ законовъ Финляндіи и участвовавшіе въ разныхъ по этому случаю комитетахъ и совѣщаніяхъ. Правда, имъ можно бы замѣтить, что для того, чтобы быть послѣдовательными, они должны бы требовать примѣненія къ Русскому Императору не нѣкоторыхъ только, по

ихъ выбору, статей Формы правленія и Акта соединенія, но всѣхъ условій, постановленныхъ тамъ для Шведскаго короля, не исключая и обязанности приносить присягу, «навсегда отвергая ненавистное королевское самодержавіе». Но, какъ мы видѣли изъ проекта комитета Норденстама и какъ увидимъ изъ слѣдующихъ подобныхъ же проектовъ, Финляндскіе законовѣды предоставили самимъ себѣ право выбирать, какія изъ требованій Формы правленія и Акта соединенія должны примѣняться къ Русскимъ монархамъ, и отъ какихъ можно ихъ освободить. Отъ императора Александра II-го, несомнѣнно, было скрыто содержаніе этихъ двухъ Шведскихъ законодательствъ, которыя въ то время никому въ Россіи не были извѣстны до напечатанія ихъ въ Русскомъ переводѣ въ классической книгѣ Ордина «Покореніе Финляндіи», вышедшей въ свѣтъ въ 1889 году. Упоминаемая вставка въ высочайшее утвержденіе Сеймоваго Устава своею искусственностью и неумѣстностью должна поразить всякаго читателя, даже непредупрежденнаго о цѣляхъ и пріемахъ Финляндской системы. Назначеніе послѣднихъ строкъ Сеймоваго Устава должно состоять единственно въ его утвержденіи высочайшею властью. Все, что̀ не входитъ въ самый Уставъ, не можетъ быть и предметомъ высочайшаго утвержденія. Уставъ касается исключительно состава и образа дѣйствій сеймовыхъ собраній. Какимъ же образомъ въ утвержденіи его вдругъ явилось общее опредѣленіе правъ и обязанностей Русскаго Императора относительно Финляндіи, о которыхъ дотолѣ нигдѣ не было упоминаемо, и притомъ опредѣленіе, выраженное въ столь отрывочной и загадочной формѣ? Эта неумѣстная и неоправдываемая никакою законною цѣлью вставка, очевидно, сдѣлана единственно для того, чтобы, воспользовавшись случаемъ, поднести на подписаніе Императора хотя бы только косвенную ссылку на Шведскіе конституціонные законы, которыхъ не удалось провести въ проектѣ Уложенія, составленномъ комитетомъ Норденстама. Весьма вѣроятно, что Императору, при представленіи Сеймоваго Устава на утвержденіе, былъ указанъ только § 1-й Акта соединенія и охраненія, который дѣйствительно усвоивалъ королю почти самодержавныя права. Сказанный пріемъ, употребленный въ заключительныхъ строкахъ Сеймоваго Устава, будетъ употребляемъ Финляндцами, какъ мы увидимъ дальше, всякій разъ, когда нельзя достигнуть желаемой цѣли открытымъ путемъ: они прибѣгаютъ тогда къ недомолвкамъ, неясностямъ, или къ частнымъ ссылкамъ на Шведскіе законы 1772 и 1789 годовъ, чтобы потомъ неясныя мѣста истолковать въ желаемомъ ими смыслѣ, а частнымъ ссылкамъ придать значеніе признанія этихъ Шведскихъ законовъ въ полномъ ихъ объемѣ.

Однако обѣщанное Императоромъ сейму право непосредственнаго предложенія законовъ было исключено изъ Сеймоваго Устава, по той вѣроятно причинѣ, что изъ враждебныхъ Россіи заявленій, обнаружившихся уже на первомъ Гельсингфорскомъ сеймѣ, государь Александръ Николаевичъ убѣдился, что нельзя разсчитывать на признательность Финляндцевъ и что право непосредственнаго предложенія законовъ можетъ повести къ чрезмѣрнымъ требованіямъ и раздражительнымъ словопреніямъ на сеймахъ.

Уставъ о воинской повинности 1878 года.

Второй рѣшительный шагъ къ ограниченію правъ Монарха и къ политическому разъединенію Финляндіи отъ Россіи былъ сдѣланъ изданіемъ Устава о воинской повинности, высочайше утвержденнаго 6 Декабря 1878 г. Манифестомъ, того же числа изданнымъ, повелѣно всѣ существеннѣйшія статьи этого Устава, «въ виду особеннаго ихъ значенія и отчасти заключающихся въ нихъ измѣненій основныхъ законовъ», считать законами основными, т. е. такими, которые, по принятому Финляндцами толкованію § 71-го Сеймоваго Устава, не могутъ уже подлежать дальнѣйшимъ измѣненіямъ и дополненіямъ безъ согласія сейма. Здѣсь опять вставлено упоминаніе о прежнихъ основныхъ, т. е. Шведскихъ законахъ, наперекоръ тому факту, что дотолѣ Русскіе императоры, въ теченіе 70 лѣтъ, не признавали для себя обязательными никакихъ Шведскихъ законовъ о воинской повинности.

При разсмотрѣніи проекта Устава о воинской повинности бывшимъ военнымъ министромъ генералъ-адъютантомъ Милютинымъ произошло слѣдующее, достойное упоминанія, обстоятельство. Еще въ 1871 г. 12 Февраля генералъ-адъютантъ Милютинъ входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о предположенномъ тогда формированіи Финскихъ войскъ. «Великому Княжеству Финляндскому, писалъ онъ, даровано монаршею волею полное самоуправленіе. Тѣмъ не менѣе Финляндія, присоединенная къ Россіи силою оружія, составляетъ нераздѣльную часть Имперіи Россійской и слѣдовательно, пользуясь своимъ особымъ *мѣстнымъ* управленіемъ, особыми *мѣстными* законами, не можетъ однакоже домогаться всѣхъ атрибутовъ отдѣльнаго и независимаго государства. Необходимая и неопровержимая связь Финляндіи съ Имперіею Россійскою должна выражаться прежде всего въ единствѣ верховной власти, а затѣмъ въ единствѣ управленія дѣлами дипломатическими и военными. Никакая часть государства не можетъ имѣть своей политики внѣшней, также какъ и отдѣльной вооруженной силы. Не разъ уже въ прежніе годы былъ возбуждаемъ вопросъ объ учреж-

деніи въ Финляндіи особой военной системы, на подобіе Прусскаго ландвера. Къ счастію, эти проекты оставались безъ послѣдствій». Предположивъ однако, что существованіе отдѣльнаго Финскаго войска будетъ допущено, генералъ-адъютантъ Милютинъ находилъ, что слѣдуетъ по крайней мѣрѣ положить въ основаніе «нѣкоторыя условія, обезпечивающія, на сколько возможно, общіе интересы Имперіи». Въ числѣ этихъ условій онъ полагалъ между прочимъ два слѣдующія:

а) «Финляндскія войска, также какъ и принадлежащіе имъ склады запасовъ, оружія и все необходимое для ихъ устройства состоятъ въ завѣдываніи Военнаго Министерства и Финляндскаго военно-окружнаго управленія».

б) «Генералы, штабъ и оберъ-офицеры изъ уроженцевъ Финляндіи служатъ безразлично въ войскахъ Финляндскихъ или Русскихъ, а съ другой стороны—въ Финляндскія войска назначаются офицеры изъ уроженцевъ Финляндскихъ или Русскихъ безъ различія, по высочайшему усмотрѣнію».

На этомъ докладѣ положена была слѣдующая высочайшая резолюція: «Главныя основанія, изложенныя въ этой запискѣ, совершенно согласны съ моими мыслями. Я оставилъ ее у себя для дальнѣйшихъ соображеній». Но затѣмъ въ проектѣ Воинскаго Устава, составленномъ особой коммиссіей, которая состояла изъ однихъ Финляндцевъ, оказались весьма важныя отступленія отъ общаго по Имперіи устава о воинской повинности, не соотвѣтствующія интересамъ Россіи. Въ числѣ уклоненій было и то, что, по проекту комиссіи, главнымъ начальникомъ Финскихъ войскъ назначался генералъ-губернаторъ Великаго Княжества даже и въ томъ случаѣ, когда начальникомъ Финляндскаго военнаго округа было бы назначено другое лицо; генералы же, штабъ и оберъ-офицеры этихъ войскъ должны состоять изъ Финляндскихъ подданныхъ. «Вообще, какъ писалъ генералъ-адъютантъ Милютинъ Финляндскому министру статсъ-секретарю (21 Января 1876 года № 722), въ проектѣ устранялась какая бы то ни было связь Финскихъ войскъ съ Русскою арміей». «Вникнувъ въ сущность этихъ предположеній, продолжалъ онъ, нельзя не придти къ тому заключенію, что съ утвержденіемъ ихъ какъ бы узаконится существованіе въ предѣлахъ Имперіи совершенно отдѣльнаго самостоятельнаго войска, которое не будетъ имѣть ничего общаго съ Русскими войсками, т.-е. съ арміею того государства, въ политическій составъ котораго входитъ и Великое Княжество Финляндіи. Было бы несогласно съ существенными интересами Имперіи создавать, по иниціативѣ самого правительства,

чуждыя Россіи войска, и притомъ подъ самыми стѣнами столицы». По всѣмъ этимъ и другимъ соображеніямъ генералъ-адъютантъ Милютинъ настаивалъ на исполненіи первоначальныхъ, высочайше одобренныхъ условій, указывая, что только съ ихъ принятіемъ новая организація Финскихъ войскъ могла бы быть «допущена безъ ущерба для интересовъ Россіи, которые въ сущности *были бы болѣе обезпечены продленіемъ настоящаго безоружнаго положенія края*».

Требованія военнаго министра поступили въ Финляндскій Сенатъ, который представилъ возраженія по всѣмъ важнѣйшимъ ихъ пунктамъ, касавшимся установленія прочной связи между Финскими войсками и арміею Имперіи (№ 764). Онъ не допускалъ, напримѣръ, никакой связи между военными учрежденіями Имперіи и Финляндіи и настаивалъ, чтобы эта связь выражалась лишь въ лицѣ военнаго министра, помимо командующаго расположенными въ Финляндіи Русскими войсками (если онъ въ тоже время не генералъ-губернаторъ) и военно-окружнаго управленія. Съ этимъ военный министръ не могъ согласиться, «потому что командованіе войсками въ Финляндіи можетъ быть возложено Государемъ Императоромъ, по видамъ военнымъ, не на мѣстнаго генералъ-губернатора, а на другое лицо, и въ такомъ случаѣ необходимое единеніе въ направленіи дѣйствій войскъ Русскихъ и Финскихъ встрѣтитъ еще бо́льшія затрудненія» (25 Октября 1876 года № 9016).

Эти возраженія, вмѣстѣ съ проектомъ Финляндскаго Сената, были доложены покойному Императору Финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ. Параграфъ, касающійся лица, командующаго Финскимъ войскомъ (§ 119 въ окончательной редакціи Устава), былъ утвержденъ Государемъ въ слѣдующемъ видѣ: «Генералъ-губернаторъ Великаго Княжества Финляндскаго, командующій войсками Финляндскаго военнаго округа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ Финскихъ войскъ». Баронъ Шернваль-Валленъ, въ отношеніи къ военному министру (2 Декабря 1876 года № 922), объяснилъ, что эти слова прибавлены и изображены собственною Его Величества рукою. Составленный сообразно съ этими и другими указаніями проектъ Устава о воинской повинности былъ предложенъ на обсужденіе сейма, который въ очень многомъ вновь измѣнилъ Уставъ. Измѣненный сеймомъ Уставъ былъ переданъ, по высочайшей волѣ, сперва на разсмотрѣніе Финляндскаго Сената, а затѣмъ на заключеніе военнаго министра. Сенатъ въ своемъ представленіи по этому случаю, обративъ вниманіе на то, что сеймовыя измѣненія во многихъ и притомъ весьма существенныхъ частяхъ

расходятся съ высочайше одобреннымъ проектомъ Устава, и перечисливъ соотвѣтственные параграфы, высказалъ однако по всѣмъ пунктамъ полное согласіе съ сеймовыми передѣлками. Но Сенатъ, перечисляя сдѣланныя сеймомъ измѣненія, умолчалъ объ измѣненіи вышеприведенной собственноручной Его Величества редакціи § 119-го, который поэтому могъ почитаться неприкосновенно сохраненнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ сеймомъ былъ возстановленъ первоначальный его текстъ, какъ онъ былъ изложенъ Финляндскою комиссіею, составлявшею проектъ Устава. Финляндскій министръ статсъ-секретарь, въ своей перепискѣ съ военнымъ министромъ, также ни слова не упомянулъ объ этой передѣлкѣ. «О прочихъ сдѣланныхъ земскими чинами измѣненіяхъ, писалъ баронъ Шернваль-Валленъ къ графу Милютину (отношеніе отъ 14 Іюля 1878 года № 512), которыя отчасти относятся къ редакціи, не затрогивая сущности дѣла, отчасти же касаются подробностей, которыя *впослѣдствіи безъ затрудненія могутъ быть измѣнены*, если окажется въ томъ надобность, Сенатъ считаетъ возможнымъ не упоминать». Что же касается требованія военнаго министра, чтобы Русскіе уроженцы были допускаемы въ Финскія войска, то оно вызвало со стороны Финляндскаго министра статсъ-секретаря слѣдующее замѣчаніе: «Значеніе и смыслъ этого узаконенія (о недопущеніи Русскихъ въ Финскія войска) заключается въ томъ, чтобы въ законѣ было точно опредѣлено, что лица, служащія въ Финскомъ войскѣ, кромѣ правъ и обязанностей по военной службѣ, пользуются также правами гражданства въ Финляндіи, а потому имѣютъ наравнѣ съ прочими гражданами края разныя права и обязанности въ гражданскомъ отношеніи, какъ-то право на пенсіи изъ Финляндскихъ суммъ, изъ вдовьей и сиротской кассъ, права и повинности по общинному управленію и т. п.» (отзывъ въ Главный Штабъ 8 Октября 1876 года № 807). Но принятіе Финляндскаго гражданства обставлено, даже и для дворянъ Русскихъ, разными стѣснительными формальностями и податями, какъ явствуетъ изъ высочайшаго постановленія 29 Марта 1858 года. Вслѣдствіе сего военный министръ, хотя и соглашался на редакцію § 120-го въ смыслѣ допущенія въ Финскія войска однихъ Финляндскихъ гражданъ, но настаивалъ на исполненіи высочайшей воли, чтобы при пріемѣ на службу въ Финскія войска офицеровъ и чиновниковъ Русскихъ не требовалось относительно признанія ихъ гражданами Финляндіи исполненія формальностей, опредѣленныхъ въ упомянутомъ постановленіи, «но чтобы они считались Финляндскими гражданами на основаніи самаго высочайшаго приказа о назначеніи ихъ на службу въ Финскія войска» (25 Октября 1876 года № 9016). Хотя это предположеніе одобрено было Государемъ Императоромъ, тѣмъ не

менѣе исполненіе его было затягиваемо Финляндскими властями. На просьбу военнаго министра о принятіи мѣръ къ исполненію высочайшей на сіе воли статсъ-секретаремъ было отвѣчено, спустя 9 мѣсяцевъ (8 Февраля 1880 года № 87), что къ вопросу о пересмотрѣ постановленія 1858 года «имѣетъ быть приступлено заблаговременно до срока, къ которому должны быть назначены офицеры въ упомянутыя войска». Однако съ того времени и донынѣ, въ теченіи болѣе двадцати одного года, ничего не было сдѣлано для исполненія сказанной высочайшей воли. Министръ статсъ-секретарь видѣлъ, что § 120-й устава былъ редактированъ Финляндцами совершенно несогласно съ высочайшею волей; тѣмъ не менѣе онъ нашелъ возможнымъ представить этотъ новый законъ къ подписи Государя Императора. Мало того, баронъ Шернваль-Валленъ ходатайствовалъ предъ Государемъ о признаніи этого параграфа, согласно постановленію сейма, основнымъ закономъ, то-есть такимъ, который, по Финляндскому толкованію § 71-го Сеймоваго Устава, можетъ быть измѣненъ или отмѣненъ не иначе, какъ съ согласія сейма, тогда какъ тотъ же самый баронъ Шернваль-Валленъ, въ письмѣ отъ 2 Декабря 1876 года, № 922, увѣрялъ графа Милютина, что законъ о допущеніи Русскихъ офицеровъ въ Финскія войска можетъ быть изданъ административнымъ путемъ, безъ участія сейма. Военный министръ не только не былъ извѣщенъ объ отнесеніи § 120-го Устава, вмѣстѣ съ другими наиболѣе важными параграфами, къ числу законовъ, неподлежащихъ измѣненію безъ согласія сейма (по толкованію Финляндцами ст. 71-й Сеймоваго Устава), но Финляндскій Сенатъ и статсъ-секретарь, въ отношеніи отъ 14 Іюля 1878 г. № 512, объяснили, что едва ли можно предполагать, чтобы уже первыя мѣропріятія для устройства военнаго дѣла въ Финляндіи на новомъ основаніи могли быть осуществлены вполнѣ цѣлесообразно и что опытъ скоро укажетъ на необходимость приступить къ измѣненію отдѣльныхъ частей настоящаго перваго Устава о воинской повинности. Въ этихъ видахъ сеймъ ходатайствовалъ, «чтобы по примѣненіи сего Устава, въ теченіе десяти лѣтъ или же ранѣе, если Государь Императоръ признаетъ сіе нужнымъ, земскимъ чинамъ было сообщено предложеніе о внесеніи въ означенный Уставъ измѣненій, какія, по указаніямъ опыта, будутъ признаны необходимыми». Эти объясненія привели къ тому, что графъ Милютинъ (отъ котораго, какъ сказано, скрыто было объ отнесеніи многихъ сеймовыхъ измѣненій въ проектѣ Устава къ числу законовъ, не подлежащихъ, по толкованію Финляндцевъ, измѣненію въ административномъ порядкѣ), согласился на сдѣланныя сеймомъ измѣненія, «въ томъ вниманіи, какъ писалъ онъ, что самый Уставъ, по ходатайству земскихъ чиновъ, предполагается къ утвержденію *какъ вре-*

менный, подлежащій пересмотру послѣ десяти лѣтъ примѣненія и даже ранѣе этого срока, если это признано будетъ полезнымъ, и что, по заявленію Финляндскаго Сената, необходимыя въ случаѣ надобности измѣненія въ подробностяхъ и въ редакціи Устава *легко могутъ быть сдѣланы впослѣдствіи*». Окончательнымъ слѣдствіемъ сего было то, что сеймовый проектъ Воинскаго Устава, хотя и противный высочайшимъ предначертаніямъ и интересамъ Россіи, получилъ высочайшую санкцію и былъ введенъ въ дѣйствіе 1 Января (н. ст.) 1881 года.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить вопервыхъ, что самое представленіе проекта Воинскаго Устава на высочайшее утвержденіе чрезъ министра статсъ-секретаря было сдѣлано въ прямое нарушеніе высочайшей инструкціи Финляндскому Статсъ - Секретаріату, изданной 17 Марта 1826 года. Въ § 3-мъ отдѣла 1-го сей инструкціи положительно сказано, что «статсъ-секретарь вѣдаетъ нашу канцелярію по всѣмъ дѣламъ, относящимся *до гражданскаго управленія* Великаго Княжества Финляндіи». На семъ основаніи проектъ Воинскаго Устава подлежалъ докладу не чрезъ Финляндскаго статсъ-секретаря, а чрезъ военнаго министра; но, какъ оказывается, законъ 1826 года былъ скрытъ отъ свѣдѣнія императора Александра Николаевича. Впрочемъ, какъ было уже сказано выше, Финляндскія власти открыто теперь заявляютъ, что онѣ не признаютъ законной силы ни за какими постановленіями Русскихъ монарховъ, изданными безъ содѣйствія сеймовъ въ теченіе 54 лѣтъ, съ 1809 по 1863 г., то-есть до перваго Гельсингфоргскаго сейма. Вовторыхъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что самое возбужденіе на сеймѣ 1877—1878 гг. вопроса объ отнесеніи важнѣйшихъ статей Устава о воинской повинности къ числу основныхъ законовъ было сдѣлано противузаконно; ибо тогда сеймъ не имѣлъ еще права возбуждать отъ себя никакихъ законодательныхъ вопросовъ, а тѣмъ менѣе вопросовъ объ основныхъ законахъ, о которыхъ въ ст. 71-й Сеймоваго Устава прямо сказано, что они могутъ быть обсуждаемы на сеймѣ «не иначе, какъ по предложенію Государя Императора». Обстоятельство это также было скрыто отъ Государя Императора при поднесеніи Воинскаго Устава на утвержденіе. Наконецъ, какимъ образомъ можно было причислять къ основнымъ, то-есть наиболѣе устойчивымъ и неизмѣнно дѣйствующимъ, законамъ постановленія объ организаціи войска и о его управленіи, когда, какъ всякому извѣстно, ни одна часть правительственныхъ постановленій не подвергается во всѣхъ государствахъ столь частымъ измѣненіямъ, какъ воинскіе уставы, дѣлесообразность которыхъ находится въ зависимости отъ многоразличныхъ обстоятельствъ данной минуты. Замѣчательно также, что при всѣхъ

этихъ столь вопіющихъ нарушеніяхъ закона и государственныхъ интересовъ Россіи, которыми сопровождалось появленіе на свѣтъ Устава о воинской повинности, голосъ Финляндскаго генералъ - губернатора графа Адлерберга какъ бы совершенно отсутствовалъ, хотя ему, какъ предсѣдателю Сената, не могли быть неизвѣстны по крайней мѣрѣ такіе законы, какъ ст. 71 Сеймоваго Устава и высочайшія инструкціи Финляндскому Статсъ-Секретаріату. Мало того, когда императоръ Александръ II-й колебался утвердить сеймовый проектъ Воинскаго Устава, тогда, по свидѣтельству самихъ Финляндскихъ историковъ и панегиристовъ графа Адлерберга, сей послѣдній «сумѣлъ разсѣять въ умѣ Императора тѣ сомнѣнія, какія питались въ этомъ отношеніи военнымъ министромъ, и при помощи того большого довѣрія, которое имѣлъ къ нему Александръ II-й, *добился* того, что Уставъ былъ утвержденъ». (См. *Финляндская Окраина*, вып. 2-й, стр. 458—460).

Такимъ образомъ даже въ дѣлѣ организаціи военной силы въ одной изъ областей Русскаго государства, и притомъ въ области ближайшей къ столицѣ государства, Русскій Императоръ не есть теперь, по толкованію Финляндцевъ, единый и верховный распорядитель, а обязанъ свои предположенія по этой части передавать на разрѣшеніе Финляндскаго сейма; ибо существеннѣйшія статьи Устава о воинской повинности отнесены къ числу основныхъ законовъ, которые, по превратному толкованію Финляндцами статьи 71-й Сеймоваго Устава, не могутъ быть измѣняемы или отмѣняемы безъ согласія сейма, при чемъ достаточно не согласиться съ высочайшимъ предложеніемъ одному изъ четырехъ сословій сейма, чтобы предложеніе это считалось отвергнутымъ. По смыслу и буквѣ Воинскаго Устава, гражданскимъ установленіямъ Финляндіи, сейму и Сенату, предоставлено рѣшать нѣкоторые, чисто-спеціальные военные вопросы, съ которыми соединена безопасность нашей сѣверо-западной границы, какъ напримѣръ вопросы о численности Финскаго войска, о срокахъ службы въ дѣйствующемъ войскѣ и въ запасѣ, о продолжительности учебныхъ сборовъ запаса, о дислокаціи войска. Къ числу же основныхъ законовъ отнесено и то правило, что Финскія войска должны присягать согласно § 18-му Шведской Формы правленія 1772 года, то-есть присягать на вѣрность не только Русскому Императору, но и сеймовымъ депутатамъ (§ 88 Устава о воин. повин.).

Судьба Устава о воинской повинности убѣдительно доказываетъ, что, при существующемъ порядкѣ изданія законовъ для Финляндіи, важнѣйшіе интересы Россіи не обезпечены даже въ тѣхъ немногихъ

вопросахъ, которые, какъ вопросъ военный, имѣютъ за себя представителей и охранителей съ Русской стороны. Въ военномъ вопросѣ хотя и признано было нужнымъ выслушать заключеніе военнаго министра, тѣмъ не менѣе его настоянія и предсказанія остались безплодны, и Финляндцы провели въ Уставѣ о воинской повинности все, что имъ было желательно провести. Вслѣдствіе рѣшенія всѣхъ Финляндскихъ дѣлъ по личнымъ докладамъ министра статсъ-секретаря, наши министры и прочія высшія государственныя установленія остаются въ полной неизвѣстности о положеніи того или другого вопроса, касающагося Финляндіи, такъ что напримѣръ генералъ-адъютантъ Милютинъ, давая свое согласіе на нынѣшнюю редакцію § 120-го Воинскаго Устава, не зналъ, что этотъ параграфъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, былъ уже отнесенъ сеймомъ къ числу тѣхъ узаконеній, которыя, по толкованію Финляндцевъ, не могутъ подлежать измѣненію безъ согласія сеймовыхъ депутатовъ. Но большинство вопросовъ Финляндскаго законодательства, въ которыхъ такъ или иначе замѣшаны обще-государственные интересы, вовсе не имѣетъ теперь за себя представителей и ходатаевъ съ Русской стороны и рѣшается единственно по усмотрѣнію Финляндскихъ властей. Финляндскій Сенатъ съ его Шведскимъ языкомъ, никому въ Россіи неизвѣстнымъ, не исключая и назначаемыхъ въ Финляндію генералъ - губернаторовъ, представляетъ изъ себя status in statu, учрежденіе совершенно изолированное отъ всѣхъ государственныхъ властей и недоступное ихъ контролю. Такое учрежденіе вполнѣ обезпечиваетъ тайну Финляндскихъ дѣлъ; тѣсная же солидарность и взаимная поддержка Сената и министра статсъ-секретаря, изъ которыхъ одинъ даетъ начало всѣмъ мѣропріятіямъ и разрабатываетъ ихъ подробности, а другой проводитъ ихъ къ окончательному утвержденію высочайшею властью, представляютъ такую силу, о которую, какъ доказалъ опытъ, разбивались всѣ противодѣйствія, проявлявшіяся по временамъ со стороны Русскихъ министровъ и нѣкоторыхъ Финляндскихъ генералъ-губернаторовъ въ защиту Русскихъ государственныхъ интересовъ.

Замѣчательно, что Финляндскіе историки, въ своихъ писаніяхъ на Шведскомъ языкѣ (стало-быть предназначенныхъ исключительно для своей домашней Финляндской публики), нисколько не скрываютъ той системы, которой слѣдовали ихъ главные дѣятели въ царствованіе императора Александра II-го для проведенія своихъ плановъ, и иногда даже какъ бы хвалятся этою системою. Такъ Финляндскій историкъ и патріотъ Бергъ, въ своей весьма распространенной въ Финляндіи книгѣ «Наше управленіе и наши сеймы», превознося тѣхъ Финляндскихъ

дѣятелей, которые провели законъ объ установленіи въ Финляндіи отдѣльной отъ Россіи денежной системы, говоритъ: «Какъ много усердія, осторожности, умѣнья приноравливаться къ обстоятельствамъ и тонкой мудрости нужно было пустить въ ходъ для достиженія этой цѣли, объ этомъ можно заключить изъ того, что Императоръ, когда увидѣлъ всѣ послѣдствія реформы и то впечатлѣніе, какое они должны были произвести въ Россіи, выразился слѣдующимъ образомъ: «on a escamoté mon consentement!» (томъ II, стр. 15). Эта историческая фраза въ Бозѣ почившаго Императора служитъ объясненіемъ происхожденія не одной только монетной реформы въ Финляндіи. По отношенію къ Россіи и Русскому правительству Финляндскіе дѣятели съ давнихъ поръ поставили себѣ за правило не останавливаться ни предъ какими ложью, обманами и подлогами, если они могутъ вести къ достиженію ихъ цѣлей. Вотъ еще одинъ примѣръ въ этомъ родѣ. Авторъ книги «Finlands Historia» (1889 г.) Финляндецъ M. G. Schybergson, разсуждая о Финляндскомъ тарифѣ на ввозимые товары, говоритъ, что въ 1839 году ввозная пошлина для значительнаго числа товаровъ была понижена (замѣтимъ съ своей сторовы—къ прямой невыгодѣ Россіи, куда иностранные товары проникали безпошлинно подъ именемъ Финляндскихъ, такъ какъ эти послѣдніе до 1886 года вовсѣ не оплачивались пошлиной при ввозѣ въ Россію, а съ 1886 года нѣкоторая незначительная ихъ часть обложена ничтожною пошлиной сравнительно съ общимъ нашимъ таможеннымъ тарифомъ). Несмотря на допущенное въ 1839 году для Финляндіи пониженіе ввозной пошлины, по словамъ автора сказанной книги, «большое неудобство заключалось въ томъ, что тарифная система Финляндіи не могла быть поставлена въ независимое отъ Россіи положеніе. Но и это препятствіе фонъ-Гартману *) посчастливилось обойти помощью цѣлесообразныхъ распоряженій, между прочимъ посредствомъ полуофиціальнаго таможеннаго тарифа (af en half-officiel tulltaxa), съ таможенными ставками, пониженными противъ ставокъ, установленныхъ офиціально (Finlands Historia, ч. 2-ая, стр. 413, изд. 1889 г.). Другими словами, тарифъ, утвержденный Русскимъ государемъ, несмотря на всю его выгодность для Финляндіи, отложенъ былъ въ сторону, а вмѣсто него Финляндскій Сенатъ ввелъ подложный тарифъ, сочиненный Гартманомъ и еще болѣе выгодный для Финляндіи и убыточный для Россіи. И все это мы узнаёмъ только случайно, изъ отрывочныхъ свѣдѣній, попадающихъ иногда въ Финляндскія книги и газеты, на которыя едва ли найдется въ Россіи больше

*) Упоминаемый здѣсь Гартманъ былъ съ 1841 по 1858 годъ вице-предсѣдателемъ Сената по департаменту экономіи. Такъ-называемый полуофиціальный тарифъ былъ введенъ въ началѣ 40-хъ годовъ.

пяти-шести читателей между чисто-Русскими людьми, не имѣющими притомъ никакого голоса въ нашей правительственной политикѣ! Все прикрываетъ собою официальный Шведскій языкъ, которымъ Верховная Власть, еще со временъ Александра I-го, добровольно отрѣзала себя отъ Финляндіи и поставила себя въ невозможность знать что̀ тамъ творится и что̀ внушается народу и обучающемуся юношеству. Въ Петербургѣ пребывали въ постоянномъ заблужденіи относительно Финляндіи. Мало того, даже въ Швецію назначались иногда нашими военными агентами Финляндцы, вслѣдствіе чего случалось, что наше правительство только изъ частныхъ статей въ Русскихъ газетахъ узнавало объ усиленіи Шведскихъ стратегическихъ подступовъ къ границамъ Россіи.

При чтеніи документовъ, разоблачающихъ тѣ средства, которыми Финляндцы достигли утвержденія нынѣ дѣйствующаго Устава о воинской повинности, самъ собою возникаетъ вопросъ: чего именно добивались Финляндцы, устраняя изъ своихъ войскъ Русскихъ офицеровъ и организовавъ эти войска не по Русскимъ образцамъ? Напрасно стали бы мы искать указанія этихъ цѣлей въ тѣхъ объясненіяхъ, которыми сеймъ сопроводилъ Воинскій Уставъ при представленіи его на высочайшее утвержденіе. Эти объясненія до такой степени неясны и запутаны, что ихъ невозможно понять, и часто они вовсе не сходятся съ тѣми статьями Устава, къ которымъ относятся: очевидно это были только объясненія показныя, назначенныя для отвода глазъ. Съ другой стороны, въ дѣлѣ столь щекотливомъ объясненія и догадки посторонняго лица, какъ бы ни были онѣ правдоподобны, не могутъ имѣть полной убѣдительности, ибо все же онѣ остаются мнѣніемъ субъективнымъ и могутъ заключать въ себѣ ошибки. Вполнѣ достовѣрнымъ и не допускающимъ возраженій объясненіемъ сказанныхъ цѣлей могутъ служить только собственныя слова тѣхъ депутатовъ, которымъ въ этомъ вопросѣ принадлежала руководящая роль на сеймѣ.

Когда на сеймѣ нѣкоторыми депутатами дворянскаго или, вѣрнѣе сказать, чиновническаго сословія (во главѣ ихъ стоялъ Л. Мехелинъ) былъ возбужденъ вопросъ о причисленіи важнѣйшихъ параграфовъ Воинскаго Устава къ числу основныхъ законовъ, то ландмаршалъ сейма воспротивился обсужденію этого вопроса, на томъ основаніи, что Уставъ предложенъ Государемъ Императоромъ на разсмотрѣніе сейма вовсе не въ видѣ основного закона, а какъ спеціальное узаконеніе. Тѣмъ не менѣе, сказанный вопросъ подвергся обсужденію; но рѣшеніе отнести важнѣйшіе параграфы Воинскаго Устава къ числу основныхъ законовъ

было сперва принято только дворянскимъ и крестьянскимъ сословіями. Какимъ образомъ удалось потомъ склонить къ его принятію и городское сословіе, этого сеймовый историкъ Э. Бергъ не указалъ. Духовное сословіе (къ которому относятся и лица, служащія по учебному вѣдомству) долго не соглашалось со сказаннымъ предложеніемъ, возражая, что имѣющіеся въ виду параграфы Устава, хотя и имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ основнымъ законамъ и сословнымъ привилегіямъ, тѣмъ не менѣе сами по себѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться основнымъ закономъ. Представители духовнаго сословія справедливо указывали на то, что весь Воинскій Уставъ имѣетъ временный характеръ, и потому ни одно изъ его положеній не можетъ быть отнесено къ разряду основныхъ государственныхъ законовъ; съ принятіемъ сдѣланнаго предложенія должны возникать серьезныя затрудненія при каждомъ измѣненіи этихъ чисто-временныхъ узаконеній (см. Эд. Берга).

Обратимся теперь къ наиболѣе характернымъ и откровеннымъ рѣчамъ сеймовыхъ депутатовъ. Онѣ до нѣкоторой степени проливаютъ свѣтъ на стремленія Финляндцевъ. Депутатъ Монгомери (который прежде былъ прокуроромъ Сената, то-есть окомъ генералъ-губернатора и его руководителемъ въ лабиринтѣ неизвѣстныхъ ему Финляндскихъ законовъ на Шведскомъ языкѣ) говорилъ: «Я со своей стороны не могу себѣ представить законопроекта по этому вопросу, который лучше настоящаго согласовался бы съ положеніемъ и потребностями Финскаго народа. Относительно устройства защиты этотъ проектъ содержитъ въ себѣ неоцѣненный шагъ къ лучшему, если принять во вниманіе проектируемое имъ устройство военнаго управленія. Въ какомъ положеніи находится теперь наша страна относительно этой столь важной части государственнаго управленія? Теперь военная повинность или можетъ ограничиваться, какъ въ настоящее время, уплатою ничтожной вакантной подати, или непосильнымъ и долженствующимъ подавить нашу культуру и благоденствіе бременемъ, въ случаѣ постановки арміи въ полномъ составѣ по системѣ поселенныхъ войскъ. Каково наше нынѣшнее положеніе въ военномъ дѣлѣ? Таково, что важнѣйшіе вопросы этого дѣла фактически устранены отъ рѣшенія Финляндскихъ властей, между тѣмъ какъ въ предлагаемомъ вамъ проектѣ военно-административная часть такъ организована и категорически установлена закономъ, что *по важнѣйшимъ ея предметамъ воля страны не останется безъ вниманія*. Если затѣмъ вы обратите вниманіе на самое устройство войска, предлагаемое проектомъ, то увидите, что оно болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое, *въ трудныя времена, которыя всегда могутъ наступить, способно даровать защиту нашему*

національному существованію, нашимъ учрежденіямъ. Та форма воинской повинности, которая здѣсь предлагается, не истощая матеріальныхъ силъ страны, даетъ то, что требуется для ея обороны; *она даетъ запасъ инструкторовъ нашему народу, для обученія его владѣть оружіемъ и для сдѣланія его способнымъ въ минуту опасности взяться за мечъ».* Депутатъ генералъ-лейтенантъ Альфтанъ (долго бывшій губернаторомъ въ Финляндіи и недавно умершій въ званіи сенатора) говорилъ: «До сихъ поръ Русскія войска содержали караулы въ странѣ, и въ этомъ заключалось нѣкоторое глубокое униженіе для Финляндіи. Доставляя странѣ возможность получить собственную хорошую военную силу, тѣмъ самымъ признаютъ, что представляется возможнымъ *прекратить то подчиненное политическое положеніе, въ которомъ страна находилась доселѣ.* Страна находится теперь на поворотномъ пунктѣ своихъ судебъ; ея благо или гибель зависятъ отъ правильнаго пониманія нынѣшнихъ обстоятельствъ и того, что можетъ принести съ собою будущее. Достоинство и благо страны рѣшительно предписываютъ, чтобы Финляндія, какъ можно скорѣе, выставила и содержала свое собственное хорошее войско». Депутатъ Л. Мехелинъ находилъ, что «отсутствіе *національной обороны* есть столь очевидный недостатокъ Финляндскихъ учрежденій, что онъ не постигаетъ, какъ земскіе чины могутъ добровольно желать продлить такое положеніе. Я не думаю, продолжалъ онъ, чтобы кто-либо могъ ожидать, что къ тому, котораго можно назвать безоружнымъ и покровительствуемымъ, будутъ относиться съ такимъ же уваженіемъ, какъ если бы онъ былъ *вооруженнымъ союзникомъ.* Мы можемъ предполагать, что наше положеніе въ союзѣ мало-по-малу пріобрѣтетъ безпристрастную и разумную оцѣнку; мы должны предъявить *на прочномъ основаніи стоящее требованіе, чтобы со стороны другого государства* (подразумѣвается Россіи) *не допускалось никакого вмѣшательства въ наше внутреннее прогрессивное шествованіе* и чтобы отъ насъ не требовалось ничего, что могло бы противорѣчить собственнымъ интересамъ націи. Безоружность въ этомъ случаѣ не даетъ ясности; она, напротивъ того, есть заслоняющая тѣнь вокругъ правъ *Финляндскаго государства».*

Несмотря на понятную сдержанность, какую должны были наблюдать въ своихъ рѣчахъ сеймовые депутаты, изъ приведенныхъ словъ для всякаго становится ясно, какія имѣлись цѣли при учрежденіи Финской арміи и противъ какого врага она предназначалась въ мысляхъ охранителей правъ *Финляндскаго государства.*

Финляндцы сдѣлали все, что могли, для того, чтобы эти цѣли были достигнуты наилучшимъ образомъ. Прежде всего они позаботились

дать воинской повинности такой видъ, что она изъ всего Финляндскаго мужского населенія создаетъ вооруженный народъ. Къ отбыванію воинской повинности ежегодно призываются *всѣ* Финляндцы, достигшіе 21 года и способные носить оружіе. Одни изъ нихъ, по жребію, зачисляются въ дѣйствующее войско, другіе въ запасъ. Въ дѣйствующемъ войскѣ срокъ службы полагается только три года, а въ запасѣ пять лѣтъ. Отслужившіе въ дѣйствующемъ войскѣ три года переводятся также въ запасъ на два года, образуя тамъ инструкторовъ. Зачисленные же прямо въ запасъ ежегодно призываются въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ для военныхъ упражненій, въ общей сложности въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Для окончившихъ курсъ въ высшихъ народныхъ школахъ, гимназіяхъ и университетѣ срокъ дѣйствительной службы сокращается на одинъ, полтора и два года. Всѣ окончившіе службу въ запасѣ переводятся, до 40-лѣтняго возраста, въ ополченіе, которое вооружается лишь тогда, когда непріятель вступитъ въ Финляндію. Такимъ образомъ *каждый* Финляндецъ (за исключеніемъ весьма немногихъ категорій) обязанъ пройти или чрезъ дѣйствующее войско, или чрезъ запасъ. Въ этомъ послѣднемъ онъ обучается военному дѣлу, подъ руководствомъ инструкторовъ, въ теченіе 90 дней, что вполнѣ достаточно для обученія стрѣльбѣ, необходимымъ маневрированіямъ и построеніямъ, въ случаѣ надобности, полевыхъ прикрытій. Затѣмъ каждый Финляндецъ, не достигшій еще 40 лѣтъ, обязанъ явиться на защиту Финляндскаго отечества, въ случаѣ вступленія въ него непріятеля. Въ военное время изъ запаса берется потребное число людей, для укомплектованія дѣйствующаго войска. Финляндская армія назначается только для защиты своего Финляндскаго отечества. При сказанномъ устройствѣ Финляндскаго войска, оно пропускаетъ чрезъ свои ряды все мужское населеніе Финляндіи и быстро образуетъ огромный запасъ людей, освоенныхъ съ военнымъ дѣломъ, такъ что это войско имѣетъ характеръ всенародной милиціи. Научившись владѣть оружіемъ, Финляндскіе милиціонеры живутъ затѣмъ одною жизнью съ народомъ, раздѣляя его симпатіи и антипатіи. При крайне пересѣченной мѣстности этой страны, удобной для засадъ и прерыва непріятелю сообщеній, и при поддержкѣ всего населенія, здѣсь каждый туземный стрѣлокъ будетъ стоить десяти человѣкъ. Въ 1890 году сочтено было полезнымъ увеличить Финляндское національное войско сформированіемъ драгунскаго полка, для котораго лошади доставлены были, по самой дешевой цѣнѣ, изъ нашей кавалеріи. Для того, чтобы строжайше изолировать Финляндскую армію отъ Русскаго войска и укрыть ея духъ, а въ случаѣ войны и ея дѣйствія, отъ глазъ высшаго Русскаго военнаго начальства, постановлено было безусловно закрыть доступъ въ нее

Русскимъ офицерамъ и генераламъ, и не допускать включенія ея въ общія военно-окружныя управленія Имперіи. Сказанными средствами Финляндцы надѣялись вполнѣ достигнуть цѣлей, высказанныхъ въ вышеприведенныхъ рѣчахъ ихъ политическихъ руководителей, именно: «чтобы воля страны принималась во вниманіе, чтобы прекращено было теперешнее подчиненное политическое положеніе Финляндіи, чтобы со стороны другого государства не допускалось никакого вмѣшательства въ ея внутреннее прогрессивное шествіе, чтобъ она была избавлена отъ глубокаго униженія видѣть у себя Русскія войска содержащими караулы, чтобы ея военная сила была устроена на конституціонномъ началѣ, однимъ словомъ, чтобъ она изъ безоружной и покровительствуемой страны превратилась въ вооруженнаго союзника». Для того, чтобы закрѣпить за Финляндіей всѣ эти пріобрѣтенія, сеймъ и ходатайствовалъ, чтобы они были признаны основнымъ закономъ и не подлежали уже впредъ никакимъ измѣненіямъ или отмѣнамъ безъ согласія самого сейма въ полномъ его составѣ. По мнѣнію Финляндскихъ властей, цѣль эта достигнута; но читатель уже знаетъ, какъ въ этомъ случаѣ императоръ Александръ II-й былъ введенъ въ обманъ двойственнымъ смысломъ ст. 71-й Сеймоваго Устава, которую впослѣдствіи Финляндскіе правители стали истолковывать буквально въ смыслѣ Уложенія комиссіи Норденстама, отвергнутаго Императоромъ.

Мы не будемъ говорить о другихъ возможныхъ послѣдствіяхъ сказаннаго, нигдѣ небывалаго въ мірѣ устройства отдѣльной областной арміи,— послѣдствіяхъ, могущихъ обнаружиться, когда измѣнчивое военное счастіе обернется не въ нашу сторону въ случаѣ новаго, весьма возможнаго столкновенія Россіи съ Европейскою коалиціей. Всякому понятно, что никакая держава не станетъ вести войны съ Финляндіею; война можетъ быть только съ Россіею, при чемъ театромъ ея можетъ стать и Финляндія. Само собою разумѣется, что защищать Россію съ этой стороны придется не одному Финляндскому войску, которое слишкомъ слабо для того, чтобы бороться съ Европейскою коалиціей. Защищать Россію придется Русской арміи и Русскому флоту, а Финляндцы могли бы быть только помощниками Русскихъ въ защитѣ общаго государства. Но въ такомъ случаѣ они должны составлять не отдѣльное войско, организованное и управляемое совершенно иначе, чѣмъ Русское, и изъ котораго всякій Русскій элементъ строго изгнанъ, а должны входить въ составъ Русской арміи, безъ чего единство дѣйствій Русскихъ и Финляндцевъ немыслимо. Едва ли можно спорить противъ такой элементарной истины. А если это такъ, то спрашивается: въ виду какого же непріятеля понадобилось Финляндцамъ войско, не только

совершенно изолированное отъ Русской арміи, но прямо поставленное къ ней во враждебное положеніе, такъ что ни одинъ офицеръ или генералъ Русской арміи, если онъ не прирожденный Финляндецъ, не допускается въ ряды Финляндскаго войска, тогда какъ такого запрета для Русскихъ не существуетъ ни въ какомъ другомъ войскѣ въ мірѣ? Со времени Петра Великаго и до нашихъ дней Русскіе офицеры и юнкера служили въ арміяхъ и флотахъ всѣхъ Европейскихъ державъ. Между тѣмъ Финляндцамъ широко раскрыты двери въ Русскія войска и во всѣ Русскія военныя и гражданскія учрежденія, гдѣ они часто дѣлаютъ блестящія карьеры. Финляндскіе офицеры, безъ всякихъ формальностей, могутъ тѣмъ же чиномъ переходить въ Русскіе полки. Много дѣтей Финляндцевъ воспитывается на казенный счетъ въ Русскихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и много Финляндскихъ семействъ получаетъ пенсіи изъ Русской казны. Финляндскіе врачи пользуются свободною практикой въ Россіи. Тысячи Финляндцевъ, безъ малѣйшихъ стѣсненій, находятъ себѣ занятія на всѣхъ поприщахъ частной дѣятельности въ Россіи и нерѣдко составляютъ себѣ состоянія, о которыхъ они не смѣли бы и мечтать на своей родинѣ. Въ благодарность за такую широкую равноправность со стороны Россіи, Русскимъ уроженцамъ закрыты двери всѣхъ Финляндскихъ учрежденій и Финляндскихъ школъ; имъ запрещено строить въ Финляндіи желѣзныя дороги и служить на Финляндскихъ судахъ; Русскіе врачи не могутъ свободно практиковать въ Финляндіи, такъ что тамошнія аптеки отказывались принимать рецепты даже знаменитаго Боткина, проживавшаго тамъ на дачѣ. Русскіе офени, или коробейники, немедленно изгоняются изъ предѣловъ Финляндіи, какъ только попадутся на глаза тамошнимъ полицейскимъ служителямъ. Спрашивается: для чего понадобилось Финляндцамъ такое поголовное изгнаніе Русскихъ гражданъ со всѣхъ поприщъ мѣстной службы и мѣстной дѣятельности, притомъ изгнаніе, прямо нарушающее и какъ бы бравирующее цѣлый рядъ высочайшихъ повелѣній, предоставившихъ Русскимъ людямъ полное право служить въ Финляндіи? Цѣль этихъ изгнаній слишкомъ понятна даже изъ того, что̀ высказано было открыто ораторами Финляндскаго сейма 1877 — 1878 года, именно — освободиться такъ или иначе отъ Русской власти, а для этого приготовиться должнымъ образомъ въ ожиданіи могущихъ произойти событій, благопріятныхъ для Финляндскихъ сепаратистовъ, мечтающихъ только о томъ, чтобы, сбросивъ Русскую власть, самимъ, безъ всякой уже помѣхи и опаски, управлять судьбою двухъ милліоновъ Финскаго народа.

Въ ожиданіи тѣхъ же благопріятныхъ событій Финляндцы уже нѣсколько лѣтъ настойчиво добиваются разрѣшенія имъ продолжить

желѣзную дорогу отъ Улеаборга до Торнео, чтобы такимъ образомъ сомкнуть сѣть Финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ со Шведскою стратегическою желѣзной дорогой, упирающеюся въ Хапаярви и построенною въ 1890 г. на случай войны Швеціи съ Россіею. Петиція о продленіи желѣзной дороги до Торнео была подана еще на сеймѣ 1891 года; но вслѣдъ затѣмъ на это домогательство и его несомнѣнную цѣль было указано въ вышедшей въ томъ же году моей книгѣ «Финляндскій современный вопросъ» (стр. 208 – 209), и сказанная петиція была отвергнута въ Бозѣ почившимъ императоромъ Александромъ III, по представленію Финляндскаго генералъ-губернатора. Не смотря на это, тоже домогательство предположено было возбудить вторично на сеймѣ 1896 года, какъ оповѣстили тогда о томъ Финляндскія газеты. На этотъ замыселъ также было мною указано, еще до открытія сейма, въ моей статьѣ «Какъ проведенъ былъ Финляндцами Уставъ 1878 г. о воинской повинности», напечатанной въ Іюльской книжкѣ Московскаго журнала «Русское Обозрѣніе» и вслѣдъ за тѣмъ перепечатанной особою брошюрой. Сколько извѣстно, замыселъ Финляндцевъ не удался и на этотъ разъ. Для незначительныхъ торговыхъ сношеній Финляндіи со Швеціею существуетъ дешевый морской путь, и нѣтъ повидимому никакой цѣли проводить дорого стоющую желѣзную дорогу въ пустыни Лапландіи. Но эта дорога свяжетъ Шведскую военно-стратегическую желѣзную дорогу со всею сѣтью Финляндскихъ дорогъ, отъ Торнео до Сестрорѣцка и далѣе въ глубь страны, до Куопіо, Сердоболя и Іоэнсуу. На этой сѣти лежатъ важнѣйшіе стратегическіе пункты.

Дарованіе сейму права непосредственнаго предложенія законовъ.

Новый немаловажный успѣхъ для расширенія полномочій сейма пріобрѣтенъ Финляндцами съ изданіемъ манифеста 13 Іюня 1886 года о предоставленіи земскимъ чинамъ права непосредственнаго предложенія законовъ. Еще на первомъ въ царствованіе императора Александра III-го сеймѣ 1882 года земскимъ чинамъ былъ сообщенъ проектъ закона по сему предмету, составленный Сенатомъ въ смыслѣ самомъ благопріятномъ для Финляндскихъ цѣлей. При семъ въ тронной рѣчи была выражена увѣренность въ Бозѣ почившаго Императора, что земскіе чины Финляндіи сумѣютъ разумно воспользоваться столь важнымъ правомъ и оправдаютъ это новое доказательство его довѣрія и благоволенія къ Финляндскому народу. Не смотря на сіе, сеймъ почелъ нужнымъ облечь предложенный законъ въ форму договора между Монархомъ и земскими чинами, на подобіе Сеймоваго Устава 1869 года. Въ началѣ закона сеймъ прибавилъ: «Мы, нижеподписавшіеся земскіе чи-

ны Великаго Княжества Финляндскаго, представители Финляндскаго народа, графы, бароны, епископы, рыцарство и проч., объявляемъ чрезъ сіе» и т. д.; а въ концѣ прибавлено: «для вящшаго же удостовѣренія засвидѣтельствовали, подкрѣпили и утвердили мы сіе подписью нашихъ именъ и приложеніемъ нашихъ печатей» и т. д. Эта договорная форма и была причиной, что законъ сей не удостоился высочайшаго утвержденія. Но потомъ слѣдующему сейму 1884 года тотъ же законъ опять былъ предложенъ въ его первоначальномъ видѣ, т.-е. въ формѣ манифеста, и по принятіи его сеймомъ уже безъ всякихъ вставокъ, былъ высочайше утвержденъ 13 Іюня 1886 года.

На основаніи сего закона (§ 51 Сеймоваго Устава въ новой редакціи), «земскіе чины, сверхъ предоставленнаго имъ предъ симъ права петиціи, впредъ имѣютъ право вносить на сеймѣ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ *такихъ общихъ законовъ, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя съ земскими чинами.* Не могутъ быть однако возбуждаемы предложенія объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ основныхъ законовъ или законовъ объ организаціи сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, а также законовъ о печати. Если земскіе чины, по поводу возбужденнаго предложенія, рѣшатъ принять новый, а также измѣнить или отмѣнить прежній законъ, то должны представить о семъ проектъ Государю Императору и Великому Князю. Въ случаѣ одобренія проекта земскихъ чиновъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ, имѣетъ быть издано постановленіе *дословно согласное съ этимъ проектомъ.* Если же проектъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ не можетъ быть одобренъ *въ неизмѣненномъ видѣ, то оный считается въ цѣлости оставленнымъ безъ послѣдствій,* о чемъ, по повелѣнію Государя Императора и Великаго Князя, земскимъ чинамъ сообщается не позже ближайшаго сейма». Въ этотъ законѣ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе начальныя слова: «земскіе чины имѣютъ право вносить на сеймѣ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ *такихъ общихъ законовъ, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя съ земскими чинами».* По толкованію Финляндцевъ, § 71-й Сеймоваго Устава требуетъ совокупнаго рѣшенія Монарха и земскихъ чиновъ для изданія или измѣненія *основныхъ* законовъ; теперь же, въ сказанномъ законѣ о правѣ предложеній, подставлены слова, дающія возможность утверждать, что, кромѣ основныхъ законовъ, есть и какіе-то «*общіе законы*, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора съ земскими чинами». Гдѣ и когда установлено столь важное правило, чрезвычайно расширяющее полномочія, дарованныя сейму Уставомъ 1869

года, и въ такой же мѣрѣ суживающее права Верховной власти? Мы опять встрѣчаемся здѣсь съ пріемомъ, систематически повторяемымъ Финляндцами — неожиданно и какъ бы мимоходомъ вставлять въ подносимыя на высочайшее утвержденіе законоположенія такія выраженія, смыслъ которыхъ съ перваго раза не остановитъ вниманія того, кто не искусился въ законодательной кодификаціи и не предупрежденъ быть настороже, но которымъ потомъ можно будетъ дать такое толкованіе, которое разомъ приблизитъ дѣло къ намѣченной цѣли. Такъ и приведенныя выше вставочныя слова закона 13 Іюня 1886 года, не имѣющія непосредственной связи съ самымъ этимъ закономъ, разрослись потомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми прежними подобными же вставками, въ цѣлую теорію о сеймѣ, какъ о второй Верховной власти Финляндіи. Цѣль приведеннаго закона вполнѣ была бы достигнута, если бы въ немъ просто было сказано, что земскимъ чинамъ предоставляется право вносить на сеймѣ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ общихъ законовъ. Вставка же: «такихъ общихъ законовъ, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора съ земскими чинами», очевидно понадобилась только для того, чтобы, пользуясь симъ удобнымъ случаемъ, провести, хотя бы между строкъ, неудавшіяся попытки комитета Норденстама (§ 40 проекта Уложенія). Достойно также вниманія вступленіе къ закону о правѣ предложеній: вмѣсто того, чтобы прямо сказать, что, во исполненіе выраженнаго императоромъ Александромъ II-мъ намѣренія, постановляется слѣдующее, редакторы манифеста приплели сюда совершенно ненужное для настоящаго дѣла, но нужное для дальнѣйшихъ Финляндскихъ цѣлей указаніе на Актъ соединенія и охраненія, какъ на законъ, будто бы и доселѣ сохраняющій свою силу, и придали этому вступленію такую неудобопонятную редакцію, что распутать его смыслъ невозможно безъ особыхъ комментаріевъ. Разсчетъ Финляндцевъ очевидно тотъ, что чѣмъ неожиданнѣе будутъ эти побочныя вставки и чѣмъ туманнѣе будутъ онѣ выражены, тѣмъ больше вѣроятія, что онѣ пройдутъ, не встрѣтя никакихъ возраженій.

Учрежденіе втораго комитета (Вейсенберга) для кодификаціи такъ называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи и подробный разборъ составленнаго имъ проекта.

Вопросъ объ изданіи свода такъ-называемыхъ основныхъ узаконеній Финляндіи, пріостановленный въ своемъ выполненіи императоромъ Александромъ II-мъ, былъ снова выдвинутъ на сцену въ 1884 году, но на этотъ разъ противъ желанія Сената, который возражалъ противъ кодификаціи законовъ, не желая, очевидно, въ другой разъ

выкладывать разомъ всѣ свои карты. Онъ придумалъ другой, болѣе вѣрный способъ для осуществленія Финляндскихъ надеждъ—учрежденіе при Сенатѣ особаго законодательнаго комитета, который разработывалъ бы всѣ поступающіе на разсмотрѣніе Сената законопроекты и шагъ за шагомъ велъ бы дѣло къ намѣченной цѣли, какъ и поступали Финляндцы съ 1863 года. Хотя, по ходатайству Сената, такой комитетъ и былъ учрежденъ въ 1884 году, но вслѣдъ затѣмъ, по представленію Финляндскаго генералъ-губернатора и по всеподданнѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Бруна, высочайше повелѣно было 9 Іюня 1884 года учредить, опять-таки изъ однихъ Финляндцевъ, особый комитетъ, «съ порученіемъ ему составить систематическій сводъ всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній, относящихся *къ государственному праву Финляндіи*, съ присовокупленіемъ примѣчаній о томъ, что въ практикѣ права стало дѣйствовать въ замѣнъ непримѣнимыхъ нынѣ или неполныхъ *основныхъ* законоположеній». Здѣсь опять употреблено загадочное выраженіе «основныя законоположенія», очевидно съ тою цѣлію, чтобы потомъ этому слову придать значеніе Шведскихъ конституціонныхъ законовъ прошлаго столѣтія. Такъ именно и будетъ поступлено при исполненіи этого высочайшаго повелѣнія. Комитетъ, о которомъ говорилось въ этомъ повелѣніи, былъ учрежденъ въ 1885 году подъ предсѣдательствомъ Вейсенберга. Особой программы ему не было дано; но въ началѣ его занятій ему было разъяснено министромъ статсъ-секретаремъ, что работа его должна ограничиться сводомъ только *основныхъ* законоположеній, а не всѣхъ вообще узаконеній, имѣющихъ отношеніе къ государственному праву. Этимъ разъясненіемъ еще больше развязывались руки комитету въ томъ смыслѣ, что подъ основными законами онъ долженъ понимать не особое провинціальное устройство Финляндіи въ административномъ и судебномъ отношеніи, а именно политическіе основные законы, т.-е. законы, опредѣляющіе составъ и права Верховной власти и способы ихъ осуществленія.

Второй комитетъ, окончившій свою работу въ 1889 году, изложилъ ее въ двухъ частяхъ, которымъ далъ названіе: 1) проектъ Формы правленія для Великаго Княжества Финляндіи, и 2) проектъ сословныхъ привилегій. Эти проекты основаны на тѣхъ же двухъ главныхъ положеніяхъ, на которыхъ былъ построенъ и проектъ перваго комитета, отвергнутый покойнымъ Императоромъ, т.-е. что Финляндія есть автономное государство, соединенное съ Россіей лишь единствомъ царствующаго государя, и что основными ея законами служатъ Шведскіе конституціонные законы прошлаго столѣтія. Но въ развитіи этихъ основныхъ началъ второй комитетъ пошелъ еще дальше перваго относительно

ограниченія правъ Русскаго монарха и обособленія Финляндіи отъ Россіи. Комитетъ сопроводилъ свои проекты мотивами къ онымъ, которые излагаютъ мнимыя юридическія основы не только этого второго проекта, но всѣхъ доселѣ представленныхъ Финляндцами кодификаціонныхъ проектовъ, такъ какъ по существу своему они совершенно одинаковы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти мотивы рисуютъ полную картину нынѣшняго политическаго ученія Финляндцевъ и тѣхъ домогательствъ, которыя они изъ него выводятъ. Поэтому постатейный разборъ второго проекта съ его мотивами будетъ равносиленъ подробному разбору и слѣдующихъ за нимъ двухъ кодификаціонныхъ проектовъ.

Въ своемъ проектѣ второй комитетъ почти исключительно ссылается какъ на дѣйствующіе будто бы въ Финляндіи законы, на Форму правленія, Актъ соединенія и другіе, еще болѣе старинные Шведскіе законы, а изъ законовъ, явившихся при Русскомъ правительствѣ, упоминаетъ только о тѣхъ, которые изданы при содѣйствіи сейма. Всѣ другія узаконенія, постановленныя Русскою верховною властью въ эти 80 лѣтъ, комитетъ вычеркиваетъ изъ дѣйствующаго въ Финляндіи законодательства, не смотря на то, что особое привилегированное положеніе, которымъ пользовалась Финляндія въ эти 80 лѣтъ, основывалось именно на законахъ, постановленныхъ или подтвержденныхъ (Общее Уложеніе Швеціи 1734 года) Русскими монархами уже по завоеваніи Финляндіи, а не на Шведскихъ конституціонныхъ законахъ, вовсе не примѣнявшихся къ этой области. Составители проекта не стѣсняясь заявляютъ въ мотивахъ къ проекту Формы правленія, что въ него потому не включены постановленія, изданныя Русскими монархами съ 1809 по 1863 годъ, что они были введены безъ согласія сейма, въ нарушеніе того порядка, который, по ихъ мнѣнію, долженъ быть соблюдаемъ въ Финляндіи примѣнительно къ порядку законодательства, существовавшему въ Швеціи (при разборѣ проекта по статьямъ, будутъ указаны страницы мотивовъ, на которыхъ приводится этотъ доводъ). Такимъ образомъ Финляндскіе законовѣды собственною властью вычеркиваютъ изъ исторіи и законодательства Финляндіи цѣлыхъ 54 года, какъ бы не существовало ни побѣдоносной для Русскаго оружія войны 1808—1809 гг., ни Фридрихсгамскаго трактата, включившаго Финляндію въ собственность и державное обладаніе Россійской Имперіи, ни двухъ продолжительныхъ царствованій, въ теченіе которыхъ изъ года въ годъ были издаваемы для Финляндіи, по непосредственному распоряженію верховной власти, новыя узаконенія, составившія съ 1809 по 1859 годъ семнадцать томовъ Сборника постановленій Великаго Княжества. Всѣ тѣ изъ числа этихъ узаконеній,

которыя противорѣчатъ новому ученію о Финляндскомъ конституціонномъ государствѣ, Финляндскими законовѣдами не признаются и упраздняются, какъ неосвященныя согласіемъ земскихъ чиновъ Финляндіи, и эта Русская область, чрезъ пространство цѣлаго столѣтія, прямо примыкается къ политическому строю Швеціи конца прошлаго вѣка. Въ мотивахъ къ Формѣ правленія составители проекта прежде всего разъясняютъ, что̀ слѣдуетъ признавать дѣйствующими основными законами Финляндіи, и для этого дѣлаютъ перечень основныхъ законовъ Швеціи, начиная съ XIV вѣка, отмѣчая, какіе изъ этихъ законовъ должны, по ихъ мнѣнію, признаваться дѣйствующими основными законами Финляндіи (стр. 1—12). Затѣмъ, въ самомъ проектѣ Формы правленія, они по своему произволу выбираютъ статьи изъ старыхъ Шведскихъ законовъ, отыскивая между ними такія, которыя давали бы предлогъ къ возможно бо́льшему ограниченію власти Русскаго монарха въ дѣлахъ законодательства и управленія. Не говоря уже о несообразности общей мысли отыскивать дѣйствующіе въ Финляндіи основные законы въ Шведскомъ законодательствѣ прежнихъ вѣковъ, всѣ разсужденія комитета на эту тему и дѣлаемый имъ подборъ статей есть сплошная цѣпь произвольныхъ измышленій и вопіющихъ противорѣчій со всею исторіей Финляндскаго законодательства за эти 80 лѣтъ.

Задавшись цѣлью сочинить для Финляндіи новую Форму правленія, на подобіе Шведской Формы правленія 1772 года, комитетъ усвоиваетъ Русской провинціи Финляндіи суверенныя права самостоятельнаго государства, и изъ всѣхъ основныхъ законовъ Имперіи признаетъ имѣющимъ силу для Финляндіи только законъ о порядкѣ престолонаслѣдія (см. проектъ Формы правленія §§ 1 и 2 и мотивы къ сему проекту, стр. 21, 22, 43 и другія [1]). Финляндскому Сенату, который, на основаніи его Регламента (§ 20), «не можетъ употреблять другой власти, кромѣ той, которая Его Императорскимъ Величествомъ оному предоставлена», комитетъ придалъ значеніе верховнаго правительства въ автономномъ государствѣ, замѣняющаго власть отсутствующаго государя (§ 18 проекта Формы правленія), на томъ основаніи, что по § 37-му Шведской Формы правленія 1772 года, въ случаѣ отсутствія короля изъ государства, управленіе королевствомъ ввѣрялось государственнымъ совѣтникамъ, назначаемымъ для сего отъ короля. «Провозглашеніе Императора Россійскаго Великимъ Княземъ Финляндскимъ [2]), разсуждаетъ комитетъ въ мотивахъ къ § 18-му проекта (стр. 42—43), заключало въ себѣ со стороны Финляндскаго народа признаніе, что обладатель верховной власти въ Финляндіи послѣ этого можетъ имѣть резиденцію также и внѣ предѣловъ той территоріи, гдѣ дѣйствовало

подтвержденное съ его стороны присягою [3]) Финское государственное устройство. То, что въ Шведскомъ государствѣ было исключеніемъ (т.-е. отсутствіе короля изъ страны), въ Финляндскомъ государствѣ стало правиломъ. Поэтому учрежденіе общаго управленія, въ качествѣ постояннаго государственнаго установленія, пребывающаго въ предѣлахъ страны, было лишь послѣдовательнымъ примѣненіемъ основныхъ началъ Формы правленія 1772 года къ новымъ отношеніямъ, съ тѣхъ поръ, какъ обратилось въ правило, что монархъ имѣетъ резиденцію внѣ предѣловъ страны. Что такое правительство (т.-е. Сенатъ, замѣняющій отсутствующаго государя) необходимо учредить и содержать, это стало краеугольнымъ положеніемъ Финляндской конституціи съ того часа, когда императоръ Александръ I-й далъ свое удостовѣреніе, а сословія провозгласили его». До такой невѣроятной степени искажаются историческія событія Финляндскими законовѣдами! Они объясняютъ требованіемъ Шведскихъ законовъ даже учрежденіе Правительствующаго Совѣта, который, не имѣя никакого подобнаго себѣ установленія въ Шведскомъ королевствѣ, данъ былъ Финляндіи самодержавною волей Императора, и Регламентъ котораго, уже послѣ закрытія Боргоскаго сейма, былъ препровожденъ по высочайшей волѣ къ Финляндскому генералъ-губернатору Барклаю-де-Толли, «съ предоставленіемъ ему полной свободы предложить все, что онъ признаетъ нужнымъ, дабы учрежденіе это сдѣлалось дѣйствительно полезнымъ для блага страны» (Покореніе Финляндіи Ордина, II, 417). Одно уже то обстоятельство, что предсѣдателемъ Правительствующаго Совѣта назначался въ Регламентѣ генералъ-губернаторъ Финляндіи, тогда какъ, по § 33-му Шведской Формы правленія, въ Швеціи не допускалось никакихъ генералъ-губернаторовъ внутри государства, доказываетъ, что Шведскіе законы были не при чемъ при учрежденіи этого Совѣта. Высочайшая инструкція, данная прокурору Сената 31 Января 1812 года и дополнявшая нѣкоторыя существенныя стороны Регламента, также не могла бы быть издана безъ согласія сейма, если бы императоръ Александръ признавалъ въ силѣ прежніе Шведскіе законы. Изъ того, что въ Уставѣ о воинской повинности 1878 года на Сенатъ возложены разныя обя-

[1]) Параграфы проекта и страницы мотивовъ выставлены здѣсь по Русскому ихъ переводу, сдѣланному по распоряженію Финляндскаго генералъ-губернатора и напечатанному in 4° въ Гельсингфорсѣ въ 1889 году. Есть другое изданіе того же перевода, напечатанное in 8° въ Петербургѣ въ 1891 году.

[2]) Такого провозглашенія никогда не существовало и не могло существовать, ибо Русскій монархъ не былъ избранъ Финляндцами, а владѣетъ ими въ силу завоеванія.

[3]) Присяга императора Александра I-го есть также одна изъ множества выдумокъ Финляндскихъ историковъ и законовѣдовъ. Александръ I-й никогда не приносилъ и не могъ приносить присяги предъ Финляндцами, такъ какъ былъ завоевателемъ ихъ страны и полновластнымъ распорядителемъ ихъ судьбы.

занности въ отношеніи Финскаго войска, сочинители проекта заключаютъ, «что эти обязанности достались Сенату на основаніи его общихъ правительственныхъ правъ, и что слѣдовательно характеръ Сената, *какъ правительства страны*, выраженъ также въ этихъ постановленіяхъ» (Мотивы, стр. 52—53). Въ мотивахъ, на стр. 108, комитетъ, повторяя свое прежнее утвержденіе, что Сенатъ олицетворяетъ собою полноту государственной власти прежняго Шведскаго государственнаго совѣта, когда онъ замѣнялъ собою отсутствующаго короля, выводитъ отсюда заключеніе, что «частичная передача правительственной власти какому-либо иному учрежденію, кромѣ Сената, не можетъ имѣть мѣста»; другими словами, что Русскій монархъ не въ правѣ отдѣлить отъ Сената какую-либо часть его теперешняго вѣдѣнія и передать ее другому учрежденію. Наконецъ, въ § 62-мъ сочинители проекта предоставляютъ право созывать сеймъ, кромѣ Императора, тому, «кто уполномоченъ вмѣсто него управлять страной», другими словами Сенату, представляющему собой, по толкованію комитета, замѣстителя отсутствующаго Государя. Излишне пояснять, какія могутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, произойти послѣдствія отъ такого сосредоточенія верховной власти въ рукахъ Сената и собравшагося по его призыву сейма. Учрежденіе Сената составители проекта отнесли къ основнымъ законамъ, вопервыхъ, на томъ основаніи, что Регламентъ Правительствующаго Совѣта былъ будто бы изданъ съ утвержденія Боргоскаго сейма, какъ это предписывалось Шведскими законами, и потому не можетъ быть измѣняемъ единоличною властью Императора и, вовторыхъ, потому, что о Сенатѣ упоминается въ новѣйшемъ основномъ законѣ, т.-е. въ Сеймовомъ Уставѣ 1869 года (Мотивы къ Формѣ правленія, стр. 5—12). Что Боргоскій сеймъ имѣлъ чисто-совѣщательный характеръ и что Регламентъ Правительствующаго Совѣта былъ во многомъ измѣненъ уже послѣ предъявленія его сейму, и слѣдовательно изданъ непосредственно высочайшею властью, это суть факты, документально доказанные въ сочиненіи Ордина «Покореніе Финляндіи». Кромѣ того, Регламентъ Сената и въ послѣдующее время многократно подвергался разнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ въ порядкѣ верховнаго управленія, т.-е. по высочайшимъ манифестамъ и постановленіямъ, напримѣръ 2 Іюня 1826 года, 28 Ноября 1857 года, 28 Ноября 1859 года и 22 Февраля 1869 года. Что же касается упоминанія о Сенатѣ въ Сеймовомъ Уставѣ, то упоминаніе это встрѣчается въ слѣдующихъ четырехъ мѣстахъ: въ § 31 сказано, что членъ Сената не можетъ быть членомъ которой-либо изъ сеймовыхъ комиссій; въ § 40 сказано, что сеймовыя комиссіи, въ случаѣ надобности въ справкахъ, обращаются къ предсѣдателю Сената съ просьбой предписать кому слѣдуетъ о до-

ставленіи справки; въ § 47 говорится, что предсѣдатель и члены Сената имѣютъ право присутствовать въ совокупномъ собраніи сословій; наконецъ, въ § 50 сказано, что повелѣнія и предложенія Императора, которыя не были переданы сословіямъ при открытіи сейма, сообщаются ему чрезъ одного изъ сенаторовъ. Вотъ изъ какихъ упоминаній о Сенатѣ комитетъ выводитъ, что учрежденіе Сената должно быть признано основнымъ закономъ, т.-е. такимъ, для измѣненія котораго, по толкованію Финляндцевъ, требуется согласіе сейма. Изъ тѣхъ же упоминаній о Сенатѣ сочинители Формы правленія выводятъ, что «законодатель понималъ Сенатъ, какъ учрежденіе, представляющее Императора и Великаго Князя, и какъ высшую административную власть въ странѣ, съ принадлежащимъ ей правомъ повелѣвать всѣмъ должностнымъ лицамъ и общественнымъ учрежденіямъ». (Мотивы, стр. 51—52). Съ такимъ же точно правомъ комитетъ могъ бы вывести изъ Сеймоваго Устава, что къ учрежденіямъ, существующимъ въ силу основнаго закона и представляющимъ Императора и Великаго Князя, принадлежатъ городовые магистраты (§ 12 Сеймоваго Устава), епархіальныя и университетскія консисторіи (§ 15), коронные фохты (§ 20) и пр.; ибо и объ этихъ учрежденіяхъ также упоминается въ Сеймовомъ Уставѣ. Сочинителямъ Формы правленія понадобилось признать Сенатъ «учрежденіемъ, существующимъ съ неприкосновенностью, сообщаемою основными законами» (стр. 8 мотивовъ), для того, чтобы упрочить на будущее время существованіе въ теперешнемъ видѣ этого высшаго Финляндскаго правительства, которое, купно съ Финляндскимъ Статсъ-Секретаріатомъ, болѣе всѣхъ другихъ причинъ содѣйствуетъ крайней обособленности Финляндіи отъ Россіи. Кромѣ того, въ сочиненной комитетомъ Формѣ правленія нельзя было обойтись безъ упоминанія о Сенатѣ, главномъ правительственномъ учрежденіи Финляндіи. Ради этихъ поводовъ, комитетъ долженъ былъ прибѣгнуть къ сказаннымъ натяжкамъ и несообразностямъ въ своихъ объясненіяхъ къ проекту. Но отнеся учрежденіе Сената къ числу основныхъ законовъ Финляндіи, комитетъ не могъ упустить изъ вида, что § 15-й этого учрежденія находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣми Шведскими законами, которые онъ кладетъ въ основу дѣйствующаго теперь въ Финляндіи государственнаго права, такъ какъ въ этомъ параграфѣ прямо сказано, что «непосредственно высочайшей власти принадлежатъ: изъятіе изъ законоположеній, пожалованіе казенныхъ имѣній и доходовъ, и вообще все, что по существующимъ узаконеніямъ отъ особеннаго и непосредственнаго повелѣнія монаршей воли зависитъ». Однако комитетъ нашелъ весьма простое средство выйти изъ этого затрудненія, именно онъ заявляетъ, что означенный параграфъ Регламента Сената «плохо

составленъ, и что употребленное въ немъ слово «узаконенія», очевидно, неточно» (стр. 44—45 мотивовъ); но затѣмъ, путаясь въ мысляхъ и словахъ, не даетъ никакой разгадки сказаннаго противорѣчія. О параграфахъ же 16 и 18 Учрежденія Сената, гласящихъ, что наложеніе новыхъ податей, назначеніе чрезвычайныхъ расходовъ и поясненіе существующихъ законовъ относятся также къ непосредственной власти Императора, комитетъ почелъ за лучшее вовсе умолчать въ своихъ мотивахъ, такъ какъ не представляется никакой возможности согласить эти параграфы съ основными Шведскими законами прошлаго столѣтія.

Изъ того, что, на основаніи § 32 Формы правленія 1772 года, Шведскія коллегіи были «обязаны давать королю отчетъ въ своихъ занятіяхъ, когда онъ того потребуетъ, и предъ нимъ только были отвѣтственны за надлежащее отправленіе своихъ обязанностей» (это значило, что коллегіи не отвѣтственны предъ Государственнымъ Совѣтомъ, какъ было въ періодъ вольницы), а по § 4 той же Формы правленія государственные совѣтники были «подчинены единственно королю и только предъ нимъ отвѣтственны за свои дѣйствія», сочинители Формы правленія вводятъ въ § 21 своего проекта, что «Сенатъ за надлежащее отправленіе своихъ обязанностей отвѣтственъ только предъ Императоромъ и Великимъ Княземъ». Другими словами, это значитъ, что Императоръ не можетъ повелѣть уполномоченнымъ отъ него лицамъ разслѣдовать дѣйствія Финляндскихъ сенаторовъ и, въ случаѣ обнаруженныхъ съ ихъ стороны преступленій, судить ихъ по законамъ Имперіи, какъ подданныхъ Русскаго императора. Ссылки на Шведскія коллегіи и государственныхъ совѣтниковъ совершенно неумѣстны, когда дѣло касается Императорскаго Финляндскаго Сената, не имѣющаго съ ними никакого сходства.

Въ § 22 проектъ постановляетъ, что «Сенатъ долженъ имѣть свое мѣстопребываніе внутри страны», ссылаясь при этомъ на введеніе къ Регламенту Правительствующаго Совѣта, на § 1 онаго и на § 37 Формы правленія 1772 года. Но въ Регламентѣ ровно ничего не говорится о мѣстопребываніи Совѣта, а въ § 37 Формы правленія сказано только о назначеніи государственныхъ совѣтниковъ для управленія королевствомъ, въ случаѣ болѣзни или продолжительнаго отсутствія короля. Изъ протоколовъ дворянскаго сословія, веденныхъ на Боргоскомъ сеймѣ, видно, что сами сеймовые депутаты полагали тогда, что Правительственный Совѣтъ будетъ имѣть свое пребываніе въ Петербургѣ. Даже Спренгпортенъ, уже послѣ помѣщенія Совѣта въ Або,

представлялъ въ особомъ всеподданнѣйшемъ меморіалѣ о переведеніи его въ Петербургъ.

§ 24-й проекта постановляетъ, что въ члены Сената Императоръ можетъ назначать только «урожденныхъ Финскихъ людей», и основываетъ это требованіе на §§ 4 и 37 Формы правленія и на § 5 Регламента Правительствующаго Совѣта. Но приведенные параграфы Шведской Формы правленія не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ этому правилу, а въ § 5 Регламента сказано только, что «одна половина членовъ Совѣта избирается изъ дворянства, а другая изъ прочихъ сословій Финляндіи». Такъ какъ въ числѣ Финляндскаго дворянства и прочихъ сословій могутъ находиться и дѣйствительно находятся и приписанные въ Финляндіи Русскіе уроженцы, то ни откуда не слѣдуетъ, чтобъ они не могли быть назначаемы Императоромъ въ члены Сената, какъ постановляютъ сочинители Формы правленія. Напротивъ того, въ высочайшемъ манифестѣ 9 Февраля 1816 года (объ именованіи Правительственнаго Совѣта Сенатомъ), на который такъ любятъ въ другихъ случаяхъ ссылаться Финляндскіе законовѣды, сказано, что въ члены Сената императоръ Александръ I-й обѣщаетъ избирать «однихъ только коренныхъ Финляндцевъ, или *водворившихся тамъ и Финляндское гражданское право пріобрѣвшихъ*».

Въ § 29, говорящемъ о прокурорѣ Сената, составители проекта почли нужнымъ умолчать, что, на основаніи § 27 Учрежденія Сената, прокуроръ «подчиненъ непосредственно генералъ-губернатору»; напротивъ того, сославшись на § 15 Формы правленія 1772 года, гдѣ говорится, между прочимъ, что «канцлеру юстиціи надлежитъ смотрѣть за тѣмъ, какъ исполняются законы и постановленія и о семъ докладывать королевскому величеству», составители проекта приравниваютъ прокурора канцлеру юстиціи и также предоставляютъ ему непосредственно, помимо генералъ-губернатора, «представлять Императору и Великому Князю отчетъ объ отправленіи правосудія въ странѣ и о своей собственной дѣятельности». Но въ Швеціи канцлеръ юстиціи былъ сановникъ самостоятельный, не пріуроченный особо ни къ какому учрежденію и зависѣвшій только отъ короля. Самое названіе прокурора, не существовавшее въ Швеціи, было употреблено въ Регламентѣ при его передѣлкѣ, уже послѣ распущенія Боргоскаго сейма и заимствовано изъ Русскихъ законовъ; а въ текстѣ, предъявленномъ сейму, этотъ чиновникъ былъ названъ адвокатъ-фискаломъ, примѣнительно къ таковой же должности, существовавшей при Шведскихъ гофгерихтахъ. Упоминаемымъ § 29-мъ проекта значеніе генералъ-губернатора, какъ предсѣдателя Сената, и безъ того уже низведенное

Регламентомъ 1809 года до одной формальности, окончательно уничижается. Высочайшею инструкціей прокурору, изданною въ 1812 году, ему предоставляется только доносить Императору о тѣхъ случаяхъ, когда Сенатъ или генералъ-губернаторъ въ чемъ-либо отступятъ отъ точной силы законовъ (§ 7).

Въ § 32 къ гофгерихту, который по проекту является «высшимъ судилищемъ въ судебныхъ дѣлахъ» (§ 30)*), примѣняется тоже правило, которое постановлено о Сенатѣ, т.-е. что за надлежащее отправленіе своихъ обязанностей гофгерихтъ отвѣтствуетъ только предъ Императоромъ.

Евангелическо-лютеранское вѣроисповѣданіе проектъ признаетъ государственною (offentliga), т.-е. господствующею религіею страны (§ 5), и въ оправданіе этого ссылается, кромѣ старыхъ Шведскихъ законовъ, въ которыхъ такое правило было понятно и законно, еще на извѣстную грамоту императора Александра I-го отъ 15 Марта 1809 года, изъ которой Финляндцы преимущественно выводятъ всѣ свои воображаемыя права. Но ничего подобнаго въ этой грамотѣ не содержится, а говорится только, что Императоръ «призналъ за благо утвердить и удостовѣрить религію» этой страны, или, какъ сказано въ ст. 6-й Фридрихсгамскаго мирнаго трактата, «обезпечить, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры». Русская Верховная власть и во всѣхъ другихъ покоренныхъ Русскимъ оружіемъ областяхъ государства признаётъ свободное отправленіе ихъ религій; но правами господствующаго вѣроисповѣданія повсюду пользуется только православная религія, исповѣдуемая Русскими царями и Русскимъ народомъ, которые совокупными усиліями и жертвами создали Русское государство и поддерживаютъ его крѣпость и единство. Слѣдовательно и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, проектъ дѣлаетъ завѣдомо ложную ссылку на слова императора Александра I-го.

Въ земскомъ уложеніи Швеціи 1442 года существовалъ такъ-называемый отдѣлъ о королѣ, который есть сводъ древнѣйшихъ узаконеній Швеціи о королевской власти, когда въ ней существовалъ еще избирательный образъ правленія и когда избранный король обязывался объѣзжать всю страну для принесенія въ каждомъ округѣ присяги

*) А по § 18 проекта Сенатъ также завѣдуетъ высшимъ судомъ и расправой, какъ въ судебныхъ, такъ и въ хозяйственныхъ и прочихъ административныхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ является нѣсколько учрежденій съ правами высшей судебной инстанціи: Сенатъ и гофгерихты.

въ соблюденіи народныхъ вольностей. Это древнее Шведское законодательство, упраздненное почти всецѣло въ самой Швеціи въ эпоху присоединенія Финляндіи къ Россіи, комитетъ признаетъ дѣйствующимъ закономъ Финляндіи и ссылается на него во многихъ статьяхъ, которыми онъ ограничиваетъ власть Русскаго Монарха. Такъ, напримѣръ, изъ того, что по королевскому отдѣлу выборный Шведскій король обязывался при вступленіи на престолъ учинять присягу народу, комитетъ выводитъ требованіе, чтобы Императоръ, «при своемъ вступленіи въ управленіе, собственноручно подписывалъ удостовѣреніе сохранять твердо и ненарушимо въ полной силѣ религію Финляндіи и основные законы, а также тѣ привилегіи и права, какими каждое сословіе въ особенности и всѣ жители вообще пользуются согласно конституціи Финляндіи» (§ 3). Комитетъ въ своихъ мотивахъ (стр. 16—17) прибавляетъ, что хотя Шведскій король долженъ былъ повторять свою присягу и при коронованіи, тѣмъ не менѣе «комитетъ въ текстѣ законопроекта упомянулъ только о томъ удостовѣреніи, которое Монархъ *обязанъ* давать при своемъ вступленіи въ управленіе, но не внесъ постановленія о представленіи такого удостовѣренія также и при коронаціи». Комитетъ какъ бы считаетъ, что онъ этимъ сдѣлалъ нѣкоторое снисхожденіе въ пользу Русскихъ монарховъ, забывая даже, что въ Гельсингфорсѣ они не коронуются и потому, если бъ не было сдѣлано въ ихъ пользу сказаннаго снисхожденія, то имъ пришлось бы въ стѣнахъ Московскаго Успенскаго собора, предъ лицомъ избранныхъ чиновъ кореннаго Русскаго народа, представлять удостовѣреніе въ соблюденіи договора между Русскою Верховною властью и земскими чинами Финляндіи.

Въ королевскомъ отдѣлѣ земскаго уложенія воспрещалось выборному королю уменьшать что-либо для послѣдующаго короля изъ назначеннаго для содержанія короля Упсальскаго удѣла и другихъ казенныхъ имѣній. Потомъ, при наслѣдственной монархіи, частое нарушеніе этого постановленія раздачами земель въ ленное владѣніе членамъ королевской фамиліи вызвало сеймовое рѣшеніе 1650 года, по которому «государство должно всегда пребывать однимъ тѣломъ, подъ властью правящаго короля». Комитетъ, руководствуясь этими древними Шведскими узаконеніями и желая, какъ онъ говоритъ въ своихъ мотивахъ (стр. 18), выразить мысль «о недѣлимости государственной территоріи» Финляндіи, постановляетъ въ § 4 проекта, что «никакая часть Великаго Княжества не можетъ быть отъ него отдѣлена и что провинціи его всегда безъ уменьшенія должны оставаться соединенными подъ властью одного государя». Такъ какъ въ Россіи давно уже не суще-

ствуетъ никакихъ леновъ или удѣловъ, то эта статья проекта сочинена очевидно на тотъ случай, если бъ Русское правительство вздумало исправить роковую ошибку императора Александра I-го и вновь слить съ Русскими губерніями старинное пріобрѣтеніе Россіи, Выборгскую губернію.

Въ § 10 комитетъ предписываетъ Государю, что онъ «*одинъ* управляетъ Финляндіею способомъ, указаннымъ въ § 2 сей Формы правленія», т.-е. «согласно съ сею Формою правленія и прочими законами Финляндіи». Это предписаніе комитетъ заимствовалъ изъ Формы правленія 1772 г., гдѣ сказано о королѣ (въ § 2), что «онъ и никто другой долженъ управлять государствомъ». Смыслъ этихъ словъ объясняется событіями, предшествовавшими изданію Формы правленія, и самымъ вступленіемъ къ оной, въ которомъ говорится, что сословія Шведскаго государства «по несчастному опыту узнали, что, подъ именемъ благородной свободы, нѣкоторые сограждане наши возвысились до господства, которое стало тѣмъ невыносимѣе, что, возникнувъ изъ своеволія, оно укрѣплялось корыстью и жестокостью и наконецъ получило поддержку отъ иноземной власти. Оно повергло бы насъ въ величайшую опасность и могло бы привести государство къ той горькой участи, на какую указываютъ намъ исторія прежнихъ временъ и примѣры нашихъ сосѣдей». Въ предотвращеніе на будущее время такого самовластія Шведскаго высшаго дворянства, вырвавшаго всю власть изъ рукъ короля въ періодъ вольницы, предшествовавшій принятію Формы правленія 1772 г., въ ней и постановлено, что король, а никто другой, долженъ управлять государствомъ. Казалось бы, нѣтъ никакой надобности повторять это требованіе относительно Русскаго Государя, такъ какъ въ Россіи не существуетъ никакой олигархіи, которая, «возвысившись до господства, повергла бы страну въ величайшую опасность». Но комитетъ почелъ нужнымъ повторить въ § 10 проекта тоже требованіе очевидно для того, чтобы на него можно было сослаться въ томъ случаѣ, если бъ Верховною властью было признано необходимымъ, для прекращенія теперешней, столь вредной для государства отчужденности Финляндіи отъ общегосударственнаго управленія, поручить центральнымъ государственнымъ властямъ надзоръ и контроль за дѣйствіями Финляндскихъ провинціальныхъ учрежденій.

Въ § 16 Шведской Формы правленія 1772 г. сказано, что «всѣ комиссіи, депутаціи съ правомъ суда или экстраординарныя судилища съ этихъ поръ упраздняются, какъ средства, способствующія самодержавію и тираніи». Въ § 11 проекта буквально повторяется тоже пра-

вило, съ пропускомъ только послѣднихъ пояснительныхъ словъ. Въ мотивахъ же (стр. 26) комитетъ поясняетъ, что хотя сказанное запрещеніе въ старыхъ Шведскихъ законахъ «касалось судилищъ, учреждаемыхъ для особыхъ случаевъ, но, по его мнѣнію, оно направлено также вообще противъ учрежденія, безъ согласія сейма, спеціальныхъ судовъ для отправленія функцій, принадлежащихъ указаннымъ въ общемъ законѣ судебнымъ учрежденіямъ». Другими словами, въ случаѣ обнаруженія въ Финляндіи политическаго заговора, измѣны или посягательствъ на жизнь Русскихъ военнослужащихъ (единственныхъ тамъ охранителей Русской государственной власти), сказанною статьею проекта отъ Русскаго Императора отнимается право изъять эти дѣла изъ вѣдѣнія тамошнихъ слѣдователей и судовъ и поручить ихъ разслѣдованію и суду лицъ, облеченныхъ особымъ монаршимъ довѣріемъ.

Сочинители проекта до того простерли отрицаніе за Русскимъ Императоромъ всякихъ самостоятельныхъ правъ надъ Финляндіей, что даже такія общепризнанныя за всѣми монархами прерогативы, какъ «право начинать войну, заключать миръ и союзъ съ иностранными державами, имѣть верховную власть надъ военными силами и укрѣпленіями Финляндіи, въ уголовныхъ дѣлахъ миловать и освобождать отъ смертной казни и возводить въ Финляндское дворянское достоинство», выводятъ, въ §§ 12—14 проекта, изъ Формы правленія 1772 года и Акта соединенія 1789 г., а не изъ того, что Русскій Императоръ есть верховный обладатель этой, завоеванной безъ всякихъ условій, области Россіи. Но даже и здѣсь проектомъ предусматривается случай, когда Финляндское рыцарство и дворянство могутъ, на основаніи Формы правленія 1772 г., отказать въ пріемѣ въ свою среду лицу, возведенному Императоромъ въ Финляндское дворянское достоинство (§ 14 проекта и стр. 26—27 мотивовъ). Относительно права Русскаго Монарха заключать договоры съ иностранными правительствами сочинители проекта также дѣлаютъ оговорку, что, «въ случаѣ заключенія договоровъ о дѣлахъ неполитическихъ, содержаніе договора не должно противорѣчить законамъ, явившимся при содѣйствіи сейма, въ противномъ же случаѣ всегда слѣдуетъ предварительно получить согласіе народнаго представительства».

Въ § 17 проектъ постановляетъ, что «всѣ дѣла, зависящія отъ собственнаго рѣшенія Императора, докладываются ему статсъ-секретарями, и ссылается здѣсь на § 21 Формы правленія 1772 года, тогда какъ тамъ ничего подобнаго не содержится, а говорится о составѣ и предметахъ вѣдомства 4-й государственной коллегіи или государственной канцеляріи. Хотя въ числѣ ея членовъ и упоминаются тамъ

статсъ-секретари, но они, кромѣ названія, не имѣли ничего общаго съ Финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ, который есть учрежденіе единоличное, тогда какъ въ Швеціи было нѣсколько статсъ-секретарей, и они были чиновниками второстепеннаго ранга, наблюдавшими за дѣлопроизводствомъ въ государственной канцеляріи. На основаніи Формы правленія (§ 8), король въ государственныхъ дѣлахъ выслушивалъ мнѣніе не статсъ-секретарей, а государственныхъ совѣтниковъ, высшихъ послѣ короля правительственныхъ лицъ, которые въ періодъ вольницы исхитили почти всю власть изъ рукъ короля. Но Актъ соединенія и охраненія 1789 г. (§ 1) освободилъ короля отъ обязанности выслушивать мнѣнія государственныхъ совѣтниковъ по какимъ бы то ни было дѣламъ; а вслѣдъ затѣмъ Густавъ III уничтожилъ и самый государственный совѣтъ. Стало быть даже въ старыхъ Шведскихъ порядкахъ не отыскивается никакого предлога къ тому, чтобы дѣла о Финляндіи докладывались Императору непремѣнно Финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ. Составителямъ проекта понадобилось сочинить это правило «о статсъ-секретаряхъ», на дѣлѣ несуществующихъ въ Финляндіи во множественномъ числѣ, только для того, чтобъ и впредь по дѣламъ, касающимся Финляндіи, Императоръ обязательно выслушивалъ только мнѣнія и совѣты Финляндскаго статсъ-секретаря и не могъ бы прибѣгать къ содѣйствію Русскихъ государственныхъ лицъ. Съ тою же цѣлію сочинители Формы правленія постановляютъ въ томъ же § 17-мъ, что «статсъ-секретари должны быть урожденными Финскими людьми», и при этомъ ссылаются на § 1 Акта соединенія, въ которомъ сказано, что «всѣ должности въ Шведскомъ государствѣ должны замѣщаться природными Шведскими людьми». Казалось бы, приведенная ссылка прямо противорѣчитъ тому, чего добиваются составители проекта; ибо изъ нея видно, что въ Швеціи допускались на службу только лица, принадлежавшія къ господствующей Шведской націи, а отнюдь не Померанцы, Финны или другіе инородцы изъ подвластныхъ Шведской коронѣ областей. Если доселѣ на должность Финляндскаго статсъ-секретаря были назначаемы, за исключеніемъ Сперанскаго, одни Финляндцы, или, вѣрнѣе сказать, тамошніе Шведы, то на это была воля государей, и отъ той же самодержавной воли зависитъ измѣнить такой обычай, если онъ будетъ признанъ вреднымъ.

Въ § 34-мъ, на случай, если Сенатъ или гофгерихтъ провинятся въ государственномъ преступленіи, составители проекта устанавливаютъ государственный судъ, составъ котораго буквально выписываютъ изъ § 16 Формы правленія 1772 года, назначая предсѣдателемъ этого суда самого Императора (вмѣсто Шведскаго короля), или его Наслѣд-

ника (вмѣсто кронъ-принца), или имѣющаго ближайшее право на престолъ послѣ Наслѣдника (вмѣсто перваго изъ наслѣдныхъ князей), или же занимающаго первое мѣсто въ Финляндскомъ Сенатѣ (вмѣсто старшаго изъ государственныхъ совѣтниковъ), а въ члены этого суда сажаютъ (буквально по сказанному параграфу Формы правленія) какихъ-то несуществующихъ въ Финляндіи статсъ-секретарей и по нѣскольку находящихся на *Финской службѣ* полныхъ генераловъ и адмираловъ, генералъ-лейтенантовъ и вице-адмираловъ, генералъ-маіоровъ и контръ-адмираловъ (составители проекта выпустили только, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, фельдмаршала, канцлера двора и президентовъ коллегій). Обвинителемъ, вмѣсто Шведскаго канцлера юстиціи, назначается прокуроръ Сената. «Приговоръ государственнаго суда, говорится въ проектѣ, никто не можетъ измѣнить и еще менѣе усугубить; у Императора и Великаго Князя не отъемлется однако право помилованія». Столь необычайная и нигдѣ теперь не существующая обстановка суда надъ Финляндскимъ Сенатомъ и гофгерихтами придумана очевидно для того, чтобы поднять эти мѣста на недосягаемую высоту въ сравненіи даже съ самыми высшими учрежденіями Имперіи Въ § 16 Формы правленія 1772 г. упоминается о «лицахъ столь высокаго происхожденія», подлежащихъ сужденію государственнаго суда въ случаѣ государственныхъ преступленій. По объясненію составителей проекта, подъ этими словами слѣдуетъ разумѣть принцевъ королевскаго дома; поэтому они сожалѣютъ, что «примѣненіе этого параграфа Формы правленія 1772 г. къ нынѣшнимъ условіямъ Финляндіи соединено съ различными затрудненіями и что его нельзя будетъ примѣнить къ государственнымъ преступленіямъ (подразумѣвается—противъ Финляндіи), какія могутъ быть совершены *въ странѣ* членами Императорскаго Дома, такъ какъ нельзя предполагать, чтобы Императоръ Александръ I во время соединенія Финляндіи съ Россіею отказался въ какомъ либо отношеніи отъ своего неограниченнаго права суда надъ этими высокими особами» (мотивы, стр. 57): сожалѣніе и заботливость по меньшей мѣрѣ излишнія, ибо нельзя даже представить себѣ такого случая, гдѣ членъ Русскаго Императорскаго Дома могъ бы оказаться виновнымъ въ государственномъ преступленіи—не противъ Россіи и ея Государя, а противъ Финляндіи. Но это сожалѣніе нынѣшнихъ Финляндскихъ законодателей о томъ, что проектируемый ими Финляндскій государственный судъ, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, будетъ лишенъ возможности привлекать къ своему разбирательству членовъ Русскаго Императорскаго Дома, ярко живописуетъ ту, можно сказать, чудовищную манію величія, которою одержимы теперешніе Финляндскіе дѣятели и которая зародилась и выросла у нихъ

до такихъ размѣровъ именно вслѣдствіе предоставленнаго имъ въ теченіе многихъ лѣтъ безграничнаго своеволія и отсутствія всякаго за ними надзора со стороны государственной власти.

Въ § 33-мъ Шведской Формы правленія сказано: «не должно быть никакого генералъ-губернатора внутри государства, развѣ только въ особенныхъ случаяхъ и на опредѣленное время». Не имѣя силъ упразднить должность Финляндскаго генералъ-губернатора, существующую въ прямое противорѣчіе со сказаннымъ предписаніемъ Формы правленія, и въ тоже время желая настоять на томъ началѣ, что основными законами Финляндіи всегда признавались Шведскіе законы 1772 и 1789 гг., сочинители проекта въ § 35-мъ такъ переиначиваютъ § 33-й Формы правленія: «не можетъ быть назначаемо другое должностное лицо, кромѣ генералъ-губернатора, съ властью надъ управленіями нѣсколькихъ губерній, иначе какъ при особенныхъ обстоятельствахъ и на извѣстное время». Но такъ какъ это предполагаемое лицо съ властью надъ управленіями нѣсколькихъ губерній и называется обыкновенно генералъ-губернаторомъ, то приведенныя слова проекта означаютъ, что кромѣ Финляндскаго генералъ-губернатора не можетъ быть назначаемо другого Финляндскаго генералъ-губернатора. Составители проекта не останавливаются даже предъ подобными, не имѣющими смысла фразами, чтобы только остаться вѣрными созданной ими фикціи, что Финляндія управляется на основаніи Шведскихъ законовъ прошлаго столѣтія.

Въ §§ 36 и 39 проектъ предоставляетъ Русскому Императору «полную власть постановлять объ учрежденіи новыхъ должностей и службъ и объ упраздненіи прежде существующихъ, а также издавать для должностныхъ и служащихъ лицъ инструкціи, регламенты и предписанія», и выводятъ эти, какъ бы весьма важныя для Русскаго Императора, прерогативы изъ Акта соединенія дѣлая однако, и здѣсь оговорку, что все сіе предоставляется Русскому Императору «постольку, поскольку это происходитъ не въ противорѣчіе съ сею Формою правленія, или съ другимъ закономъ, изданнымъ при содѣйствіи земскихъ чиновъ». Равнымъ образомъ изъ тѣхъ же старыхъ Шведскихъ законовъ составители проекта въ § 39 выводятъ, что «Императоръ замѣщаетъ всѣ тѣ должности и служебныя мѣста, о которыхъ законъ, изданный при содѣйствіи земскихъ чиновъ, не постановляетъ иначе». Выходитъ, что земскіе чины вездѣ на первомъ планѣ, а Русскій Императоръ, даже при назначеніи на должности, можетъ дѣйствовать лишь постольку, поскольку будетъ ему дозволено земскими чинами. До какой степени

Финляндскіе законовѣды возвышаютъ свои земскіе чины даже предъ особою Русскаго Императора, видно также изъ того, что въ Уголовномъ Уложеніи 1889 года за насиліе надъ членами Императорской Фамиліи опредѣлялось только тюремное заключеніе, а за покушеніе на жизнь Монарха—условное лишеніе довѣрія согражданъ; именно Финляндскій судъ могъ признать по своему усмотрѣнію, что «въ свойствахъ этого преступленія не заключается повода» лишить преступника довѣрія Финляндцевъ (гл. XI, § 6). Между тѣмъ за посягательство на свободу совѣщаній и рѣшеній земскихъ чиновъ Финляндіи Уложеніе назначало заключеніе, не менѣе какъ на два года, въ смирительномъ домѣ, замѣняющемъ въ Финляндіи каторгу (гл. XV, § 1). Въ томъ же § 39 проекта Формы правленія прибавлено, что «Императору предоставляется поручать употребленіе своего права замѣщать должности Сенату или другой *Финской* власти». Это указаніе на то, что Императоръ не можетъ поручить въ извѣстныхъ случаяхъ замѣщеніе должностей довѣренному лицу или учрежденію не изъ Финскихъ властей, комитетъ выводитъ «изъ всего смысла основнаго закона и въ особенности изъ того постановленія (самимъ же комитетомъ сочиненнаго), что всѣ должности, за нѣкоторыми исключеніями, должны быть замѣщаемы урожденными Финскими людьми» (мотивы, стр. 60).

Въ § 43-мъ сочинители Формы правленія постановляютъ, что «должности и служебныя мѣста должны быть замѣщаемы только урожденными Финскими людьми, и посему иноземные люди (подъ каковыми разумѣются Русскіе уроженцы) не могутъ быть употребляемы на службѣ страны, ни на гражданской, ни на военной, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они могутъ блестящими и великими свойствами своими доставить странѣ большую честь и значительную пользу». Но о статсъ-секретаряхъ и членахъ Сената подтверждается въ этой статьѣ и относящихся къ ней мотивахъ (стр. 63 — 70) выраженное уже прежде правило, что эти должностныя лица непремѣнно должны быть Финскими людьми, и что Русскіе, хотя бы отличались блестящими и великими свойствами, безусловно не должны быть допускаемы на эти должности. Для подкрѣпленія перваго изъ сихъ предписаній составители проекта вдаются въ изслѣдованія Шведскихъ законовъ, начиная съ королевскаго отдѣла земскаго уложенія 1442 года и до Акта соединенія и охраненія 1789 года, и выписываютъ изъ нихъ мѣста, которыми узаконялось, какъ общее правило, что только урожденные *Шведскіе* люди могутъ занимать должности въ Шведскомъ королевствѣ. Составители проекта, вмѣсто «урожденные Шведскіе люди», подставляютъ «урожденные *Финскіе*», и такимъ образомъ «непреложнымъ требованіемъ дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законовъ» у нихъ

является то, о чемъ жители этого края тщетно ходатайствовали предъ риксдагомъ при существованіи тѣхъ же самыхъ основныхъ законовъ. По Шведскимъ законамъ, исключеніе изъ сказаннаго правила допускалось только для тѣхъ иностранцевъ, которые блестящими и великими качествами могли принести государству большую честь и значительную пользу (§ 10 Формы правленія 1772 года). Однако, начиная съ королевскаго отдѣла 1442 года, въ старыхъ Шведскихъ законахъ предписывалось, что «натурализованные не могутъ быть назначаемы на должности государственныхъ совѣтниковъ, которыя должны замѣщаться только урожденными Шведами, рыцарями и свеннами (дворянами)». «Никакой уступки въ родѣ той, которая сдѣлана въ § 10 Формы правленія, не существуетъ для государственныхъ совѣтниковъ». Приравнивая къ прежнему Шведскому государственному совѣту теперешній Финляндскій Сенатъ, будто бы замѣнившій собою государственный совѣтъ, проектъ требуетъ, чтобъ и сенаторы назначались исключительно изъ Финскихъ людей. «Постановленія основнаго закона, говорится въ мотивахъ, въ этомъ отношеніи были вполнѣ приняты во вниманіе при учрежденіи туземнаго правительства въ Финляндіи въ 1809 г.» Запрещеніе же назначать министра статсъ-секретаря не изъ прирожденныхъ Финскихъ людей сочинители проекта выводятъ изъ тѣхъ соображеній, что «министръ статсъ-секретарь на самомъ дѣлѣ въ извѣстномъ отношеніи заступилъ мѣсто того члена Шведскаго государственнаго совѣта, который былъ президентомъ государственной канцеляріи; поэтому въ отношеніи его должно дѣйствовать не только то, что предписано въ основномъ законѣ о статсъ-секретаряхъ, но и то постановленіе Формы правленія 1772 г., по которому президентъ канцеляріи долженъ быть назначаемъ изъ уроженцевъ страны» (мотивы, стр. 63—67). Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ своихъ разсужденіяхъ, составители проекта нимало не стѣсняются тѣмъ, что завѣдомо утверждаютъ факты, никогда несуществовавшіе, и что разсужденія ихъ противорѣчатъ даже простой здравой логикѣ. Изъ документовъ, напечатанныхъ въ книгѣ Ордина «Покореніе Финляндіи», равно какъ и изъ самаго содержанія Регламента Правительствующаго Совѣта, видно, что при учрежденіи сего Совѣта вовсе не принимались въ соображеніе постановленія Формы правленія о Шведскомъ государственномъ совѣтѣ. Какимъ образомъ Правительствующій Совѣтъ могъ явиться замѣстителемъ Шведскаго государственнаго совѣта, когда сей послѣдній былъ уничтоженъ Густавомъ III еще въ 1789 г. и когда его вредная роль въ государственныхъ дѣлахъ хорошо была извѣстна нашему правительству по документамъ еще недавняго Екатерининскаго времени, когда Русское правительство близко слѣдило за внутренними раздора-

ми Швеціи? Не далѣе, какъ въ 1867 г. высочайшимъ рескриптомъ отъ 26 Мая было разъяснено, что Финляндскій Сенатъ «никакимъ закономъ никогда не былъ облеченъ значеніемъ и правами существовавшаго до 1789 г. Шведскаго государственнаго совѣта». Наконецъ не ясно ли для всякаго, что постановленіе Шведскихъ законовъ о томъ, чтобы на должности государственныхъ совѣтниковъ были назначаемы только «урожденные Шведы, рыцари и дворяне», т.-е. люди господствующей націи, если бъ оно было принято нашимъ правительствомъ и примѣнено къ членамъ Финляндскаго Сената и къ статсъ-секретарю, повело бы за собою устраненіе Финляндцевъ отъ этихъ должностей и замѣщеніе ихъ Русскими? При сколько-нибудь серіозномъ отношеніи къ дѣлу можно ли даже допускать мысль, что императоръ Александръ I-й, поручая веденіе и докладываніе ему Финляндскихъ дѣлъ сперва Сперанскому, а потомъ Ребиндеру, имѣлъ въ виду исполнить этимъ требованіе Формы правленія 1772 г. и замѣнить ими Шведскаго государственнаго канцлера, тогда уже несуществовавшаго и въ самой Швеціи? Не значитъ ли это строить порученный комитету трудъ на сплетеніи басней и произвольныхъ, впередъ задуманныхъ выводовъ? Но сдѣлавъ столько изысканій въ старыхъ Шведскихъ законахъ для подкрѣпленія § 43 проекта, составители его не могли же упустить изъ вида, что въ Финляндіи существуетъ законъ, прямо опровергающій § 43 проекта, именно высочайшее постановленіе императора Николая отъ 2 Августа 1827 г., гласящее такъ: по такимъ-то и такимъ основаніямъ, «сообразно съ обязанностями державнаго нашего сына, признали мы за благо постановить и повелѣть слѣдующее: лица Грекороссійскаго исповѣданія, пріобрѣвшія уже въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ гражданское право или впредь оное пріобрѣтающія, могутъ поступать въ гражданскую и военную службу того края и, соразмѣрно способностямъ и заслугамъ своимъ, быть опредѣляемы въ должности» и проч. Кромѣ того, по отношенію въ частности къ членамъ Сената, въ высочайшемъ манифестѣ отъ 9 Февраля 1816 г. допускалось, какъ было уже упомянуто, избирать на эту должность «водворившихся тамъ и Финляндское гражданство пріобрѣвшихъ». Но сочинители основныхъ законовъ для Финляндіи, присвоивъ себѣ право лишать силы всѣ тѣ постановленія Русскихъ монарховъ, которыя были изданы безъ одобренія сейма, нисколько не затруднились объявить и оба эти постановленія высочайшей власти неимѣющими законной силы (хотя въ другихъ случаяхъ они ссылаются на манифестъ 1816 г., какъ на главный аргументъ ихъ конституціонныхъ домогательствъ). Они разсуждаютъ такимъ образомъ: «Можетъ быть, возразятъ, что *въ административныхъ постановленіяхъ* (такъ называютъ они законы,

изданные безъ одобренія сейма), изданныхъ послѣ 1809 г., встрѣчается взглядъ, по которому натурализованные *иностранцы* (т.-е. Русскіе уроженцы, записанные въ число Финляндскихъ гражданъ) также могутъ быть опредѣляемы на Финскую государственную службу. Но такъ какъ такой взглядъ, поскольку онъ не относится къ такимъ иностранцамъ (т.-е. Русскимъ), которые блестящими и великими качествами приносятъ странѣ большую честь и значительную пользу, противорѣчитъ основному закону (т.-е. Шведской Формѣ правленія) и никоимъ образомъ не пріобрѣлъ права давности, то комитетъ не можетъ признать его (т.-е. взгляда императоровъ Александра I-го и Николая I) основательности. Въ частности, едва ли можно полагать, чтобъ императоръ Александръ I-й нѣсколькими словами, употребленными въ высочайшемъ объявленіи 9 Февраля 1816 г., имѣлъ въ виду какимъ-либо образомъ не уважить основные законы страны. Комитетъ не могъ также включить въ свой проектъ входящее въ высочайшее постановленіе 2 Августа 1827 г. особое предписаніе о томъ, что натурализованные въ Финляндіи послѣдователи Греко-россійскаго вѣроисповѣданія могутъ занимать должности въ странѣ. Это постановленіе, какъ комитетъ указалъ уже въ мотивахъ къ §§ 5—9, появилось въ порядкѣ, несогласномъ съ основными законами, и тѣхъ причинъ, которыя, не смотря на это, дѣлаютъ необходимымъ, съ отступленіемъ отъ прежнихъ основныхъ законоположеній (т.-е. законоположеній, признававшихъ за одними послѣдователями Лютеранскаго исповѣданія право поступать на службу въ Шведскомъ королевствѣ), признать полныя права гражданства за родившимися въ странѣ послѣдователями Греко-россійской вѣры, не существуетъ по отношенію къ переселившимся въ страну». Къ этой общей и главной причинѣ, побудившей Финляндскій комитетъ отвергнуть обязательную силу закона 2 Августа 1827 г., онъ присоединяетъ еще слѣдующее частное соображеніе: «Между тѣмъ, какъ поселившіеся и натурализованные въ Финляндіи послѣдователи Евангелическо-лютеранскаго исповѣданія (подразумѣваются Нѣмцы, переселившіеся изъ Россіи или изъ-за границы) не могутъ занимать здѣсь государственныхъ должностей (подразумѣвается—въ силу сочиненнаго составителями проекта § 43), предоставленіе такого права натурализованнымъ послѣдователямъ Греко-россійскаго вѣроисповѣданія означало бы, что эти послѣдніе имѣютъ пользоваться не только тѣми же самыми правами, какъ натурализованные послѣдователи главной религіи страны, но сверхъ того и извѣстнымъ преимуществомъ. Нѣтъ надобности доказывать подробнѣе, что это совсѣмъ противорѣчило бы Финляндской конституціи» (мотивы, стр. 68—69). Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что кромѣ вышеприведеннаго постановленія императора Николая

о правѣ лицъ Греко-россійскаго исповѣданія, пріобрѣвшихъ Финляндское гражданство, поступать тамъ на гражданскую и военную службу, существуетъ еще другое, позднѣйшее и болѣе широкое повелѣніе того же Императора, отъ 1-го Марта 1852 г., о томъ, чтобы на Финляндскую гражданскую службу были допускаемы «лишь тѣ изъ Русскихъ подданныхъ, *приписанныхъ въ Русскихъ губерніяхъ*, которые имѣютъ право на вступленіе въ гражданскую службу на основаніи законовъ, дѣйствующихъ вообще въ Имперіи въ семъ отношеніи» (Сборн. рескриптовъ, на Шведск. яз., т. VI, стр. 6). Сочинители проекта, конечно, тщательно умалчиваютъ объ этомъ постановленіи.

Далѣе, комитетъ въ своихъ мотивахъ поясняетъ, что такъ какъ въ § 120 Устава о воинской повинности сказано, что «генералы, штабъ и оберъ-офицеры, гражданскіе чиновники и нижніе чины Финскихъ войскъ состоятъ изъ Финляндскихъ гражданъ», но не прибавлено слова «урожденныхъ», «то могъ бы явиться вопросъ, не было ли намѣренія законодателя, что и *натурализованные* Финскіе граждане (т.-е. Русскіе уроженцы, приписавшіеся къ Финляндскимъ сословіямъ) могутъ занимать должности въ Финскихъ войскахъ». Комитетъ рѣшительно отвергаетъ такое пониманіе § 120-го Устава о воинской повинности, на томъ основаніи, что на сеймѣ 1877—1878 г. земскіе чины признали, «что помянутое постановленіе § 120-го Устава согласуется съ дѣйствующими основными законоположеніями. Никакого исключенія изъ основнаго закона (т.-е. Шведской Формы правленія) такимъ образомъ не имѣлось въ виду, а оставалось по прежнему требованіе, что всѣ Финскія должностныя лица должны быть уроженцами страны». Въ своемъ мѣстѣ было сказано, посредствомъ какого ловкаго маневра Финляндскаго Сената и статсъ-секретаря получено было согласіе въ Бозѣ почившаго Императора на § 120-й Устава о воинской повинности, подъ тѣмъ однако условіемъ, что для Русскихъ офицеровъ, поступающихъ въ Финское войско, будетъ упрощена процедура приписки къ Финляндскому гражданству. Упрощенія никакого не послѣдовало; но чтобъ уничтожить на будущее время всякія попытки къ открытію доступа въ Финское войско Русскимъ офицерамъ, составители проекта Формы правленія, вставивъ въ § 43 онаго слово «урожденные Финскіе люди», распространяютъ это требованіе и на военнослужащихъ. Комитетъ не могъ однако упустить изъ вида, что такое толкованіе § 120-го Военнаго Устава ведетъ къ тому, что Русскіе уроженцы, приписавшіеся къ Финляндскимъ сословіямъ, не будутъ подлежать общей воинской повинности въ Финляндіи, что конечно не входило въ намѣреніе составителей проекта. Комитетъ выходитъ изъ этого

затрудненія посредствомъ такого разсужденія: «Что слово «урожденные» не вошло въ § 120 Устава о Воинской повинности, это можно объяснить тѣмъ, что параграфъ этотъ относится также къ нижнимъ чинамъ, къ которымъ подобное опредѣленіе было бы непримѣнимо, такъ какъ натурализованные граждане наравнѣ съ природными обязаны отбывать въ странѣ воинскую повинность» (мотивы, стр. 69). Такимъ образомъ одни и тѣже слова § 120-го, что «генералы, штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины Финскихъ войскъ состоятъ изъ Финляндскихъ гражданъ», комитетъ толкуетъ въ двухъ противоположныхъ смыслахъ, именно: по отношенію къ нижнимъ чинамъ подъ Финляндскими гражданами слѣдуетъ разумѣть и натурализованныхъ Русскихъ, но по отношенію къ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ подъ Финляндскими гражданами слѣдуетъ разумѣть только урожденныхъ Финскихъ людей; другими словами—Русскіе, приписавшіеся къ Финляндскимъ сословіямъ, обязаны отбывать тамъ воинскую повинность, но производить ихъ въ офицеры воспрещается, къ какому бы званію они ни принадлежали. Сочинители Формы правленія примѣняютъ здѣсь къ Русскимъ то самое правило, которое примѣнялось въ Шведскомъ королевствѣ къ Финнамъ: такъ перемѣнились съ тѣхъ поръ роли господствующей націи и подвластной. Составителямъ проекта слишкомъ хорошо извѣстны переписка, происходившая между графомъ Милютинымъ и Финляндскимъ статсъ-секретаремъ по поводу § 120-го, и высочайшая воля покойнаго Императора, чтобъ Русскіе офицеры могли имѣть доступъ въ Финскія войска; но они демонстративно противопоставляютъ этой высочайшей волѣ мнѣніе земскихъ депутатовъ на сеймѣ 1877—1878 г. и даютъ такой оборотъ дѣлу, что Русскіе офицеры ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть допускаемы въ Финское войско, хотя бы они соблюли всѣ требуемыя формальности для приписки къ Финляндскому гражданству.

Проектъ дозволяетъ принимать въ Финляндскую службу только тѣхъ православныхъ, которые принадлежатъ не къ натурализованнымъ или переселившимся въ Финляндію Русскимъ, а къ такимъ, которые происходятъ отъ водворившихся прежде въ Финляндіи и принявшихъ тамошнее гражданство Русскихъ (§ 7). Изъ сопоставленія этого § 7-го съ § 43 слѣдуетъ, что въ § 43 подъ «урожденными Финскими людьми» подразумѣваются и урожденные тамъ Русскіе. Хотя такая странная номенклатура могла бы подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, однако составители проекта смотрятъ на это дозволеніе прирожденнымъ Финляндскимъ гражданамъ православнаго исповѣданія вступать на Финляндскую службу, равно какъ и на дозволеніе право-

славнымъ имѣть монаховъ (безъ права однако открывать новые монастыри) и устраивать религіозныя процессіи, какъ на отступленіе отъ основнаго закона, которое комитетъ принужденъ былъ допустить въ силу данной ему инструкціи относительно непримѣнимыхъ основныхъ законовъ, и считаютъ «текстъ § 7-го проекта не подтвержденіемъ того, что̀ существуетъ на самомъ дѣлѣ, а только проектомъ новаго основнаго закона», другими словами—что текстъ этотъ можетъ быть принятъ, или отвергнутъ, или измѣненъ земскими чинами при разсмотрѣніи проекта. Настоящимъ основнымъ закономъ по этимъ вопросамъ составители проекта признаютъ только рѣшеніе Шведскаго риксдага 1779 г. По ст. 7-й этого узаконенія, послѣдователи чужой религіи ни подъ какимъ видомъ не должны приниматься ни на высшія, ни на низшія должности; нигдѣ не могутъ основывать публичныхъ школъ или мѣстъ для обученія своей вѣрѣ; не могутъ съ этою цѣлію посылать миссіонеровъ; не смѣютъ учреждать монастырей, и вообще монахи не должны быть допускаемы или терпимы въ странѣ; публичныя процессіи чужихъ религій воспрещаются, для избѣжанія развращающихъ поводовъ къ заблужденіямъ и соблазну среди простыхъ людей; никто изъ послѣдователей чужой вѣры не можетъ пользоваться правами сеймоваго депутата; наконецъ, предписывалось, чтобы тщательнѣйшимъ образомъ соблюдалось то, что̀ постановлено въ § 3 главы I отдѣла о преступленіяхъ Общаго Уложенія 1734 г. относительно отпадающихъ отъ истиннаго Евангелическаго ученія и принимающихъ ложное ученіе (изгнаніе изъ государства и лишеніе гражданскихъ правъ) (мотивы, стр. 20—22). Этими разсужденіями комитетъ, такъ-сказать, преподаетъ земскимъ чинамъ, которые будутъ разсматривать изготовленный имъ проектъ, какъ должны они смотрѣть на допущенную въ немъ льготу для послѣдователей православной вѣры изъ коренныхъ Финляндскихъ жителей вступать на службу, а также на оставленіе существующихъ монастырей (Валаамскаго и Коневецкаго), на допущеніе религіозныхъ процессій и проч. Надобно при этомъ замѣтить, что православныхъ считается нынѣ въ Финляндіи до 40.000 душъ и что въ юго-восточной части Финляндіи, составлявшей исконное владѣніе древняго Новгорода, православная вѣра существуетъ въ теченіе многихъ столѣтій. Замѣчательно, что, не взирая на законъ императора Николая I о правѣ натурализованныхъ въ Финляндіи Русскихъ поступать въ тамошнюю службу, Финляндскія власти, послѣ смерти этого Императора, не допускали на службу не только натурализованныхъ, но и прирожденныхъ въ Финляндіи Русскихъ, какъ это можно заключить изъ того, что потребовался особый законъ, изданный 11 Ноября 1889 г., для

предоставленія сказаннаго права Финляндскимъ гражданамъ всѣхъ безъ различія христіанскихъ исповѣданій.

Въ § 45-мъ проектъ постановляетъ, что всѣ служащіе, не исключая даже и состоящихъ на военной службѣ, «могутъ быть лишаемы своихъ должностей и мѣстъ лишь по слѣдствію и по суду». Понятно, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести принципъ несмѣняемости въ примѣненіи къ административнымъ должностямъ, не говоря уже о войскѣ. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано, во-первыхъ, относительно «довѣренныхъ лицъ», значеніе которыхъ, по сознанію самихъ составителей проекта, не опредѣлено ясно даже въ старыхъ Шведскихъ законахъ, и потомъ относительно лицъ, которыя «принимаютъ участіе въ областномъ управленіи». Значеніе этой послѣдней фразы также слишкомъ неопредѣленно и можетъ подавать поводъ къ разнымъ противорѣчивымъ толкованіямъ. Правило о несмѣняемости служащихъ лицъ подкрѣплено, какъ обыкновенно, ссылками на старо-Шведскіе законы, тогда какъ въ существующемъ Финляндскомъ законодательствѣ ничего подобнаго не находится, а относительно напр. членовъ Сената прямо сказано: «Списокъ членовъ Сената утверждается его Императорскимъ Величествомъ чрезъ каждые три года. Отъ благоизволенія Его Императорскаго Величества зависѣть будетъ возобновленіе всего числа членовъ, или оставленіе прежняго назначенія въ цѣлости, либо въ нѣкоторой части» (§§ 11 и 13 Учр. Прав. Совѣта). Въ Швеціи несмѣняемость служащихъ лицъ, какъ сознаются и сами составители проекта (мотивы, стр. 70), была послѣдствіемъ преобладанія дворянскаго сословія, которое занимало всѣ важнѣйшія должности въ государствѣ и само для себя создало правило несмѣняемости. Только по отношенію къ членамъ судебнаго департамента Сената проектъ дѣлаетъ неожиданное исключеніе изъ общаго правила о несмѣняемости судей, «въ виду, какъ говорится въ мотивахъ, дѣйствующей практики». Повидимому это исключеніе для того только и сдѣлано комитетомъ, чтобы имѣть предлогъ заявить въ мотивахъ, что «увольненіе сенатора судебнаго департамента противорѣчитъ основному закону и можетъ повлечь за собой для него потерю всякой должности на государственной службѣ» (мотивы стр. 72). Для поясненія послѣднихъ словъ надобно замѣтить, что, по § 9-му Учрежденія Правительствующаго Совѣта, члены его, въ виду назначенія ихъ только на три года, сохраняли за собою ихъ прежнія должности съ присвоенными имъ окладами; но высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ въ 1857 году, эта привилегія сенаторовъ была уничтожена. На это собственно и жалуются составители проекта, говоря, что теперь увольненіе сенатора можетъ повлечь за собою потерю

для него всякой должности на государственной службѣ, и объявляютъ такое высочайшее распоряженіе «противорѣчащимъ основному закону».

§ 47-ой требуетъ, чтобы военно-служащіе приносили присягу на вѣрность Императору и Великому Князю и *странѣ*, т. е. Финляндіи. Въ § 88-омъ Устава о воинской повинности, на который сдѣлана здѣсь ссылка, ничего не говорится о томъ, кому должны присягать въ вѣрности Финскія войска, а уклончиво сказано лишь, что «начальникъ приводитъ ихъ къ присягѣ, соображаясь съ § 18 Формы правленія». Раскрываемъ Форму правленія и въ § 18 читаемъ: «всѣ военныя силы государства должны учинять присягу на вѣрность королевскому величеству, государству и государственнымъ чинамъ». Такъ какъ сказать прямо въ Воинскомъ Уставѣ, что Финское войско присягаетъ земскимъ чинамъ, было рискованно, ибо слова эти могли попасться на глаза Императору, то избранъ былъ обычный путь нѣмой ссылки на Форму правленія, въ той увѣренности, что никому изъ Русскихъ Шведская Форма правленія 1772 г. неизвѣстна и что, при утвержденіи Воинскаго Устава, Императору придется полагаться только на засвидѣтельствованіе Финляндскаго министра статсъ-секретаря, что въ этомъ Актѣ нѣтъ ничего противнаго вѣрноподданническому долгу и общегосударственной пользѣ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что § 18-ый Формы правленія, на который сдѣлана ссылка въ проектѣ, въ самой Швеціи считался упраздненнымъ за силою § 1-го Акта соединенія 1789 г. и что съ этого года присяга войскъ государственнымъ чинамъ болѣе уже не примѣнялась ни при Густавѣ III, ни при его преемникѣ. Сталобыть, составители проекта, какъ и составители Воинскаго Устава, сдѣлали въ этомъ случаѣ сугубый подлогъ. Ясно, что и генералъ-адъютантъ Милютинъ оставилъ § 88-ой Воинскаго Устава безъ возраженія, потому что былъ введенъ въ заблужденіе сказанною уловкою редакторовъ. Свою всеподданнѣйшую записку по поводу предположеннаго формированія Финляндскаго войска онъ именно начиналъ заявленіемъ, что связь Финляндіи съ Россіею должна прежде всего выражаться въ единствѣ Верховной власти и въ единствѣ управленія военными дѣлами; но тамъ уже не существуетъ единства Верховной власти, гдѣ даже войско обязывается присягать на вѣрность не только Императору, но и земскимъ чинамъ, какъ второй Верховной власти.

Въ § 50-мъ проекта запрещается «безъ согласія земскихъ чиновъ дѣлать наборъ войска въ иныхъ случаяхъ или въ иномъ порядкѣ, чѣмъ установлено въ сей Формѣ правленія и въ дѣйствующемъ Уставѣ о воинской повинности, и при этомъ сочинители проекта ссылаются на

Уставъ о воинской повинности, безъ указанія однако параграфа, и на § 45 Формы правленія 1772 г. Но въ Уставѣ о воинской повинности ничего подобнаго не заключается, а указываемый параграфъ Формы правленія 1772 г. (если бы даже и признавать ее дѣйствующимъ въ Финляндіи закономъ) принадлежалъ въ самой Швеціи къ числу статей, отмѣненныхъ § 1-мъ Акта соединенія 1789 года.

Въ §§ 63—69 проекта окончательно ограничивается власть Русскаго Императора въ дѣлахъ законодательства и управленія, и центръ тяжести правительственной власти переносится съ Государя на сеймовыхъ депутатовъ. Здѣсь Русскій Императоръ лишается даже тѣхъ правъ, которыя несомнѣнно принадлежали Шведскому королю по Акту соединенія 1789 г., и къ нему примѣняются, и то съ разными урѣзками, предписанія Шведской Формы правленія 1772 г. и королевскаго отдѣла въ земскомъ учрежденіи 1442 г. Такъ въ § 63 составители проекта примѣняютъ къ Русскому Императору § 40-й Формы Правленія 1772 г. о томъ, что король не могъ издавать новаго закона или отмѣнять стараго безъ согласія государственныхъ чиновъ, тогда какъ, на основаніи позднѣйшаго закона, именно § 1-го Акта соединенія и охраненія 1789 г., «король имѣлъ полную власть управлять государствомъ и въ дѣлахъ, относящихся къ попеченію о государствѣ, завѣдывать, какъ ему покажется наиполезнѣйшимъ». Историкъ Шведскаго государственнаго права Науманъ говоритъ, что, въ силу Акта соединенія, Шведскій король былъ облеченъ властью, граничившею съ самодержавіемъ, и имѣлъ право распоряжаться, какъ ему казалось полезнѣйшимъ, веденіемъ всѣхъ дѣлъ, касавшихся попеченія о государствѣ, подъ чѣмъ главнымъ образомъ разумѣлось устройство управленія. Пользуясь верховнымъ правомъ законодательства, Густавъ III (при которомъ изданъ былъ Актъ соединенія и охраненія), безъ всякаго участія риксдага, упразднилъ государственный совѣтъ, преобразовалъ коллегіи, учредилъ высшій королевскій судъ и особое установленіе, изготовлявшее для доклада королю всѣ дѣла, которыя прежде производились въ государственномъ совѣтѣ. Кромѣ того § 6-й Акта соединенія прямо постановляетъ, что «на риксдагахъ государственные чины не занимаются никакими иными дѣлами, кромѣ тѣхъ, какія имъ предлагаетъ король, какъ это было въ обычаѣ до 1680 г.». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что, въ послѣдній періодъ Шведскаго господства надъ Финляндіею, отъ усмотрѣнія короля зависѣло передавать тѣ или другіе законодательные проекты на обсужденіе сейма, или же вводить законы собственною властью. Только относительно назначенія чрезвычайныхъ или такъ-называвшихся добровольныхъ податей требовалось согласіе

народа (§ 5 Акта соединенія и охраненія). Сочинители Формы правленія для Финляндіи уступаютъ Русскому Императору право издавать безъ одобренія сейма только законы, «касающіеся общественнаго хозяйства страны» (§ 64). Но, употребивъ этотъ столь неопредѣленный терминъ для означенія законодательныхъ прерогативъ Русскаго Монарха, они тутъ же (§ 63) требуютъ согласія сейма на изданіе и измѣненіе лѣснаго устава, законовъ о промыслахъ, объ общинномъ управленіи городскомъ и сельскомъ, о призрѣніи бѣдныхъ, а также на измѣненіе Общаго Уложенія 1734 г., въ которомъ цѣлыхъ два отдѣла (о строеніи и о торговлѣ), посвящены именно общественному хозяйству страны. Спрашивается, что же оставляется единоличной власти Русскаго Императора подъ именемъ законовъ, касающихся общественнаго хозяйства страны? Не найдя даже въ Формѣ правленія 1772 г. указаній на то, чтобъ такія постановленія, какъ лѣсной уставъ, законы объ общинномъ управленіи, о промыслахъ, о призрѣніи бѣдныхъ, требовали согласія риксдага (мотивы, стр. 86), сочинители проекта ссылаются на самые уставы, изданные по этимъ предметамъ послѣ 1863 года, не указывая однако подлежащихъ параграфовъ. Изъ разсмотрѣнія этихъ уставовъ оказывается однако, что хотя они и были на предварительномъ обсужденіи сеймовъ, но въ нихъ ничего не говорится о томъ, что они не могутъ быть измѣняемы безъ согласія земскихъ чиновъ. Въ томъ же § 63-мъ проектъ, ссылаясь на §§ 40-й и 41-й Формы правленія 1772 г. (по обыкновенію вовсе не заключающіе въ себѣ того, что проектъ желаетъ подтвердить), прибавляетъ, что сверхъ перечисленныхъ здѣсь законовъ, требующихъ согласія сейма (и обнимающихъ почти всю сферу законодательства) «никакой законъ или постановленіе въ тѣхъ частяхъ своихъ, въ изданіи которыхъ земскіе чины принимали участіе, не можетъ быть измѣняемъ, отмѣняемъ или поясняемъ иначе, какъ съ согласія земскихъ чиновъ». А такъ какъ съ 1863 года на разсмотрѣніе Финляндскаго сейма были передаваемы законы почти по всѣмъ частямъ законодательства и самый Регламентъ Сената, по толкованію составителей проекта, принятъ съ одобренія Боргоскаго сейма: то отсюда выходитъ, что Русскому Императору не оставляется ни одного пункта въ законодательствѣ, гдѣ онъ могъ бы дѣйствовать самостоятельно, не испрашивая согласія земскихъ чиновъ. Наконецъ, въ § 64 составители проекта прибавили еще такое правило для ограниченія правъ Монарха: «Если приходится издавать законъ по предмету, о которомъ прежде не было постановлено, то на основаніи общихъ положеній (т.-е. по постановленію сейма) опредѣляется, принадлежитъ ли въ семъ случаѣ законодательное право Императору и Великому Князю одному, или ему и земскимъ чинамъ вмѣстѣ». Здѣсь,

кромѣ ссылки на Форму правленія 1772 г. и рѣшеніе Шведскаго риксдага 1779 г., сдѣлана ссылка на § 75 Сеймоваго Устава 1869 г. Эта ссылка по обыкновенію оказывается невѣрною, ибо въ приведенномъ § 75 вовсе не говорится о томъ, чтобы сеймъ имѣлъ право рѣшать, подлежитъ ли тотъ или другой законодательный вопросъ единоличному рѣшенію Императора или же совокупному рѣшенію Императора и земскихъ чиновъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ многочисленныхъ ссылокъ, приведенныхъ комитетомъ подъ §§ 63 и 64, ограничивающими законодательную власть Императора согласіемъ земскихъ чиновъ, вѣрною оказывается только одна ссылка на Церковное Уложеніе 1869 г., по которому разсмотрѣніе и утвержденіе церковныхъ законовъ зависитъ отъ Государя Императора и земскихъ чиновъ Финляндіи. Всѣ остальныя ограниченія власти Монарха въ дѣлахъ законодательства придуманы самими сочинителями Финляндской Формы правленія. Явный и единственно обязательный смыслъ § 71-го Сеймоваго Устава былъ уже разъясненъ въ своемъ мѣстѣ, такъ что и ссылка на этотъ параграфъ оказывается неосновательною. Между тѣмъ составители проекта прошли совершеннымъ молчаніемъ Учрежденіе Правительствующаго Совѣта, т.-е. законъ, несомнѣнно дѣйствующій въ Финляндіи и до сихъ поръ, о которомъ сами же они отзываются, будто онъ изданъ съ согласія Боргоскаго сейма. Въ §§ 15—18 этого закона, какъ было уже сказано, изъятіе изъ законоположеній, мѣры законодательныя и поясненіе существующихъ узаконеній отнесены непосредственно къ высочайшей власти.

Если соединить въ одно всѣ ограниченія монаршей власти, нанизанныя въ §§ 63 и 64 проекта, то окажется, что Русскій Императоръ ни по одной категоріи законодательства не пользуется самостоятельною властью, но безусловно вездѣ долженъ обращаться за одобреніемъ и разрѣшеніемъ къ земскимъ чинамъ. Ему какъ будто предоставлено рѣшать единолично законодательные вопросы, касающіеся общественнаго хозяйства страны; но вопросъ о томъ, принадлежитъ ли какой-нибудь вновь проектируемый законъ къ этой категоріи, рѣшается опять земскими чинами. «Для отвѣта на такой вопросъ, говоритъ комитетъ въ своихъ мотивахъ (стр. 83), требуется особое изслѣдованіе въ каждомъ конкретномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что понятіе и объемъ экономическаго законодательства измѣняются сообразно развитію общества, и многое такое, что̀ раньше безспорно составляло часть этого законодательства, вслѣдствіе болѣе развитыхъ отношеній должно быть отнесено теперь къ области общаго закона. Отсюда вытекаетъ въ качествѣ необходимаго и признаннаго послѣдствія, что въ случаѣ

если подвержено сомнѣнію, къ какой вѣтви законодательства отнести вновь возникающій вопросъ, слѣдуетъ примѣнять общее основное положеніе государственнаго строя Финляндіи: никакого новаго закона безъ согласія земскихъ чиновъ» (мотивы, стр. 83—84). Кромѣ того, если вопросъ изъ сферы административнаго или экономическаго законодательства хотя разъ попалъ на разсмотрѣніе сейма, то онъ не можетъ уже быть вновь рѣшаемъ безъ согласія сейма, вслѣдствіе чего всѣ безъ исключенія экономическіе вопросы должны мало-по-малу перейти въ область сеймовыхъ рѣшеній. Всякія поясненія въ законахъ, въ силу § 63 проекта, также требуютъ согласія сейма. Наконецъ, по толкованію Финляндскихъ законовѣдовъ (напр. Мехелина въ его Précis du droit public du Gr.-Duché de Finlande, стр. 68—69, въ переводѣ Ордина), самыя предложенія законовъ, вносимыя Императоромъ на сеймъ, должны быть изготовляемы въ общемъ собраніи Финляндскаго Сената; а по заявленію составителей проекта, таковыя высочайшія предложенія (вѣроятно когда они изготовлены не въ Сенатѣ) должны быть предварительно препровождаемы въ Сенатъ, для полученія по нимъ его отзыва. Такое правило комитетъ Вейсенберга выводитъ изъ свойствъ Сената, какъ общаго управленія страны (мотивы, стр. 89), прибавляя, что «опредѣленнаго постановленія объ этомъ онъ не счелъ возможнымъ включать въ проектъ». Между тѣмъ каждый сеймовый депутатъ имѣетъ право, съ 1886 г., дѣлать на сеймѣ непосредственныя предложенія, не справляясь съ мнѣніемъ Сената.

Въ §§ 68 и 69 проектъ постановляетъ, что «безъ согласія и одобренія земскихъ чиновъ нельзя установлять новыя или увеличенныя противъ прежнихъ подати или иные налоги или дѣлать казенный заемъ», и что въ случаѣ назначенія чрезвычайной подати, «земскіе чины имѣютъ неоспоримое право совѣщаться, уговариваться, отказываться и входить въ соглашеніе съ Императоромъ и Великимъ Княземъ о томъ, что̀ можетъ быть признано нужнымъ для содержанія страны», и что «земскимъ чинамъ предоставляется право установлять срокъ для взиманія чрезвычайной подати и опредѣлять цѣли, для коихъ она должна быть употребляема, а также ставить и другія условія касательно употребленія доходовъ казны». Такое ограниченіе Верховной власти Русскаго Монарха комитетъ основываетъ на королевскомъ отдѣлѣ въ земскомъ уложеніи 1442 г., на Формѣ правленія 1772 г., на Актѣ соединенія 1789 г. и на §§ 27, 36 и 72 Сеймоваго Устава 1869 г. Первыя три законодательства никакого отношенія къ Финляндіи не имѣютъ послѣ присоединенія ея къ Россіи; что же касается до приведенныхъ параграфовъ Сеймоваго Устава, то въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго огра-

ниченія правъ Русскаго Монарха въ назначеніи податей и налоговъ. Въ § 36 говорится о томъ, что одна изъ пяти учреждаемыхъ во время собранія сейма комиссій (статная) обязана давать сейму отзывы о способѣ покрытія расходовъ въ случаѣ недостаточности ординарныхъ доходовъ и разсматривать, какимъ образомъ были употреблены назначенныя на предыдущемъ сеймѣ ассигновки. Въ § 72 говорится о томъ, какъ слѣдуетъ поступать, если не всѣ сословія придутъ къ одинаковому мнѣнію «относительно основаній для какой-либо чрезвычайной подати и о раскладкѣ таковой», въ томъ конечно предположеніи, что обсужденіе этихъ вопросовъ будетъ предоставлено Монархомъ сеймовымъ депутатамъ. Наконецъ въ § 27 говорится о томъ, что «на каждомъ сеймѣ имѣетъ быть сообщаемо земскимъ чинамъ о состояніи статнаго вѣдомства, дабы доставить имъ свѣдѣнія объ употребленіи доходовъ казны въ пользу и на благо края». Слѣдовательно цитированные въ проектѣ параграфы Сеймоваго Устава опредѣляютъ лишь внѣшнюю процедуру назначенія тѣхъ налоговъ, установленіе которыхъ будетъ Государемъ Императоромъ предоставлено сейму, и порядокъ наблюденія за исполненіемъ ежегодныхъ росписей, чѣмъ отнюдь не стѣсняется право Монарха назначать подати и другіе налоги собственною властью, безъ обсужденія этихъ дѣлъ на сеймѣ. Составители проекта, пускаясь въ глубь вѣковъ со своими изслѣдованіями, ссылаясь на Шведскіе законы XV и XVIII вѣка и приводя невѣрныя цитаты изъ Сеймоваго Устава, тщательно умалчиваютъ, какъ въ ссылкахъ подъ статьями проекта, такъ и въ мотивахъ къ онымъ, о томъ, что вопросъ о налогахъ, какъ ординарныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, равно какъ и о назначеніи расходовъ, давно уже рѣшенъ въ смыслѣ прямо противоположномъ тому, который выводится комитетомъ, и рѣшенъ узаконеніями, дѣйствующими въ Финляндіи до сей минуты, именно въ § 16 и въ гл. II-ой § 42-го учрежденія Правительствующаго Совѣта и въ § 8 отдѣла II высочайшаго манифеста 17 Марта 1826 г. объ учрежденіи Статсъ-Секретаріата, о чемъ было подробно сказано въ своемъ мѣстѣ. На основаніи этихъ узаконеній, налоги взимались въ Финляндіи, въ теченіе болѣе полустолѣтія, по высочайшимъ постановленіямъ, и никогда не возбуждалось вопроса о необходимости ожидать на сіе разрѣшенія сейма; равнымъ образомъ и расходы назначались ежегодно росписью, утверждавшеюся высочайшею властію.§

Въ Форму правленія для Великаго Княжества Финляндскаго комитетъ включилъ также постановленія о различныхъ видахъ землевладѣнія (§§ 74—92) и о привилегіяхъ, соединенныхъ съ владѣніемъ фрельсовыми или дворянскими имѣніями. Хотя нѣтъ ничего общаго между

этими предметами и основными законами о формѣ государственнаго правленія, но комитету нужно было какимъ-нибудь способомъ упрочить на будущее время за дворянскими имѣніями неприкосновенность многоразличныхъ поземельныхъ привилегій, унаслѣдованныхъ еще отъ временъ дворянской вольницы, когда всевластное Шведское дворянство само освободило свои земли отъ государственныхъ налоговъ и повинностей: потому-то эти поземельныя привилегіи и включены въ Форму правленія. Правда, въ 1864 г. (2 Апрѣля) состоялся законъ, отмѣнившій существовавшее дотолѣ запрещеніе другимъ сословіямъ пріобрѣтать свободныя отъ повинностей дворянскія земли и, въ случаѣ ихъ пріобрѣтенія не-дворянами, признавшій за этими землями сохраненіе прежнихъ льготъ. Но этотъ законъ, которому Финляндское дворянство придало видъ какъ-бы дѣйствія, внушеннаго идеею равноправности, на самомъ дѣлѣ прямо направленъ къ выгодѣ дворянства; ибо онъ разомъ возвысилъ продажныя цѣны дворянскихъ земель и содѣйствовалъ значительному переходу ихъ къ прочимъ сословіямъ. Дворянъ-землевладѣльцевъ въ Финляндіи очень немного; большинство же лицъ, принадлежащихъ къ этому званію, состоитъ изъ чиновниковъ, живущихъ службой въ многочисленныхъ казенныхъ учрежденіяхъ этой провинціи, которая, по числу жителей, соотвѣтствуетъ приблизительно Кіевской губерніи. Множество Финляндскихъ дворянъ служитъ на Русской военной и гражданской службѣ. Если бы Финляндское дворянство дѣйствительно желало общей равноправности относительно поземельныхъ налоговъ, то оно прямо отказалось бы отъ своихъ поземельныхъ привилегій и приняло бы, на ряду съ сельскимъ и городскимъ сословіями, участіе въ повинностяхъ. Но оно этого не сдѣлало, а только громко заявило, что уступаетъ другимъ сословіямъ право покупать отъ него сетерейно-фрельсовыя земли, съ тѣмъ, что и послѣ перехода ихъ къ не-дворянамъ за ними сохраняется льгота отъ разныхъ податей и повинностей.

Въ послѣднемъ 93-мъ параграфѣ проекта Формы правленія предписывается, что она «во всѣхъ своихъ частяхъ должна дѣйствовать, какъ непоколебимый основной законъ *для Финляндскаго Монарха* и народа, и должна быть примѣняема по истинному смыслу словъ». Здѣсь Русскому Императору, неограниченному обладателю Финляндіи по праву завоеванія, предписывается, какъ непоколебимый основной законъ, сочиненный Финляндцами тенденціозный подборъ старыхъ Шведскихъ узаконеній, не имѣющихъ никакого отношенія къ Финляндіи послѣ ея завоеванія Петромъ Великимъ, Елисаветою и Александромъ I. Такъ и это послѣдне-приведенное предписаніе проекта основано, какъ

видно изъ ссылокъ, на введеніи и утвержденіи Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и охраненія 1789 г., въ которыхъ, какъ было уже сказано прежде, заключаются обязательства, не только непримѣнимыя къ Русскому Монарху, но и въ высшей степени оскорбительныя для его достоинства. Затѣмъ въ томъ же § 93 Русскому Императору предписывается, какъ онъ долженъ править Финляндіею, именно, что ему «надлежитъ быть для всего Финскаго народа неизмѣнно вѣрнымъ правителемъ, который ни въ чемъ не поступаетъ вопреки сему закону и своимъ обѣщаніямъ, но скорѣе увеличиваетъ ихъ всѣмъ, что̀ можетъ относиться къ благосостоянію страны». Эти патріархальныя предписанія выводятся изъ королевскаго отдѣла земскаго уложенія 1442 г. Въ томъ же параграфѣ проекта говорится, что «Финляндскій народъ долженъ оказывать Императору и Великому Князю надлежащее повиновеніе и слѣдовать его повелѣніямъ, въ согласіи съ сею Формою правленія, во всемъ, что̀ ему повелѣвать, а подданнымъ исполнять приличествуетъ предъ Богомъ и людьми», и опять ссылка на королевскій отдѣлъ 1442 г. и Форму правленія 1772 г., и кромѣ того на присягу депутатовъ на Боргоскомъ сеймѣ. Само собою разумѣется, въ этой присягѣ не находилось никакихъ подобныхъ оговорокъ относительно того, подъ какими условіями депутаты давали за себя и за Финскій народъ обѣтъ вѣрности (см. Пок. Ф. Ордина, II, 355). Самъ комитетъ сознается, что обязательства, подобныя § 93-му проекта, «рѣдко и едва-ли даже вообще когда-нибудь вносились въ новѣйшія государственныя конституціи»; тѣмъ не менѣе онъ находитъ, что такое предписаніе «не лишено значенія» (мотивы, стр. 107).

Изъ сдѣланнаго здѣсь обзора проекта Формы правленія видно, что онъ вовсе не представляетъ собою кодификаціи существующихъ въ Финляндіи и признанныхъ Верховною властью узаконеній, о которыхъ напротивъ того онъ систематически умалчиваетъ, если они постановлены безъ содѣйствія сейма. Проектъ этотъ есть совершенно произвольный подборъ Шведскихъ узаконеній прежнихъ столѣтій, никогда Русскими императорами неутверждавшихся, подборъ, сдѣланный съ цѣлію лишить Русскаго Императора неотъемлемо принадлежащихъ ему правъ по законодательству и управленію и создать изъ Финляндіи самостоятельное государство, такъ чтобы никакія общегосударственныя требованія Россіи не могли вліять на Финляндскіе законы и порядки. Комитетъ, для оправданія своей законодательной теоріи, дѣлаетъ завѣдомо ложныя ссылки на статьи изданныхъ въ Финляндіи послѣ 1863 г. законовъ, не имѣющія никакого отношенія къ сочиненнымъ имъ законоположеніямъ, а напротивъ того — нѣкоторыя законоположенія, изданныя до

1863 г. самодержавною властію безъ всякаго соображенія съ прежними Шведскими законами, выдаетъ за прямое послѣдствіе этихъ законовъ. Объясненія къ проекту комитета представляютъ непрерывную цѣпь историческихъ вымысловъ и юридическихъ несообразностей, натянутыхъ или прямо превратныхъ толкованій смысла цитируемыхъ узаконеній, придирокъ къ отдѣльнымъ словамъ наперекоръ смыслу всего приводимаго узаконенія. Комитетъ измѣняетъ текстъ позднѣйшихъ узаконеній, каковы Регламентъ Правительствующаго Совѣта и постановленіе о Статсъ-Секретаріатѣ, по Шведскимъ, болѣе раннимъ узаконеніямъ (см. напр. §§ 24, 26, 27, 29 и 39 проекта); вырываетъ разныя постановленія и даже отдѣльныя фразы Шведскихъ законовъ изъ той связи, въ какой онѣ тамъ находятся, формулируетъ ихъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, видоизмѣняя иногда до неузнаваемости, и вставляетъ потомъ въ свой проектъ уже совсѣмъ въ другой связи, отчего существенно измѣняется ихъ смыслъ. Самое названіе проекта «Форма правленія», примѣнявшееся обыкновенно къ основнымъ государственнымъ законамъ самостоятельнаго Шведскаго королевства, не соотвѣтствуетъ не только положенію Финляндіи, какъ провинціи, состоящей въ собственности и державномъ обладаніи Россійской Имперіи, но и самому содержанію проекта, такъ какъ въ немъ параграфы объ управленіи и законодательствѣ занимаютъ лишь меньшую часть, а большая часть проекта не имѣетъ никакого отношенія къ образу правленія, какъ напр. постановленія, касающіяся землевладѣнія, которыя никогда не входили въ Шведскія Формы правленія.

Кромѣ Формы правленія комитетъ Вейсенберга составилъ и включилъ въ основные законы Финляндіи постановленія о сословныхъ привилегіяхъ, т. е. собственно о привилегіяхъ дворянства и духовенства, такъ какъ всѣ привилегіи городовъ ограничиваются подтвержденіемъ за ними права выбирать себѣ бургомистровъ и ратмановъ и управлять собственными городскими кассами; а всѣ привилегіи крестьянства заключаются въ одной статьѣ, гласящей, что крестьянина, владѣющаго землей (но не безземельнаго, каковыхъ въ Финляндіи больше половины всего количества сельскаго населенія), «нельзя арестовать, если только судья или иное должностное лицо не найдетъ нужнымъ взять его подъ стражу». Сословныя привилегіи комитетъ, по его словамъ, потому включилъ въ основные законы, что, «будучи основаны первоначально на нѣкотораго рода договорѣ между монархомъ и тѣмъ или другимъ сословіемъ, они въ теченіе XVIII столѣтія получили такое значеніе, что ихъ нельзя было измѣнять или отмѣнять, а также давать новыя привилегіи безъ согласія всѣхъ четырехъ сословій» (мотивы, стр. 9).

Поземельныя привилегіи дворянства включены комитетомъ, какъ мы видѣли, не въ отдѣлъ сословныхъ привилегій, а въ Форму правленія, такъ какъ они какъ бы перестали быть сословными привилегіями послѣ закона 2 Апрѣля 1864 г.; въ проектъ же сословныхъ привилегій внесены только личныя привилегіи дворянства. Какъ тѣ такъ и другія привилегіи дворянства комитетъ основываетъ на привилегіяхъ, утвержденныхъ за Шведскимъ дворянствомъ въ 1723 г. королемъ Фридрихомъ Гессенскимъ, выбраннымъ на престолъ самимъ же дворянствомъ, которое и предписывало ему законы на всей своей волѣ и самовластно распоряжалось дѣлами на сеймахъ, не обращая вниманія на протесты горожанъ и крестьянства. Одни изъ дворянскихъ привилегій, внесенныхъ въ проектъ, не соотвѣтствуютъ цѣлямъ благоустроеннаго государственнаго управленія, другія же прямо направлены противъ державныхъ правъ Россіи. Такъ по § 1-му «у дворянина нельзя отнимать (конфисковать) писемъ или инаго имущества или производить въ нихъ обыскъ прежде, чѣмъ онъ не замѣченъ, не изобличенъ законнымъ образомъ и не осужденъ за такое преступленіе, за которое полагается по закону лишеніе жизни, чести и имущества». Въ мотивахъ къ этому параграфу (стр. 5) комитетъ говоритъ, что это постановленіе о конфискаціи и обыскѣ, взятое имъ изъ дворянскихъ привилегій 1723 г., составляетъ исключительную привилегію дворянства, ко всѣмъ же другимъ сословіямъ примѣняются постановленія общаго закона о производствѣ конфискаціи и домоваго обыска до осужденія. Эта дворянская привилегія, противорѣчащая самымъ элементарнымъ понятіямъ о цѣли всякаго обыска, какъ средства къ раскрытію преступленія, и потому предшествующаго суду, а не слѣдующаго за нимъ, открываетъ Финляндскому дворянину возможность ускользать отъ привлеченія къ суду и скрыться за границу въ случаѣ напр. политическаго преступленія, такъ какъ личный его арестъ, по тому же § 1-му, также возбраняется, «пока онъ не уличенъ въ тяжкомъ преступленіи или пока судья, по закону и порядку судопроизводства, не признаетъ нужнымъ взять его подъ стражу». Здѣсь слѣдуетъ припомнить, что въ составленномъ Финляндскимъ Сенатомъ Уголовномъ Уложеніи 1889 г., введеніе котораго было потомъ пріостановлено по высочайшему повелѣнію, обойдены совершеннымъ молчаніемъ такого рода преступленія, какъ заговоръ на совершеніе измѣнническихъ дѣйствій противъ Русскаго государства или его правительства и шпіонство въ мирное время. Изъ сопоставленія этого умолчанія съ приведеннымъ выше § 1-мъ проекта сословныхъ привилегій выходитъ, что, въ случаѣ утвержденія этого проекта и введенія въ дѣйствіе Уголовнаго Уложенія 1889 г., въ Финляндіи каждый тамошній дворянинъ могъ бы совершенно безнаказанно соста-

влять заговоры противъ Россіи и ея правительства и упражняться въ шпіонствѣ, по подговору враждебныхъ намъ правительствъ: сказанный § 1-ый проекта узаконялъ бы его неприкосновенность.

По § 7-му проекта сословныхъ привилегій, «дворянинъ освобождается отъ всякихъ казенныхъ повинностей и налоговъ съ находящагося въ городѣ его дома и двора, въ которомъ онъ самъ живетъ». Такимъ образомъ, по проекту, Финляндское дворянство ни со своихъ земель, ни со своихъ домовъ не платитъ ничего на содержаніе провинціальныхъ Финляндскихъ учрежденій и на общественное благоустройство, хотя само широко пользуется всѣми выгодами того и другаго.

Въ § 4-мъ дворянскихъ привилегій 1723 г. сказано, что каждому Шведскому дворянину «дается свобода и дозволеніе поступать на военную и иную службу къ чужеземнымъ государямъ». Комитетъ въ § 3-мъ своего проекта перефразировалъ это постановленіе такимъ образомъ: «дворянину дозволяется поступать на военную или иную службу *иностранной дружественной* державы», а въ мотивахъ къ этой статьѣ комитетъ поясняетъ, что «право находиться за границей и служить въ иностранной военной или гражданской службѣ, предоставленное дворянамъ § 4-мъ привилегій 1723 г., само собою ограничивается постановленіемъ, изложеннымъ въ § 1-мъ главы 4 й отдѣла о преступленіяхъ (въ Общемъ Уложеніи 1734 г.), въ томъ смыслѣ, что можно служить только у дружественной державы. Въ приведенномъ здѣсь параграфѣ и слѣдующихъ за нимъ отдѣлахъ о преступленіяхъ установлена смертная казнь тому, кто наведетъ непріятельское войско противъ государства, или изобличенъ будетъ въ какомъ-либо замыслѣ противъ государства, будетъ покушаться предать страну или народъ, военную силу, запасные магазины и т. п. Въ слѣдующихъ затѣмъ параграфахъ смертная казнь опредѣляется и тому, кто будетъ способствовать такой измѣнѣ письмомъ, совѣтомъ или пособіемъ, или кто, зная о существованіи измѣнническихъ замысловъ, во́ время не откроетъ ихъ. Такъ какъ подъ словами «иностранная держава» и «за границей» Финляндскіе законовѣды прежде всего и спеціально подразумѣваютъ Россію, а подъ «государствомъ» разумѣютъ Финляндію: то становится весьма понятно, какимъ изъ своихъ согражданъ дворянскаго сословія и въ предвидѣніи какихъ случайностей угрожаютъ смертною казнію составители проекта въ своемъ толкованіи сочиненнаго ими § 3-го привилегій дворянства. Тенденціи составителей этого проекта и тонъ ихъ по отношенію къ Россіи и Русскимъ выступаютъ особенно рельефно, если это отнесеніе Россіи къ числу иностранныхъ державъ, это недопущеніе Русскихъ

офицеровъ вступать въ Финское войско, это воспрещеніе производить даже натурализованныхъ въ Финляндіи Русскихъ, отбывающихъ тамъ воинскую повинность, въ офицерскіе чины, если все это сопоставить съ тѣмъ фактомъ, что сами Финляндцы принимаются въ Россіи во всѣ роды службы, безъ всякаго различія отъ коренныхъ Русскихъ и достигаютъ нерѣдко высшихъ государственныхъ должностей, а дѣти ихъ воспитываются на казенный счетъ въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи.

Въ § 4-мъ проекта привилегій говорится: «Буде пожелаетъ дворянинъ перемѣнить свое мѣстожительство и выселиться въ иную страну, то сіе дозволяется. Дворянинъ, такимъ образомъ выселяющійся изъ страны, теряетъ мѣсто и право голоса въ рыцарскомъ домѣ». Это постановленіе опять есть перефразировка § 32-го привилегій 1723 г., гдѣ было сказано, что «буде пожелаетъ какой-либо Шведскій дворянинъ поселиться за границей подъ властью какого-либо правительства, состоящаго съ нашимъ государствомъ въ мирѣ и дружбѣ, то» и т. д. Такимъ образомъ требованіе, бывшее въ Шведскихъ законахъ совершенно умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ, составители проекта, посредствомъ извращенія смысла и выраженій, примѣняютъ къ Финляндцамъ, какъ бы къ подданнымъ самостоятельнаго Финляндскаго государства, относительно котораго Россія является «иною страною» или «иностранною державою».

Начало коренного измѣненія въ порядкѣ изданія узаконеній для Финляндіи.

Увѣренность Финляндцевъ въ томъ, что проектъ, составленный комиссіей Вейсенберга, пройдетъ мимо обще-государственныхъ учрежденій, компетентныхъ въ дѣлѣ законодательства, не оправдалась: по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 1889 году, проектъ этотъ былъ переданъ на заключеніе главноуправлявшаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ и министра юстиціи. Это высочайшее распоряженіе составило поворотную грань въ исторіи Финляндскаго законодательства: оно изъяло его изъ безконтрольнаго распоряженія самихъ Финляндцевъ и подчинило разсмотрѣнію высшихъ государственныхъ учрежденій. Этимъ распоряженіемъ Верховная власть выразила признаніе того начала, что законы Финляндіи и дарованное ей мѣстное самоуправленіе должны быть безусловно подчинены общегосударственнымъ интересамъ той державы, которой она принадлежитъ въ собственность и державное обладаніе. Хотя это начало никогда и прежде не могло подлежать сомнѣнію въ историческомъ и правовомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе на практикѣ оно было сильно поколеблено съ начала шестидесятыхъ годовъ. Въ слѣдующемъ 1890 году тоже начало выразилось въ высочайшемъ манифестѣ о пересмотрѣ составленнаго Финляндцами Уголовнаго Уложенія. Проекты комитета Вейсенберга подвергнуты были въ Кодификаціонномъ Отдѣлѣ и въ Министерствѣ Юстиціи самому тщательному разбору юристами, обнаружившими глубокія познанія, какъ въ старыхъ Шведскихъ законахъ, такъ и въ дѣйствующихъ Финляндскихъ. Въ отзывахъ обоихъ сихъ высшихъ учрежденій съ неопровержимою документальностью доказывалось, что проекты Финляндскаго комитета вовсе не соотвѣтствуютъ требованіямъ кодификаціи и въ превратномъ видѣ представляютъ положеніе Финляндіи по отношеніи къ Имперіи.

Для разсмотрѣнія Финляндскаго проекта въ связи со сказанными отзывами главноуправлявшаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ и министра юстиціи учрежденъ былъ въ Гельсингфорсѣ въ 1890 году, подъ предсѣдательствомъ Финляндскаго генералъ-губернатора, комитетъ изъ восьми Финляндскихъ сенаторовъ, въ который были приглашены генералъ-губернаторомъ два представителя отъ Кодификаціоннаго Отдѣла и одинъ отъ Министерства Юстиціи, для объясненій по отзывамъ этихъ двухъ вѣдомствъ. Къ сожалѣнію, эти представители высшихъ установленій Имперіи были поставлены въ комитетѣ не въ качествѣ полноправныхъ членовъ, какъ бы это слѣдовало, а лишь въ качествѣ экспертовъ. Это

повело къ тому, что Финляндскіе сенаторы легче могли направить ходъ сужденій въ комитетѣ сообразно своимъ видамъ. Въ преніяхъ, происходившихъ въ этомъ комитетѣ, Финляндскіе сенаторы выразили свою полную солидарность съ проектомъ комитета Вейсенберга и рѣшительное несогласіе съ точкою зрѣнія главноуправлявшаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ и министра юстиціи, а равно и Финляндскаго генералъ-губернатора. «Коль скоро *не подлежитъ сомнѣнію*, высказали они между прочимъ, что Форма правленія 1772 года и Актъ соединенія и охраненія 1789 года составляютъ основу, на которой покоится весь государственный и общественный строй Финляндіи, то, очевидно, конституціонная жизнь края *попрежнему* должна опредѣляться всѣми заключающимися въ этихъ актахъ положеніями, на сколько они не потеряли силы, какъ непримѣнимыя вслѣдствіе новыхъ политическихъ условій, вызванныхъ соединеніемъ Финляндіи съ Россіей. Однако для того, чтобы изслѣдованіе этихъ обстоятельствъ (т.-е. какіе изъ прежнихъ Шведскихъ законовъ и на сколько сохранили силу для Финляндіи) могло дать надежный результатъ, необходимо пользоваться древнѣйшими и новѣйшими правовыми источниками *съ знаніемъ дѣла* (намекъ по адресу Русскихъ государственныхъ лицъ и юристовъ, разбиравшихъ Финляндскій проектъ). Въ этомъ отношеніи трудъ кодификаціоннаго комитета (Вейсенберга), выполненный добросовѣстно, съ тщательностію и заботливостью, заслуживаетъ *полнаго признанія*». Одинъ изъ членовъ комитета, говоря о томъ, что съ 1809 по 1863 годъ законы издавались безъ участія сейма, заявлялъ слѣдующее: «Въ Финляндіи возбуждался, правда, вопросъ о значеніи законовъ, изданныхъ съ 1809 по 1863 годъ безъ участія земскихъ чиновъ, но подчинялись все-таки *неотразимому факту* и примѣняли ихъ». Тотъ же членъ, для доказательства, что сеймъ имѣетъ право участвовать при постановленіи всѣхъ законовъ, ссылался на §§ 33, 34 и 35 Сеймоваго Устава, тогда какъ въ нихъ подобнаго правила не содержится. Къ нему по обоимъ заявленіямъ присоединились и всѣ прочіе члены изъ Финляндцевъ.

При такой коренной противоположности взглядовъ Финляндскихъ сенаторовъ и представителей Русскихъ государственныхъ интересовъ, пренія этого комитета не могли привести ни къ какому результату. Находя однако, что проектъ комитета Вейсенберга съ внѣшней или редакціонной стороны требуетъ нѣкотораго упрощенія и сокращенія, упоминаемые восемь сенаторовъ составили отъ себя проектъ основного закона Великаго Княжества, состоящій изъ 27 статей.

Проектъ Финляндскаго Сената.

Затѣмъ, согласно высочайшей волѣ, все это дѣло было передано генералъ-губернаторомъ въ Финляндскій Сенатъ. Сей послѣдній, по разсмотрѣніи дѣла, изложилъ свои заключенія въ особомъ всеподданнѣйшемъ представленіи, которое впослѣдствіи было подробно оглашено Финляндскою печатью. Прежде всего Сенатъ, подобно предшествовавшимъ тремъ Финляндскимъ комитетамъ, занимавшимся этимъ вопросомъ, настаиваетъ на томъ коренномъ пунктѣ нынѣшняго Финляндскаго политическаго ученія, что всѣ Русскіе монархи, начиная съ Александра I, признавали Форму правленія 1772 года и Актъ соединенія 1789 года основными законами Финляндіи и соблюдали ихъ въ дѣлахъ законодательства и представительства этого края. Потомъ Сенатъ въ особенности распространяется по поводу извѣстной оговорки, вставленной въ высочайшее утвержденіе Сеймоваго Устава 1869 года, именно: «Сохраняя за собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ правленія 1772 года и въ Актѣ соединенія и охраненія 1789 года и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ Сеймовомъ Уставѣ, Мы» и т. д. Согласно составленному въ свое время плану, по которому эта столь загадочная оговорка для того именно и была заготовлена, чтобы потомъ основать на ней дальнѣйшія Финляндскія притязанія, Сенатъ прямо уже утверждаетъ, что этою оговоркой императоръ Александръ II-й призналъ, что въ Финляндіи ему принадлежитъ власть съ тѣми конституціонными ограниченіями, которыя опредѣлены въ упомянутыхъ Шведскихъ узаконеніяхъ. Таже оговорка, по словамъ Сената, вполнѣ ясно опровергаетъ *совершенно новый взглядъ*, который проявился въ самое послѣднее время и высказанъ въ отзывахъ главноуправлявшаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ и министра юстиціи. Въ подкрѣпленіе своего утвержденія о признаніи Русскими монархами Шведскихъ конституціонныхъ законовъ, Сенатъ приводитъ также и тѣ ссылки на эти законы, которыя какъ бы мимоходомъ и по разнымъ частнымъ поводамъ вставлялись въ нѣкоторыя подносившіяся на подписаніе въ Бозѣ почившаго Императора высочайшія предложенія сейму. При этомъ Сенатъ поясняетъ, что если въ большинствѣ высочайшихъ предложеній сказанные Шведскіе законы не упоминались, особенно въ самое послѣднее время, то это происходило лишь отъ того, что этого и не требовалось для существа дѣла, такъ какъ основные законы утверждены и извѣстны. Въ этихъ столь рѣшительныхъ выводахъ, дѣлаемыхъ Сенатомъ изъ сказанныхъ ссылокъ на Шведскіе законы, вполнѣ уясняется вся система, задуманная руководителями Финляндской политики съ начала шестидесятыхъ годовъ,

для уловленія Верховной власти посредствомъ частныхъ ссылокъ на Шведскіе законы, никому въ Россіи въ то время неизвѣстные, дабы потомъ имѣть предлогъ утверждать, что эти законы признаны Русскими монархами, какъ дѣйствующіе законы Финляндіи.

Послѣ сказаннаго вступленія Сенатъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ представленіи, излагаетъ въ 34 параграфахъ собственный проектъ свода основныхъ законовъ Финляндіи, составляющій только повтореніе проекта восьми сенаторовъ, частію буквальное, частію съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями редакціи; оба же эти проекта въ существѣ своемъ воспроизводятъ проектъ комитета Вейсенберга, но только въ болѣе сжатомъ видѣ, съ разными перефразировками, съ болѣе систематическимъ размѣщеніемъ статей и съ выпускомъ разныхъ подробностей, не имѣющихъ никакого принципіальнаго значенія. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ проектъ Сената какъ бы исправляетъ увлеченія комитета Вейсенберга, происшедшія отъ слишкомъ буквальнаго воспроизведенія Шведской Формы правленія 1772 г. Напр., Сенатъ вовсе опустилъ § 3-ій проекта кодификаціоннаго комитета, требующій, чтобы Императоръ «при своемъ вступленіи на престолъ собственноручно подписывалъ удостовѣреніе сохранять твердо и ненарушимо въ полной силѣ религію Финляндіи, основные законы, а также сословныя привилегіи», и, какъ бы въ вознагражденіе такового Императорскаго обязательства, постановляющій, что и «жители страны со своей стороны учиняютъ присягу на вѣрноподданство Императору и Великому Князю». Равнымъ образомъ въ § 26 своего проекта Сенатъ предоставляетъ предсѣдательство въ государственномъ судѣ генералъ-губернатору или другому лицу, назначенному Императоромъ, и предоставляетъ Императору же назначать членовъ суда изъ Финляндскихъ должностныхъ лицъ, тогда какъ по § 34-му проекта комитета Вейсенберга для сужденія членовъ Финляндскаго Сената и гофгерихтовъ предсѣдательствовать въ судѣ долженъ самъ Всероссійскій Императоръ или Наслѣдникъ престола, а членами полагались, между прочимъ, несуществующіе во множественномъ числѣ Финляндскіе статсъ-секретари и едва ли часто встрѣчающіеся тамъ полные генералы и адмиралы. Сенатъ, излагая въ § 28 своего проекта постановленія, относящіяся къ вѣроисповѣданіямъ, выпустилъ выраженіе Вейсенберговскаго проекта, что «евангелическо-лютеранское вѣроисповѣданіе есть *государственная* религія страны» (а въ проектѣ восьми сенаторовъ прибавлено «господствующая»). Въ другихъ же случаяхъ Сенатъ, напротивъ того, даетъ выраженіямъ своего проекта такой оттѣнокъ, который еще болѣе умаляетъ власть Русскаго Императора сравнительно съ проектомъ кодификаціоннаго коми-

тета. Такъ, напр., въ § 12 проекта этого комитета сказано, что Императоръ «имѣетъ верховную власть надъ военными силами и укрѣпленіями Финляндіи», а въ § 6 сенатскаго проекта: «Императоръ имѣетъ *главное начальство* надъ войсками и принимаетъ мѣры, признаваемыя необходимыми для обороны Финляндіи и *согласующіяся съ благомъ жителей*». Здѣсь отношенія Русскаго Императора къ Финскимъ войскамъ приравнены къ власти Финляндскаго генералъ-губернатора, которому именно и принадлежитъ главное начальство надъ этими войсками; послѣднія же слова этого параграфа какъ бы даютъ понять Финскому войску, что для него обязательны только тѣ распоряженія Императора, которыя согласуются съ благомъ жителей. Кому же однако предоставляется опредѣлять, согласуются ли или не согласуются распоряженія Русскаго Императора съ благомъ Финляндцевъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается изъ § 88 Устава о воинской повинности, на основаніи котораго Финскія войска обязываются присягать на вѣрность не только Императору, но и земскимъ чинамъ. Изъ этого примѣра видно, какъ въ этой задуманной Финляндцами системѣ мирнаго управленія Русской власти надъ Финляндіею все впередъ предусмотрѣно и какъ каждый новый проектъ только совершенствуетъ и дополняетъ въ этомъ отношеніи то, что было выработано прежними проектами.

Въ § 119 Устава о воинской повинности, для того чтобы согласить хотя наружнымъ образомъ воображаемую Финляндцами политическую отдѣльность ихъ страны отъ Россіи съ невозможностью имѣть собственныхъ министровъ, какъ въ Норвегіи, придуманъ такой замысловатый оборотъ рѣчи: «Военный министръ Имперіи докладываетъ, *въ семъ же званіи для Финскихъ войскъ*, Государю Императору и Великому Князю тѣ по Финскимъ войскамъ дѣла, которыя не относятся къ законодательству или хозяйственному управленію». Сенатъ почелъ нужнымъ, въ тѣхъ же видахъ подтвержденія государственной обособленности Финляндіи отъ Россіи, повторить подобную же фразу и относительно международныхъ дѣлъ, именно: «международныя дѣла, касающіяся Великаго Княжества Финляндскаго, докладываются Его Императорскому Величеству министромъ иностранныхъ дѣлъ Имперіи», какъ будто Финляндскія губерніи могутъ имѣть какія-нибудь международныя дѣла отдѣльно отъ Имперіи. Къ загадочному выраженію § 64-го проекта кодификаціоннаго комитета о правѣ Императора издавать «законы и постановленія, касающіеся общественнаго хозяйства страны», Сенатъ прибавляетъ столь же неопредѣленное выраженіе — «и касающіеся государственнаго управленія» (§ 12). Но вслѣдъ за симъ Сенатъ повторяетъ всѣ тѣже отдѣлы законодательства, по которымъ и комитетъ

Вейсенберга требуетъ участія сейма, такъ что Русскому Императору, по проекту Сената, оставляется только власть: «постановлять о расходованіи ординарныхъ доходовъ, а также о снаряженіи и содержаніи войскъ» тѣмъ порядкомъ, который относительно этихъ двухъ предметовъ указанъ въ томъ же проектѣ, а равно установлять: «таможенный тарифъ, сборы, взимаемые за пользованіе принадлежащими казнѣ средствами сообщенія и иными правительственными учрежденіями, размѣръ платы за пользованіе общественными учрежденіями и заведеніями, которыя содержатся городомъ или иною общиною, за исключеніемъ случаевъ, когда право установленія подобной платы положительно предоставлено общинѣ, наконецъ установлять пошлины за исходящія бумаги властей и чиновниковъ и размѣръ вознагражденія чиновникамъ за частныя производства» (§§ 16 и 17 сенатскаго проекта). Подобныя постановленія болѣе походятъ на выходки тенденціозной литературы или политическихъ ораторовъ, чѣмъ на серьезный законодательный трудъ, каковымъ долженъ бы быть трудъ, порученный Финляндцамъ довѣріемъ Самодержавнаго Монарха Россіи.

Мнѣніе Финляндскаго генералъ-губернатора.

Финляндскій генералъ-губернаторъ, въ представленной имъ на высочайшее воззрѣніе въ концѣ 1891 года запискѣ, высказалъ, что «проектъ Финляндскаго Сената, по лежащимъ въ основаніи его политическимъ принципамъ, ничѣмъ не отличается отъ законодательныхъ по тому же предмету предположеній 1865 и 1889 гг. и что исходною мыслію всѣхъ этихъ законопроектовъ является существованіе Великаго Княжества Финляндскаго, какъ *особаго автономнаго государства*. Хотя, по волѣ императора Александра I-го, бывшая Шведская Финляндія, вмѣстѣ съ присоединенными къ ней впослѣдствіи Выборгскою губерніею и Вестерботніею, получили особый порядокъ управленія, внутренняя политическая жизнь этого края и его законодательство не могли развиваться вполнѣ самостоятельно и независимо отъ пользы и интересовъ Имперіи безъ нарушенія единства того государственнаго организма, нераздѣльною частію коего является Великое Княжество. Рядомъ съ мѣстными потребностями Финляндскаго населенія стоятъ общегосударственные интересы Россіи и Русскаго народа, высшимъ хранителемъ коихъ можетъ быть только Всероссійскій Самодержецъ, который, одинаково заботясь о благосостояніи отдѣльныхъ народностей, вошедшихъ въ составъ населенія Имперіи, облеченъ вмѣстѣ съ тѣмъ священнымъ правомъ направлять жизнь и развитіе народностей этихъ къ общему благу государства. Ограниченіе такого полномочія Верховной власти относительно Финляндіи равносильно было бы поставленію

мѣстныхъ потребностей завоеваннаго края выше интересовъ Россіи, что̀, очевидно, не могло входить въ намѣреніе Русскаго Царя при устроеніи имъ особаго порядка управленія Финляндскими губерніями, а потому нельзя и допустить возможности утвержденія для названнаго края государственныхъ законовъ Швеціи, умаляющихъ въ семъ отношеніи державныя права Россійскаго Монарха». Далѣе Финляндскій генералъ-губернаторъ, поименовавъ тѣ части Финляндскаго законодательства, которыя въ силу постановленій, высочайше утвержденныхъ императорами Александромъ II-мъ и Александромъ III-мъ, не могутъ быть измѣняемы безъ согласія на то земскихъ чиновъ, по скольку эти законодательные предметы касаются исключительно мѣстныхъ нуждъ и обстоятельствъ края, говоритъ: «Слѣдуетъ признать, что мнѣніе земскихъ чиновъ даже и по вопросамъ объ измѣненіи постановленій указанныхъ выше коренныхъ законовъ края не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, если только необходимость такого измѣненія обусловливается не мѣстными пользами Финляндіи, а цѣлями и потребностями всего государства. Общегосударственное благо должно быть поставлено выше мѣстныхъ интересовъ, а потому и голосъ земскихъ чиновъ Финляндіи, представителей выгодъ и потребностей лишь малой части Имперіи, въ вопросахъ, касающихся пользъ и интересовъ всей Россіи, долженъ потерять свое значеніе предъ высшимъ приговоромъ Самодержавнаго Царя, которому одинаково дорого благо всѣхъ ввѣренныхъ Ему Промысломъ народовъ. Такое верховное право Монарха не разъ уже осуществлялось по отношенію къ Финляндіи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда принятіе мѣръ, вызываемыхъ общегосударственными потребностями, встрѣчало противодѣйствіе со стороны представителей мѣстнаго управленія края, Государь Императоръ напоминалъ имъ о принадлежности Финляндіи Россіи, издавая высочайшимъ манифестомъ мѣстное для края узаконеніе, согласное съ достоинствомъ и пользами Имперіи. Но дабы подобные акты, исходящіе отъ самодержавной власти, не могли быть принимаемы населеніемъ Великаго Княжества какъ нарушеніе всемилостивѣйше дарованныхъ ему правъ, необходимъ законъ, разъясняющій государственную связь Финляндіи съ прочими частями Имперіи и самодержавныя права Верховной власти въ краѣ. Отсутствіе до настоящаго времени точныхъ по сему предмету законоположеній, какъ въ Сводѣ Законовъ Россійской Имперіи, такъ и въ мѣстныхъ узаконеніяхъ губерній Финляндскаго края, служитъ существеннымъ препятствіемъ не только къ согласованію интересовъ Великаго Княжества съ пользами и выгодами Имперіи, но и къ направленію дѣятельности мѣстныхъ учрежденій Финляндіи на удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей ея населенія. Мѣропріятія, предначертываемыя Верховною

властію въ цѣляхъ общегосударственныхъ и ближайшимъ образомъ для достиженія болѣе тѣснаго единенія Великаго Княжества съ прочими частями Россійской державы, вызываютъ ропотъ и даже противодѣйствіе со стороны представителей мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій Финляндіи. Необходимость положить конецъ невѣрному истолкованію тѣхъ началъ, на которыхъ зиждутся отношенія Великаго Княжества къ Имперіи и къ Верховной власти, представляется тѣмъ болѣе неотложною, что помянутыя заблужденія въ послѣднее время *дѣятельно распространяются среди населенія Финляндіи путемъ печати и школы*».

Въ согласіи съ этими фактами и соображеніями первостепенной важности, Финляндскій генералъ-губернаторъ въ своей всеподданнѣйшей запискѣ излагаетъ проектъ учрежденія управленія губерній Великаго Княжества Финляндіи, состоящій изъ 18 статей. Въ этомъ проектѣ приняты во вниманіе и тѣ отступленія отъ общаго порядка законодательства въ Имперіи, которыя установлены для Финляндіи узаконеніями, изданными въ царствованія Императоровъ Александра II и Александра III. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ своемъ проектѣ (§§ 15 и 16) графъ Гейденъ придаетъ § 71-му Сеймоваго Устава тотъ же неправильный смыслъ, который умышленно навязанъ ему Финляндскимъ Сенатомъ и поддерживался въ Петербургѣ Финляндскими министрами статсъ-секретарями. Иначе и быть не могло; ибо, на основаніи Регламента Сената, офиціальнымъ блюстителемъ правильнаго пониманія и исполненія законовъ является прокуроръ Сената, а при докладѣ дѣлъ Государю Императору министръ статсъ-секретарь; но эти-то лица и были главными проводниками и прикрывателями этой, столь смѣло устроенной законодательной ловушки. Прокуроры Сената всегда играли роль руководителей Русскихъ генералъ-губернаторовъ въ лабиринтѣ неизвѣстныхъ этимъ сановникамъ законовъ и непопятныхъ для нихъ сенатскихъ сужденій на незнакомомъ для нихъ Шведскомъ языкѣ.

Согласно съ представленіемъ графа Гейдена, Его Императорскимъ Величествомъ повелѣно было разсмотрѣть какъ записку Финляндскаго генералъ-губернатора, такъ и проектъ Финляндскаго Сената въ Особомъ Совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бунге и затѣмъ внести дѣло въ Государственный Совѣтъ чрезъ его Кодификаціонный Отдѣлъ. Особое Совѣщаніе состояло изъ министра юстиціи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Манасеина, главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Фриша, самого графа Гейдена, военнаго министра генералъ-адъютанта Вановскаго, министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-се-

кретаря Дурново, Финляндскаго министра статсъ-секретаря генералъ-лейтенанта фонъ-Дена, прокурора Финляндскаго Сената Колоніуса и Финляндскаго сенатора генералъ-лейтенанта Альфтана. Особое Совѣщаніе, не приступая еще къ разсмотрѣнію двухъ сказанныхъ предположеній, занялось, по предложенію своего предсѣдателя, обсужденіемъ вопроса о порядкѣ разсмотрѣнія и изданія законовъ общихъ для всей Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндіи, а также и такихъ, которые хотя относятся къ дѣламъ мѣстнаго управленія Финляндіи, но соприкасаются съ вопросами и общаго управленія Имперіи. Русскими членами Совѣщанія былъ составленъ по этому вопросу проектъ, предназначавшійся для внесенія въ Государственный Совѣтъ. Въ Финляндскихъ газетахъ и журналахъ было въ свое время оповѣщено о томъ, что Финляндскіе члены Совѣщанія по всѣмъ существеннымъ пунктамъ отвергли сказанный проектъ, какъ несогласный съ Шведскими Формою правленія и Актомъ соединенія и охраненія, въ которыхъ Финляндскіе законовѣды видятъ альфу и омегу для оправданія построенной ими теоріи объ отдѣльномъ Финляндскомъ государствѣ, союзномъ съ Россіей. Если вѣрить Финляндскимъ публицистамъ, то Финляндскіе члены Совѣщанія настаивали на томъ, чтобы, относительно Русскихъ законодательныхъ проектовъ по вопросамъ общимъ Россіи и Финляндіи, Сенату и Сейму Финляндскимъ предоставлено было право рѣшать, не содержатся ли въ данномъ проектѣ такія постановленія, которыя, на основаніи Формы правленія и Акта соединенія, не могутъ быть изданы иначе, какъ съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи. Въ такомъ случаѣ вопросъ переходитъ на рѣшеніе Финляндскаго Сейма, а нашему Государственному Совѣту дозволяется только или утвердить законъ въ редакціи, постановленной Сеймомъ, безъ малѣйшихъ измѣненій, или же отвергнуть его всецѣло, т.-е. оставить возбужденный правительствомъ вопросъ безъ послѣдствій. А такъ какъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что никакой законъ, касающійся общегосударственныхъ интересовъ Россіи, въ принятой Финляндскимъ сеймомъ редакціи не будетъ утвержденъ Государственнымъ Совѣтомъ, не пріемлющимъ къ своему руководству Шведскихъ законовъ XV и XVIII столѣтій, то отсюда выходитъ, что всякій проектъ такого закона будетъ, по волѣ депутатовъ восьми Финляндскихъ губерній, приведенъ къ нулю, какъ бы ни была настоятельна для Россіи необходимость въ его изданіи. Такое требованіе можно считать послѣднимъ словомъ нынѣшней Финляндской политической теоріи, усиливающейся превратить дарованное Финляндіи мѣстное самоуправленіе въ полную политическую самостоятельность, съ правомъ, во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ государствъ, ставить Россіи извѣстныя условія и не подчиняться ея Вер-

ховной власти. Финляндцы забываютъ, что если Русскими монархами было даровано Финляндіи особое мѣстное самоуправленіе, независящее отъ центральныхъ учрежденій Имперіи, то при этомъ само собою разумѣлось, что это мѣстное самоуправленіе не можетъ распространять свою власть на дѣла общія всѣмъ областямъ Русскаго государства, а въ томъ числѣ и Финляндіи. Вслѣдствіе сего дѣла подобнаго рода, съ самаго присоединенія западной Финляндіи и по настоящее время, постоянно рѣшались въ порядкѣ верховнаго управленія, безъ всякаго участія провинціальныхъ Финляндскихъ учрежденій, т.-е. тамошняго Сената и сейма. Не говоря уже про царствованія императоровъ Александра I-го и Николая I-го, даже въ царствованіе императора Александра II-го въ такомъ порядкѣ было рѣшено присоединеніе части Выборгской губерніи къ Петербургской, а въ царствованіе императора Александра III-го подчиненіе Финляндскихъ почтовыхъ учрежденій Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Что мѣстные законы и учрежденія должны подчиняться общегосударственнымъ, а не общегосударственные мѣстнымъ, это есть азбука всякаго государственнаго права. Противный этому взглядъ Финляндцевъ объясняется основною точкой отправленія новой Финляндской теоріи, именно, что Финляндія есть не провинція Россіи, а особое государство, соединенное съ нею лишь единствомъ царствующаго монарха Съ такою точкой зрѣнія вполнѣ согласно требованіе Финлядскихъ чиновниковъ и публицистовъ, чтобы по каждому вопросу, обоюдно касающемуся обоихъ этихъ государствъ, Россія входила въ соглашеніе съ Финляндскимъ правительствомъ, при чемъ каждой договаривающейся сторонѣ принадлежитъ право, въ случаѣ несогласія, остаться при своемъ мнѣніи; при такомъ оборотѣ переговоровъ, предполагавшаяся международная конвенція считается несостоявшеюся. Но едва ли въ какомъ-нибудь благоустроенномъ государствѣ правительство можетъ подчиниться такому своеобразному взгляду.

Проектъ, составленный Русскими членами Особаго Совѣщанія, былъ уже подготовленъ ко внесенію въ Государственный Совѣтъ и о томъ состоялось высочайшее повелѣніе; но съ кончиною императора Александра III-го дѣло это пріостановилось, или по крайней мѣрѣ о немъ не имѣется никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, если не считать заслуживающими довѣрія ликованія Финляндской печати о томъ, что не только всѣ дальнѣйшія попытки къ скрѣпленію государственной связи между Россіей и Финляндіей будутъ отнынѣ прекращены, но и слѣдуетъ ожидать новыхъ пріобрѣтеній для увѣнчанія зданія Финляндскаго самоуправляющагося государства.

Заключеніе.

Изъ предшествующаго изложенія ясно видны тѣ ближайшія цѣли, которыхъ надѣются достигнуть Финляндцы по пути отпаденія ихъ страны отъ Русской государственной власти. Они разсчитывали при этомъ на то, что и теперь имъ однимъ будетъ предоставлено право писать для себя законы, безъ всякаго участія компетентныхъ Русскихъ государственныхъ учрежденій, какъ это практиковалось съ 1863 года, т. е. со времени перваго Гельсингфорскаго сейма. Высочайшею волею Финляндцамъ было разрѣшено кодифицировать тѣ основныя законоположенія, на которыхъ утверждается дарованное Финляндіи отдѣльное областное самоуправленіе. Мы видѣли, какъ Финляндцы воспользовались этимъ монаршимъ довѣріемъ. Въ трехъ послѣдовательныхъ комитетахъ (Норденстама, Вейсенберга и въ комитетѣ, состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ графа Гейдена), и затѣмъ во всеподданнѣйшемъ представленіи Сената, представители Финляндскихъ интересовъ, вмѣсто возложенной на нихъ кодификаціи существующихъ и признанныхъ Верховною властью законовъ Финляндіи, сочинили совершенно новое законодательство, возводящее восемь Финляндскихъ губерній на степень Европейскаго государства, въ которомъ Верховная власть принадлежитъ сейму и Сенату—сему послѣднему въ качествѣ замѣстителя отсутствующаго Государя, а Россійскому императору предоставлено только отрицательное право налагать veto на постановленія сейма, безъ всякаго самостоятельнаго права въ чемъ бы то ни было измѣнять существующіе въ Финляндіи законы и порядки, какая бы ни настояла въ томъ нужда со стороны общегосударственныхъ интересовъ Россіи. Это новое законодательство представители Финляндскихъ интересовъ основали на томъ вымышленномъ Финляндцами фактѣ, что будто бы императоръ Александръ I призналъ основными законами Финляндіи Шведскія конституціонныя узаконенія прошлаго столѣтія, извѣстныя подъ именемъ Формы правленія и Акта соединенія и охраненія, съ упоминаемыми въ нихъ другими, еще болѣе давними узаконеніями. Но такъ какъ все законодательство Финляндіи при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I прямо опровергаетъ этотъ вымыселъ, ибо оно исходило не изъ конституціонныхъ началъ, а единственно изъ самодержавной воли этихъ монарховъ, то представители Финляндскихъ интересовъ сочли себя въ правѣ въ сочиненныхъ ими проектахъ вовсе не принимать во

вниманіе тѣхъ, изданныхъ при этихъ двухъ Императорахъ, законовъ, которые разрушаютъ нынѣшнюю Финляндскую теорію, на томъ основаніи, что законы эти не были утверждены земскими чинами Финляндіи.

Едва ли на такой почвѣ возможно какое-нибудь соглашеніе съ Финляндцами, и едва ли даже соотвѣтствуетъ достоинству правительства великой державы входить съ ними въ пререканія и оспаривать домогательства, столь очевиднымъ образомъ противорѣчащія и исторіи, и государственному праву Россіи и утверждающіяся на однихъ вымыслахъ. Государственная нераздѣльность Россіи и единство ея Верховной власти созданы вѣковыми усиліями и жертвами ея царей и народа. Ставить эти основы политическаго бытія нашего отечества, хотя бы только въ одной изъ провинцій Россіи, въ зависимость отъ Шведскаго законодательства прошедшихъ столѣтій и пытаться ниспровергнуть ихъ съ помощію вымысловъ и лжетолкованій—такой вызовъ, сдѣланный Финляндскими руководителями нашему правительству, казалось бы, не заслуживаетъ даже отвѣта. Но, съ другой стороны, нельзя оставлять нерѣшеннымъ вопросъ объ отношеніяхъ провинціальнаго Финляндскаго самоуправленія къ основнымъ законамъ и центральнымъ властямъ Россійскаго государства. Если прежде Финляндское законодательство страдало отсутствіемъ кодификаціи, т. е. системы, полноты и ясности, то со времени Сеймоваго Устава 1869 г. въ немъ, сверхъ сказаннаго недостатка, спутались основныя понятія о составѣ и объемѣ власти верховнаго правительства; появились статьи, имѣющія двоякій смыслъ—явный и скрытый; стали встрѣчаться неожиданныя и коренныя измѣненія существовавшаго дотолѣ образа правленія, вставляемыя между строкъ и въ мѣстахъ, вовсе несоотвѣтствующихъ важности сего предмета; попадаются неясные намеки на что-то недоговоренное и нигдѣ дотолѣ неустановленное, въ родѣ намековъ на такіе *общіе законы*, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора съ земскими чинами (въ высочайшемъ манифестѣ 13 іюня 1886 г.); часто встрѣчаются ссылки на Форму правленія и Актъ соединенія, какъ на законы, будто бы дѣйствующіе въ Финляндіи. Еще со временъ Римскихъ юристовъ основнымъ требованіемъ законодательства служило правило, что законъ долженъ быть ясенъ, категоричен и не давать поводовъ къ различнымъ толкованіямъ; Финляндскіе же законодатели, со времени Сеймоваго Устава, повидимому приняли въ руководство въ вопросахъ государственнаго права совершенно обратное правило, именно: законъ долженъ быть теменъ, двусмысленъ и давать возможность къ различнымъ толкованіямъ, смотря по обстоятельствамъ. Такое положеніе Фин-

ляндскаго законодательства вполнѣ слѣдуетъ назвать хаотическимъ. Въ глазахъ Финляндцевъ оно является переходнымъ фазисомъ къ созданію новаго политическаго бытія для Финляндіи. Въ этой начатой, но еще недоконченной работѣ созданія новаго порядка всѣ эти спутанности и двусмыслія, ссылки, намеки, неожиданныя вставки и прочее имѣютъ свое значеніе и впередъ назначенное мѣсто. Но если задуманный Финляндцами новый политическій порядокъ для ихъ страны не входитъ въ виды государственной власти, то необходимо положить конецъ столь фальшивому положенію и опредѣлить категорически предѣлы Финляндскаго мѣстнаго самоуправленія и отношенія его къ Верховной власти. Единственный для этого путь, какъ показалъ опытъ, состоитъ въ томъ, чтобы правительство взяло рѣшеніе этого вопроса въ собственныя руки и рѣшило его соотвѣтственно государственному праву и общему благу Россіи, принявъ во вниманіе и тѣ особыя привилегіи, которыя дарованы Финляндіи Русскими монархами. Представители Финляндскихъ интересовъ высказали съ своей стороны все, что̀ считали нужнымъ высказать, и больше отъ нихъ нельзя уже ожидать ничего, кромѣ повторенія прежняго, какъ доказали это всѣ ихъ послѣдовательные проекты и заявленія. Сколько бы ни собирать комитетовъ по этому вопросу, всѣ они будутъ оканчиваться представленіемъ двухъ несогласимыхъ между собою проектовъ—Русскаго, основаннаго на государственномъ правѣ Россіи и на законахъ, дѣйствительно дарованныхъ Финляндіи Русскими вѣнценосцами, и Финляндскаго, построеннаго на выдуманной Финляндцами теоріи и усиливающагося создать изъ этой провинціи автономное государство. Государственная нераздѣльность Россіи и единственно ея Верховной власти должны находить для себя санкцію и огражденіе не въ мѣстныхъ узаконеніяхъ той или другой подвластной ей области, а единственно въ собственныхъ основныхъ законахъ Россійской Имперіи.

Прежде всего слѣдуетъ устранить самую мысль объ изданіи для Финляндіи отдѣльныхъ основныхъ законовъ, потому что мысль эта оказывается ложною съ исторической и правовой точки зрѣнія. Если въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ Финляндскимъ дѣятелямъ, бывшимъ въ то время полными хозяевами въ дѣлѣ Финляндскаго законодательства, удалось усвоить несоотвѣтственное названіе основныхъ законовъ двумъ узаконеніямъ, именно Сеймовому Уставу и нѣкоторымъ статьямъ Устава о воинской повинности, то этотъ маневръ входилъ въ составленный Финляндцами планъ совершеннаго обособленія ихъ края отъ Россіи, планъ, окончательнымъ увѣнчаніемъ котораго долженъ былъ служить проектъ комитета Вейсенберга или сокращенная его копія,

представленная отъ Финляндскаго Сената. Но если правительство не намѣрено осуществлять этого плана, то сама собою падаетъ и мысль, подъ именемъ основныхъ законовъ Финляндіи воскресить для нея старые Шведскіе конституціонные законы, упраздненные въ этой странѣ самымъ фактомъ завоеванія ея Россіею. Извѣстная область государства можетъ имѣть отдѣльное управленіе и отдѣльное законодательство въ вопросахъ исключительно ея провинціальнаго быта, не переставая въ тоже время подчиняться общимъ основнымъ законамъ государства, а въ дѣлахъ общегосударственнаго характера — и центральнымъ государственнымъ властямъ. Финляндія была и есть не болѣе, какъ область Россіи, управляемая на особомъ положеніи. Кромѣ этой исторической и правовой точки зрѣнія, называть особое положеніе для управленія Финляндіею громкимъ и несоотвѣтственнымъ именемъ основныхъ законовъ было бы вредно и въ практическомъ отношеніи; ибо такое названіе способно и въ самыхъ благонамѣренныхъ умахъ возбуждать ложную мысль о политической самостоятельности Финляндіи и питать въ населеніи сепаратическія мечтанія. Мы видѣли, какими нежелательными для государства послѣдствіями отозвалась на политическомъ настроеніи Финляндцевъ та неподобающая помпа, которая была придана первому Гельсингфорскому сейму 1863 г., съ императорскимъ трономъ, съ ландмаршаломъ и тальманами сословій, съ обращенными къ лицу Императора ихъ рѣчами и прочее. Сколько поддѣльнаго величія, неумѣстнаго въ законодательствѣ и несоотвѣтствующаго положенію вещей, заключается въ этихъ вступленіяхъ къ нѣкоторымъ законамъ той эпохи: «Мы, Финляндскіе графы, бароны, епископы, рыцарство и т. д. объявляемъ чрезъ сіе». Все это было задумано и осуществлено именно для того, чтобъ въ Финляндскомъ населеніи, въ огромномъ большинствѣ совершенно равнодушномъ къ политическимъ мечтаніямъ, вызвать сепаратическія идеи и несоотвѣтственное дѣйствительности представленіе о значеніи и роли Финляндскаго народа. Расчетъ оказался вѣренъ: новое политическое ученіе о Финляндскомъ государствѣ получило сугубую силу и успѣхъ именно съ тѣхъ поръ, когда въ шестидесятыхъ годахъ явились обставленные чрезвычайною торжественностью періодическіе сеймы, введена была особая монетная единица и окончательно установлена таможенная граница. Чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ ложнымъ представленіямъ и смущающимъ населеніе попыткамъ на самостоятельную политическую роль Финляндіи, представлялось бы настоятельно необходимымъ объявить категорически, что основные государственные законы Россійской Имперіи распространяются и на Финляндію, но что при этомъ ей дарованы нѣкоторыя отмѣны отъ общаго порядка законодательства въ Имперіи.

Здѣсь необходимо дать себѣ ясный отчетъ о томъ, какія именно изъ утвержденныхъ для Финляндіи законоположеній составляютъ исключеніе изъ основныхъ государственныхъ законовъ Имперіи и ограничиваютъ права самодержавія. Какъ бы ни нарушали нѣкоторыя изъ этихъ исключеній единства и крѣпости государственнаго строя, не представляется крайней необходимости прибѣгать къ ихъ отмѣнѣ. Если на будущее время будутъ прекращены неопредѣленность и шаткость отношеній Верховной власти къ Финляндіи и будутъ приняты дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы мѣстные законы и порядки этой провинціи безусловно подчинялись, въ необходимыхъ случаяхъ, общегосударственнымъ законамъ и потребностямъ, то и допущенныя доселѣ для Финляндіи исключенія изъ общегосударственнаго права Имперіи могутъ быть сдѣланы менѣе вредными и даже вовсе нечувствительными, при томъ конечно непремѣнномъ условіи, что правительство не будетъ дозволять Финляндцамъ ни одного шага къ дальнѣйшему умаленію монаршей власти надъ этою областію Россіи и къ дальнѣйшему разъединенію ея съ Имперіею. Иначе можетъ случиться, что одна какая-нибудь мѣра, втихомолку проведенная Финляндскими дѣльцами безъ обсужденія ея въ компетентныхъ государственныхъ установленіяхъ, разомъ приблизитъ Финляндскихъ сепаратистовъ къ намѣченной цѣли и отниметъ отъ Верховной власти свободу дѣйствій въ будущемъ, когда, быть можетъ, Россію постигнутъ трудныя обстоятельства и ей придется отстаивать цѣлость своихъ границъ. Мы уже достаточно видѣли изъ всего предыдущаго изложенія, до какой степени изловчились Финляндцы въ этихъ внезапныхъ уловленіяхъ Верховной власти.

Дарованіе Финляндіи сейма, съ правомъ періодическихъ собраній, не составляетъ нарушенія общихъ державныхъ правъ Русскаго Императора въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ его воли зависитъ вносить или не вносить извѣстный законъ на разсмотрѣніе сейма, а въ случаѣ внесенія—принять или не принять во вниманіе мнѣніе сейма. Въ этихъ случаяхъ совѣщательный голосъ сеймовыхъ депутатовъ можетъ приносить несомнѣнную пользу и часто быть даже необходимымъ, какъ голосъ людей, которымъ близко извѣстны мѣстныя потребности и обстоятельства. Но именно этотъ вопросъ, въ какихъ случаяхъ Верховная власть приняла на себя обязательство вносить законы на разсмотрѣніе сейма и сообразоваться съ его рѣшеніями и въ какихъ случаяхъ Императоръ можетъ постановлять законы своею единоличною властію, этотъ существеннѣйшій вопросъ составители Сеймоваго Устава, вслѣдствіе принятой системы подходить къ цѣли скрытыми ходами и маскировать свои намѣренія недомолвками, постарались запутать, чтобы

оставить возможность для превратныхъ толкованій закона въ смыслѣ, желательномъ для Финляндцевъ. Главнымъ опорнымъ пунктомъ для ихъ софизмовъ служитъ § 71 Сеймоваго Устава. Здѣсь достаточно уже разъяснено, какой смыслъ слѣдуетъ придавать этой хитрой лазейкѣ, столь предусмотрительно оставленной въ Сеймовомъ Уставѣ, не смотря на то, что проектъ комитета Норденстама, съ которымъ она неразрывно связана, былъ всецѣло отвергнутъ императоромъ Александромъ II-мъ.

Однако въ нѣкоторыхъ узаконеніяхъ, изданныхъ въ царствованіе сего Государя, прямо заявлено, что они могутъ быть измѣняемы и отмѣняемы не иначе, какъ по совокупному рѣшенію Монарха и земскихъ чиновъ. Такихъ законоположеній въ настоящее время немного, именно: Сеймовый Уставъ (см. § 83 онаго), Церковное Уложеніе 1867 года (см § 14 онаго) и узаконенія, касающіяся основнаго и депозитнаго фондовъ Финляндскаго банка, права выпуска бумажныхъ денегъ и выдачи ссудъ (Выс. постан. 9 Декабря 1867 года).

Данное сейму въ 1886 году (манифестомъ отъ 13 Іюня) право непосредственныхъ законодательныхъ предложеній нисколько не можетъ ограничивать державныхъ правъ Монарха, такъ какъ всякое предложеніе сейма, несоотвѣтствующее по своей цѣли или по своей формѣ видамъ Императора, будетъ оставляемо безъ послѣдствій. Тѣмъ не менѣе, если вопросъ, затронутый въ отвергнутомъ сеймовомъ предложеніи, по существу своему будетъ заслуживать вниманія, то ничто не будетъ препятствовать рѣшить его высочайшимъ манифестомъ въ томъ видѣ, какой будетъ признанъ наиболѣе цѣлесообразнымъ.

Наконецъ, при исчисленіи отступленій, допущенныхъ доселѣ въ Финляндскихъ законахъ отъ общихъ основныхъ законовъ Имперіи, остаются ссылки, сдѣланныя въ разныхъ законодательныхъ актахъ двухъ предыдущихъ царствованій на Форму правленія и Актъ соединенія, какъ бы на дѣйствующія въ Финляндіи законодательства. На эти ссылки и въ особенности на ссылку, сдѣланную въ утвержденіи Сеймоваго Устава, опираются сочинители основныхъ законовъ Финляндіи, какъ на доказательство того, что въ Финляндіи Русскій Императоръ не можетъ имѣть большей власти противу той, какую имѣлъ въ прошломъ столѣтіи Шведскій король въ своемъ королевствѣ. Но сказанныя ссылки были основаны на томъ вымыслѣ современнаго Финляндскаго ученія, что будто бы упоминаемые въ нихъ Шведскіе законы были признаны для Финляндіи императоромъ Александромъ I-мъ и подтверждены его преемникомъ императоромъ Николаемъ. Однако для

оправданія этого вымысла Финляндцы не могли досель привести ни одного факта, ни малѣйшаго документальнаго указанія въ исторіи и законодательствѣ Финляндіи отъ ея завоеванія въ 1809 году до Гельсингфорскаго сейма 1863 года. Сказанныя, совершенно произвольныя и ложныя ссылки прокрались въ нѣкоторые Финляндскіе законодательные акты, со времени перваго Гельсингфорскаго сейма, единственно благодаря тому обстоятельству, что Финляндскіе законы составлялись одними Финляндцами, безъ всякой провѣрки компетентными учрежденіями Имперіи. Неосновательность Финляндской теоріи, усиливающейся признать Форму правленія и Актъ соединенія дѣйствующими законами Финляндіи, достаточно разъяснена въ заключеніяхъ главноуправлявшаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ и бывшаго министра юстиціи по проекту комитета Вейсенберга, а также въ журналахъ комитета 1890 года подъ предсѣдательствомъ графа Гейдена. Какъ скоро съ несомнѣнною очевидностью разъяснены истинный характеръ упоминаемыхъ ссылокъ на Шведскіе законы и обстоятельства ихъ появленія въ нѣкоторыхъ законодательныхъ актахъ, касающихся Финляндіи, то придавать имъ какое-нибудь правовое значеніе значило бы возводить вымыселъ, случайно прокравшійся въ законодательство, на степень постоянно дѣйствующаго закона. Излишне распространяться о томъ, какой изъ этого послѣдовалъ бы рядъ неправильностей въ дальнѣйшемъ Финляндскомъ законодательствѣ и сколько затрудненій въ будущемъ создалось бы для правительства. Развивая послѣдовательно начала, лежащія въ сказанныхъ двухъ Шведскихъ законодательствахъ, Финляндскія власти, при поддержкѣ литературы и общественнаго мнѣнія, не переставали бы настойчиво добиваться упроченія въ ихъ странѣ тѣхъ законовъ и порядковъ, которые выражены въ разсмотрѣнныхъ здѣсь трехъ Финляндскихъ проектахъ. Неудовлетвореніе этихъ невозможныхъ и нелѣпыхъ домогательствъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше порождало бы въ населеніи толковъ и неудовольствій, питаемыхъ журналистикой и мѣстнымъ чиновничествомъ. Рано или поздно правительству предстоялъ бы одинъ изъ двухъ исходовъ: или удовлетворить домогательства господствующей въ Финляндіи партіи, т.-е., другими словами, создать у воротъ столицы самовластное и враждебное Россіи государство, вернуться къ тому положенію, въ которомъ Петербургъ былъ до Полтавской побѣды, или же отобрать разомъ у Финляндцевъ всѣ полномочія народнаго правленія, мало-по-малу падавшія имъ въ силу признанія Формы правленія и Акта соединенія дѣйствующими въ Финляндіи законами. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что лучше теперь же признать сказанные Шведскіе законы (а слѣдовательно и сдѣланныя на нихъ ссылки) не имѣющими никакой силы для Финляндіи, чѣмъ при-

бѣгать къ этой мѣрѣ тогда, когда, быть можетъ, Финляндцы успѣютъ извлечь изъ нихъ новыя ограниченія правъ Русскаго Монарха и новыя расширенія самодержавія тамошняго чиновничества и крупныхъ собственниковъ. Тогда эта мѣра можетъ уже имѣть нежелательный характеръ coup d'état, тогда какъ теперь она не произведетъ въ существующемъ Финляндскомъ законодательствѣ никакой ломки; ибо, кромѣ Сеймоваго Устава, узаконеній, касающихся основнаго и депозитнаго фондовъ Финляндскаго банка, и Церковнаго Уложенія, Финляндцы не успѣли еще доселѣ примѣнить принципъ ограниченія законодательнаго права Монарха ни къ какимъ другимъ законамъ. Само собою разумѣется, что Верховной власти принадлежитъ безусловное право возвратить § 71-му Сеймоваго Устава его чисто-процессуальный смыслъ, ибо никакое правительство не можетъ дозволить играть собою съ помощью лазеекъ и подтасовокъ въ законахъ. Такое исправленіе § 71-го должно быть сдѣлано прежде изданія Особаго Положенія для Финляндіи.

Имѣя въ виду, что Финляндія составляетъ нераздѣльную часть Русскаго Государства, управляемую лишь на особомъ положеніи, главныя постановленія этого Особаго Положенія слѣдуетъ изложить въ соотвѣтственномъ мѣстѣ Свода Законовъ Россійской Имперіи, проведя ихъ въ общемъ законодательномъ порядкѣ чрезъ Государственный Совѣтъ, и затѣмъ объявить ихъ въ Финляндіи въ офиціальной газетѣ и внести въ сборникъ постановленій Великаго Княжества. Надобно твердо помнить, что путемъ обращенія къ Сейму правительство никогда не достигнетъ упорядоченія отношеній Финляндіи къ Россіи и къ ея Верховной власти и что всякое предложеніе въ духѣ Русскихъ общегосударственныхъ интересовъ встрѣтитъ непреодолимое сопротивленіе на Сеймѣ. Поэтому, если имѣется въ виду положить конецъ нынѣшнимъ неопредѣленнымъ отношеніямъ Финляндскаго законодательства и управленія къ Верховной власти, то дѣло это должно быть вовсе изъято изъ разсмотрѣнія Сейма и рѣшено самимъ правительствомъ.

Особое Положеніе для управленія Финляндскими губерніями могло бы быть изложено въ Сводѣ Законовъ, въ главныхъ чертахъ, въ слѣдующемъ видѣ:

1) Губерніи, образующія Великое Княжество Финляндское, составляютъ нераздѣльную часть Русскаго Государства и со всѣми жителями оныхъ, ихъ принадлежностями, преимуществами, правами и выгодами состоятъ въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской (ст. IV-я Фридрихсгамскаго мирнаго трактата 1809 г.).

2) Основные государственные законы Россійской Имперіи распространяются и на губерніи Финляндскія. Нѣкоторыя, высочайшею вла-

стію установленныя для Финляндскихъ губерній, отмѣны отъ общаго въ Россійскомъ Государствѣ порядка разсмотрѣнія и изданія законовъ указаны ниже въ семъ Положеніи.

3) Евангелическо-лютеранское вѣроученіе пользуется въ Финляндскихъ губерніяхъ полною свободой исповѣданія. Церковныя дѣла сего вѣроученія въ Финляндскихъ губерніяхъ управляются на основаніи высочайше утвержденнаго его Императорскимъ Величествомъ Церковнаго Уложенія.

4) Дѣла мѣстнаго гражданскаго управленія и суда въ Финляндскихъ губерніяхъ подчиняются особымъ постановленіямъ, изданнымъ или подтвержденнымъ для нихъ высочайшею властью или имѣющимъ впередъ быть изданными тою же властью.

5) Для предварительнаго разсмотрѣнія тѣхъ законодательныхъ проектовъ, относящихся къ Финляндскимъ губерніямъ, по которымъ Его Императорское Величество признаетъ нужнымъ затребовать соображенія сословныхъ представителей Финляндіи, сіи послѣдніе собираются на Сеймъ, составляемый и дѣйствующій согласно высочайше утвержденному 3 (15) Апрѣля 1869 г. Сеймовому Уставу.

6) Для измѣненія или отмѣны Сеймоваго Устава 1869 г., Церковнаго Уложенія 1867 г. и постановленія 27 Ноября (9 Декабря) 1867 г. объ основномъ и депозитномъ фондѣ Финляндскаго банка, о правѣ выпуска бумажныхъ денегъ и о выдачѣ ссудъ, требуется совокупное рѣшеніе Монарха и сеймовыхъ депутатовъ, какъ о семъ постановлено въ поименованныхъ въ сей статьѣ узаконеніяхъ.

7) По всѣмъ прочимъ законодательнымъ предметамъ, касающимся Финляндскихъ губерній, отъ Государя Императора зависитъ издать законъ безъ затребованія соображеній сеймовыхъ депутатовъ, или же повелѣть внести проектъ закона на предварительное ихъ обсужденіе и состоявшееся заключеніе Сейма принять при начертаніи закона въ соображеніе въ той мѣрѣ, въ какой оно будетъ признано Его Императорскимъ Величествомъ полезнымъ для этого края.

8) Если по высочайшей волѣ на обсужденіе Сейма будетъ внесенъ вопросъ объ измѣненіи или отмѣнѣ Сеймоваго Устава, или данныхъ сословіямъ привилегій, или параграфовъ Устава о воинской повинности, поименованныхъ въ высочайшемъ манифестѣ отъ 6 (18) Декабря 1878 г., или закона 11 Ноября 1889 г. о правѣ Финляндскихъ гражданъ неЕвангелическо-лютеранскаго исповѣданія занимать должности и служебныя мѣста въ Финляндіи, то для постановленія сеймоваго

заключенія по симъ предметамъ требуется согласное мнѣніе депутатовъ всѣхъ четырехъ сословій (§ 71 Сеймоваго Устава 1869 г.).

9) Проекты законовъ, относящихся къ Финляндскимъ губерніямъ, или составляются по высочайшему усмотрѣнію и непосредственному повелѣнію, или же пріемлютъ свое начало отъ общаго теченія дѣлъ въ сихъ губерніяхъ, когда, при разсмотрѣніи оныхъ въ Финляндскомъ Императорскомъ Сенатѣ, признано будетъ необходимымъ измѣнить, дополнить или отмѣнить дѣйствующій законъ или составить новое постановленіе. Въ такомъ случаѣ Сенатъ свои о семъ предположенія повергаетъ на высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

О порядкѣ предложенія законовъ, касающихся собственныхъ дѣлъ Евангелическо-лютеранской церкви въ Финляндіи, сказано въ § 14 Церковнаго Уложенія 1869 г.; а относительно законодательныхъ проектовъ, представляемыхъ Государю Императору Сеймомъ въ видѣ петицій или же въ видѣ окончательно выраженныхъ предложеній (моцій), дѣйствуютъ правила, постановленныя въ высочайшемъ манифестѣ 13 (25) Іюня 1886 года.

10) Всѣ относящіеся къ Финляндскимъ губерніямъ законы представляются на высочайшее утвержденіе на Русскомъ языкѣ, и только таковой, утвержденный собственноручнымъ его Императорскаго Величества подписаніемъ, Русскій текстъ почитается имѣющимъ силу закона.

11) Законы, общіе для Финляндскихъ губерній съ прочими частями Россійскаго Государства, разсматриваются и издаются въ свѣтъ въ общемъ для Имперіи законодательномъ порядкѣ и сообщаются Финляндскому Императорскому Сенату для опубликованія и исполненія.

12) Если проектируемый для Финляндскихъ губерній законъ въ какомъ бы то ни было отношеніи касается интересовъ Имперіи или предметовъ вѣдѣнія какого-либо министерства или православнаго духовнаго управленія, то на обязанности министра статсъ-секретаря по дѣламъ Великаго Княжества Финляндскаго лежитъ, прежде представленія такого проекта на высочайшее воззрѣніе, запрашивать заключенія подлежащихъ министерствъ или другихъ высшихъ государственныхъ установленій и отзывы ихъ прилагать ко всеподданнѣйшему представленію.

13) Общее храненіе законовъ, относящихся къ Финляндскимъ губерніямъ, возлагается на Императорскій Финляндскій Сенатъ. Посему

всѣ новые законы, издаваемые для сихъ губерній или имѣющіе къ нимъ какое бы то ни было отношеніе, хотя бы они содержались въ именныхъ повелѣніяхъ, данныхъ особо какому-либо лицу или мѣсту, должны быть отъ подлежащихъ мѣстъ и лицъ сообщаемы въ спискахъ Финляндскому Императорскому Сенату.

14) Законы, содержащіе въ себѣ новое постановленіе или же поясненіе, измѣненіе, дополненіе, либо отмѣну прежнихъ законовъ, какъ относящіеся исключительно къ Финляндскимъ губерніямъ, такъ и общіе симъ губерніямъ съ прочими частями Государства, а равно высочайшія повелѣнія и манифесты, до сихъ губерній касающіеся, обнародываются въ Финляндіи во всеобщее свѣдѣніе тамошнимъ Императорскимъ Сенатомъ чрезъ напечатаніе ихъ въ Сборникѣ постановленій Великаго Княжества, а когда будетъ признано нужнымъ, то и чрезъ помѣщеніе ихъ въ мѣстной офиціальной газетѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ законы, высочайшія повелѣнія и манифесты должны печататься, во-первыхъ, въ Русскомъ офиціальномъ текстѣ и сверхъ того въ переводѣ на мѣстныя нарѣчія.

15) Всѣ Россійскіе подданные христіанскаго вѣроисповѣданія, приписанные къ одному изъ Финляндскихъ сословій, пользуются всѣми правами и преимуществами, въ мѣстныхъ узаконеніяхъ Финляндіи для сихъ сословій опредѣленными. Внесеніе въ мѣстные сословные списки производится порядкомъ, установляемымъ Верховною властью.

16) Всѣ Россійскіе подданные, имѣющіе право по законамъ Имперіи вступать въ гражданскую службу, могутъ быть назначаемы на оную и въ губерніяхъ Финляндскихъ.

Такъ какъ изложенныя здѣсь главныя основанія Особаго Положенія для управленія Финляндскими губерніями ни въ чемъ не измѣняютъ тѣхъ законовъ, отмѣна или измѣненіе которыхъ могутъ происходить лишь по совокупному рѣшенію Монарха и Сейма (Сеймовый Уставъ, Церковное Уложеніе и высочайшее постановленіе 9 Декабря 1867 г. о Финляндскомъ банкѣ), то ничто не обязываетъ Верховную власть вносить эти главныя положенія на разсмотрѣніе Сейма.

Ѳедоръ Еленевъ.

СОЧИНЕНІЯ Ѳ. ЕЛЕНЕВА.

ПО ФИНЛЯНДСКОМУ ВОПРОСУ.

Финляндскій современный вопросъ по Русскимъ и Финляндскимъ источникамъ. Ц. 2 р.

Ученіе о Финляндскомъ государствѣ. Ц. 1 р.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и Карбасникова.

*

Какъ проведенъ былъ Финляндцами уставъ 1878 года о воинской повинности. Ц. 30 к.

Продается въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени».

*

Les prétentions des séparatistes finlandais. Aperçu critique de la doctrine séparatiste en Finlande. Paris. 1895. Ц. 1 р. 25 к.

Въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга.